ДК
330 лат.
М-52

ЛАТЫШИ,

ОСОБЛИВО ВЪ ЛИВОНІИ,

ВЪ

ИСХОДѢ ФИЛОСОФСКАГО СТОЛѢТІЯ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ НАРОДОВѢДѢНІЮ И ЧЕЛОВѢКОЗНАНІЮ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. МЕРКЕЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Н. Шемякина.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
1870.

DK
330 Латыш
M52

ЛАТЫШИ,

ОСОБЛИВО ВЪ ЛИВОНІИ,

ВЪ

ИСХОДѢ ФИЛОСОФСКАГО СТОЛѢТІЯ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ НАРОДОВѢДѢНІЮ И ЧЕЛОВѢКОЗНАНІЮ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. МЕРКЕЛЯ.

Non ignarus mali, miseris succurrere opto.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Н. Шемякина.

985/

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1870.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
531612

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1870 г. кн. 1-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Quod si deficiant vires, audacia certe
Laus erit. In magnis et voluisse sat est.

Propertius.

Предлагая сочиненіе это на Русскомъ языкѣ, возбудившее, въ свое время, огромное движеніе въ умахъ тогдашнихъ читателей, считаю необходимымъ предпослать свѣдѣнія о виновникѣ онаго. Изъ всѣхъ извѣстій о немъ, появившихся доселѣ на разныхъ языкахъ, самыя полныя и самыя надежныя заключаются, по нашему убѣжденію, въ статьѣ Д. Ѳ. Самарина, напечатанной, въ 1858 году, въ №№ 5 и 12-мъ (Май и Декабрь) журнала: «Сельское Благоустройство,» какъ отдѣлъ журнала: «Русской Бесѣды,» издававшихся А. И. Кошелевымъ, статьѣ, озаглавленной такъ: «Баронъ Шульцъ Фонъ Ашераденъ и Докторъ Меркель (письмо къ издателю) (стр. 163—176, 384—404).» Отсылая за свѣдѣніями о первомъ къ первой половинѣ сей статьи (въ № 5-мъ), я ограничусь только второю, относящеюся преимущественно къ послѣднему.

Г-нъ Самаринъ, приступая къ жизнеописанію Меркеля, замѣчаетъ, что великому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Ливоніи не мало способствовала Литература, съ жаромъ всту-

пившаяся за это дѣло, доказывая его пользу и необходимость. Екатерина II сознавала всю пользу этой силы, и по тому каждый разъ старалась къ преобразованію путемъ Правительственнымъ приготовить общественное мнѣніе путемъ Литературы. Вскорѣ (1766 г.) послѣ Ландтага 1765 года, Вольное Економическое Общество въ Петербургѣ получило отъ неизвѣстнаго лица ящикъ съ 1000 червонцевъ и письмо, въ которомъ изъявлено было желаніе, чтобы изъ нихъ назначена была награда за лучшее рѣшеніе задачи: «Что выгоднѣе для Государства: чтобы право собственности крестьянъ ограничивалось одною движимостью, или распространялось бы и на землю, и въ какой степени должно быть допущено это право для пользы общественной?» Награда и задача исходили отъ Государыни, которая, однако, скрыла участіе свое въ этомъ, открыто выказавъ только удовольствіе свое за назначеніе задачи, вызванной, очевидно, рѣшеніемъ упомянутаго Ландтага, признавшаго за крестьянами право собственности лишь на движимость; стало, относившейся собственно къ Ливоніи. Задача эта возбудила сильное сочувствіе въ ученыхъ: прислано было 164 рѣшенія ея, но награда, въ 1000 червонцевъ и золотая медаль присуждены Французу Béardé de l'Abbaye, Економисту XVIII-го столѣтія (ум. 1771 г.). * Шлёцеръ тоже помѣстилъ статью въ своихъ: «Staatsanzeigen» (2 B., S. 431), именно: «Naturrecht, Christliche, wahre Menschenliebe in Livland 1765,» доказывая въ ней недостаточность мѣръ Ливонскаго Дворянства. Христіянъ Валентинъ Меркель, рѣшая задачу, прямо коснулся крѣпостнаго права въ Ливоніи, настаивая на необходимости совершеннаго уничтоженія его. Онъ напечаталъ свой отвѣтъ на вопросъ, въ Лейпцигѣ 1768 года, подъ заглавіемъ: «Politische und Cameralische Auflösung der einigen Preisfrage, welche die ökonomische Gesellschaft zu S.-Petersburg aufgegeben

* Оно помѣщено въ VIII-ой части «Трудовъ Вольнаго Економическаго Общества,» 1768 г., стр. 1—59, въ Русскомъ переводѣ, и перепечатано во 2-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., отд. V, стр. 102—131. Читано же было 23-го Апрѣля, 1768 года, въ Собраніи Економическаго Общества.

hat.» Спустя 20 лѣтъ показалась и: «Geschichte der Sclaverei und Character der Bauern in Liv-und Esthland; e. Beitr. z. Verbesser. d. Leibeigenschaft. Riga u. Lpz., Hartknoch, 1786, 8°,» составленная Пасторомъ Яннау. Но въ рѣшеніи этого вопроса всѣхъ ихъ превзошелъ соименникъ предпослѣдняго, Гарлибъ (Garlieb) Меркель, который въ сочиненіяхъ своихъ разработалъ его уже примѣнительно къ Латышамъ и Эстамъ въ Ливоніи, Куроніи и Эстоніи.

Онъ родился 21-го Октября, 1769 года (по другимъ 1772, даже 1776), въ Ливоніи, отъ сельскаго пастора. Все дѣтство провелъ онъ въ родительскомъ домѣ, и по тому насмотрѣлся вдоволь, какъ сосѣдніе помѣщики и пасторы обращались съ бѣдными крестьянами, что крѣпко залегло въ его душу и навсегда опредѣлило будущую дѣятельность; да и отецъ его иначе не называлъ Латышей, какъ людьми, которыхъ поработили Нѣмецкіе монахи и Меченосцы. Учился молодой Меркель сперва въ частномъ Училищѣ въ Ригѣ, потомъ въ Гимназіи, но на 13-мъ, по случаю смерти отца, воротился къ матери своей въ деревню. Тутъ принялся онъ за самообразованіе: съ жадностью читалъ книги изъ отцовской Библіотеки, выучился по Латыни и по Французски, и перечелъ всѣ почти сочиненія Французскихъ писателей XVIII-го вѣка. Изъ нихъ наибольшее впечатлѣніе произвели на него Руссо, Вольтеръ и Райналь. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія у матери, Меркель вступилъ было вторично въ Гимназію, но опять не надолго: не кончивъ ученія и не имѣя возможности, по бѣдности, отправиться въ Университетъ, онъ, на 17 году, опредѣлился въ службу. Однако, не поладивъ и съ нею, бросилъ ее, пошелъ въ актеры, а тамъ въ учители къ сельскому пастору. Живя въ деревнѣ, онъ занялся дальнѣйшимъ образованіемъ себя, а также поэзіей, въ коей преслѣдовалъ все таки свой любимый предметъ: «Klageruf des leibeigenen Letten. Altlivische Sage:» послѣднее послужило потомъ основой большаго его стихотворенія: «Wannem Imanta», написаннаго, 1802 г., въ Германіи, съ цѣлію, посвятивъ его Императору Александру, побудить тѣмъ къ освобожденію крѣпостныхъ въ Ливоніи.

Императоръ, прочитавъ его, велѣлъ строжайше изслѣдовать положеніе Прибалтійскихъ крестьянъ. Рыцари, однако, нашлись: не отрицая жалкаго положенія своихъ рабовъ, они свалили причину того на свою вѣрноподданническую службу Русскому Царю, препятствующую имъ самимъ заниматься благосостояніемъ своихъ крестьянъ, которыхъ, пользуясь ихъ отсутствіемъ, тѣснятъ и разоряютъ, молъ, управители. Послѣ двухлѣтняго учительства, Меркель переселился въ Ригу, чтобы жить вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Мекомъ. Въ это время тамъ производилось нѣсколько слѣдствій надъ помѣщиками, за истязанія ими своихъ крестьянъ. Всеобщая молва объ этихъ злоупотребленіяхъ и неодобреніе ихъ нѣкоторою частью Дворянства до того подѣйствовали на Меркеля, что онъ рѣшился обнародовать ихъ, чтобы обличить, не столько лица, сколько порядокъ вещей. А чтобы собрать побольше матеріяловъ для задуманнаго имъ предпріятія, снова опредѣлился онъ учителемъ къ такому помѣщику, по сосѣдству котораго жилъ другой, разорившій своихъ крестьянъ до того, что большая часть ихъ бѣжала даже за границу. Кромѣ собственныхъ наблюденій, Меркель пользовался тутъ еще бесѣдою одного сосѣдняго пастора, бывшаго другомъ Шульца Фонъ Ашерадена. Накопивъ матеріяла, Меркель, въ концѣ Апрѣля, 1796 года, поспѣшилъ въ Лейпцигъ, гдѣ, опредѣлившись въ Университетъ по Медицинскому Факультету, занялся отдѣлкой своего труда: онъ показалъ его еще въ рукописи другу своему, поэту Сейме, который, прочитавъ, прислалъ ему стихотвореніе, напечатанное въ концѣ 1-го изданія книги Меркеля; рукопись онъ продалъ одному книгопродавцу, по червонцу за листъ, и съ условіемъ, чтобы непремѣнно была готова къ мѣсяцу Августу, когда Прибалтійскіе Дворяне съѣдутся снова совѣщаться о крестьянахъ своихъ. Книга эта озаглавлена имъ: «Die Letten, vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker-und Menschenkunde, von G. Merkel.» Епиграфъ: «Non ignarus mali, miseris succurrere opto.» Leipzig, 1797, bey Heinrich Gräff, въ 8-ю д. л., XVI и 380. Тутъ, передъ заглавіемъ, приложено изображеніе, на коемъ представлено, какъ монахъ, правой рукой подноситъ старцу Латышу чашу, лѣвой же, поднятой вверхъ, грозитъ зажечь рубленую хижину, между тѣмъ рыцарь, съ

своей стороны, приставилъ обнаженный мечъ къ груди. Хижина подлѣ огромнаго дерева, на одной вѣтви котораго повѣшена зыбка съ дѣтей: оно проснулось и кричитъ, поднявъ свои ручонки. Подъ изображеніемъ подпись: «Geschichte der Letten.» Сочиненіе свое Меркель посвятилъ тогдашнему Генералъ-Губернатору Эстоніи и Ливоніи (съ 1792 г.), знаменитому Князю Николаю Васильевичу Репнину, бывшему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Литовскимъ (съ 1795 по 1798). Это-то сочиненіе предлагается здѣсь въ Русскомъ переводѣ. Читатель самъ оцѣнитъ важность его для тогдашняго времени, не утратившую и теперь еще своего значенія для Прибалтійскаго края. Разумѣется, сочиненіе это не безъ недостатковъ; но если, съ одной стороны, оно и представляется намъ неудовлетворительнымъ, какъ справедливо замѣтилъ то Д. О. Самаринъ (стр. 395), за то, «по полемическому своему характеру, по благонамѣренности своей, и наконецъ по живому изображенію того положенія, въ которомъ находилось крѣпостное состояніе въ Ливоніи въ концѣ XVIII вѣка, оно имѣетъ даже въ настоящее время несомнѣнное достоинство. Оно написано съ жаромъ и увлеченіемъ; видно, что Меркель высказалъ въ немъ то, что, въ продолженіи долгаго времени, накопилось у него на душѣ, и что онъ долго принужденъ былъ сдерживать въ себѣ; видно, что онъ былъ вполнѣ проникнутъ истиною, которую провелъ въ книгѣ своей, и вынесъ всѣ впечатлѣнія свои о вредѣ крѣпостнаго права не изъ книгъ и не изъ разсказовъ, а непосредственно изъ самой жизни.»

Успѣхъ Меркеля былъ блестящій: онъ доставилъ ему извѣстность между учеными и свѣтскими; желали посѣщать его нарочно для знакомства, присылали благодарственныя письма; въ особенности же сочиненіе это повліяло на нѣкоторыхъ изъ молодыхъ Ливонскихъ Дворянъ, воспитывавшихся въ Лейпцигскомъ и Іенскомъ Университетахъ и путешествовавшихъ за границей: одинъ изъ такихъ, лично познакомившись съ сочинителемъ, въ послѣдствіи былъ самымъ ревностнымъ дѣятелемъ при составленіи Устава 1819 года, коимъ давалась личная свобода Латышскимъ крестьянамъ въ Ливоніи. Естественно, сочиненіе его скоро потребовало новаго

изданія (1800 г.). Отрывки изъ него переведены были на Французскій и Датскій языки, а черезъ нѣсколько лѣтъ появилось и подражаніе: «Esthland und die Esthen, oder historisch-geographisch-statistisches Gemälde von Esthland. Ein Seitenstück zu Merkel über die Letten, von Petri. 3 Theile. Gotha, Ettinger, 8°, mit Kupf. 1802.» Но Ливонское Дворянство было до того недовольно Меркелемъ, что, какъ утверждали, всѣ экземпляры его сочиненія, попавшіе къ нимъ, сожгло, а желчнымъ возраженіямъ не было конца; въ особенности 3 личности напали на него съ ожесточеніемъ: Фонъ Фиркъ (G. F. Fircks) въ: «Die Letten in Kurland, oder Vertheidigung meines Vaterlandes gegen d. Angriffe v. G. Merkel. Leipzig, Hirschfeld, 1804, 8°;» Пасторъ Тибе (F. Tiebe) въ: «Lif-und Esthlands Ehrenrettung gegen Hrn. Merkel und Petri. Halle, Gebauer, gr. 8°, 1804,» и неизвѣстный, выступившій въ «Allgemeine Zeitung» съ вопросами Меркелю и требованіемъ отвѣта на нихъ къ опредѣленному времени, въ противномъ же случаѣ молчаніе, де, покажетъ сознаніе въ несправедливости его сочиненія. Отвѣты Меркеля заставили неизвѣстнаго замолчать печатнымъ образомъ, но послѣ смерти отыскано было продолженіе, которое Тибе и обнародовалъ подъ заглавіемъ: «Nachtrag zu Lief-und Esthlands Ehrenrettung, oder die Todten Liflands stehen gegen Herrn Merkel auf. Halle, Gebauer, 1805, gr. 8°.» Но ревностнѣе всѣхъ преслѣдовали Меркеля въ книжонкѣ: «Райскій садокъ для Гарлиба Меркеля», явившейся въ 1806 году, въ коей цѣлыхъ 104 страницы посвящены самой грубой руготнѣ стихами и прозой. Препираніе это, при всемъ пристрастіи и жесткости, открыло, однако, путь для гласнаго обсужденія такого предмета, который безъ гласности и не могъ быть надлежащимъ образомъ обсужденъ. Замѣтили, что Меркель выражался со страстью, но справедливо; впрочемъ, страсть его была отъ ревности по доброму дѣлу; безъ нея онъ прошелъ бы не замѣченнымъ и не услышаннымъ, какъ предшественники его: она воодушевляла его слово и согрѣвала его сердце, и тѣмъ затрогивала другихъ; возбудила противниковъ, но и вызвала защитниковъ, послѣдователей и продолжателей его дѣла.

Осенью 1796 года Меркель переѣхалъ въ Іенскій Университетъ, а изъ него, весной, въ Веймаръ, гдѣ въ особенности сошелся съ Гердеромъ; занимался Нѣмецкой Литературой, до того бывшей ему мало извѣстной, не покидая, однако же, слѣдить за избранной имъ задачей. Такъ въ 1797 г. онъ издалъ: «Ein Supplement zu den Letten in Lifland,» въ коемъ онъ обсуждалъ постановленія Дворянства по новому пересмотру Крестьянскаго Устава, въ слѣдствіе тайнаго повелѣнія Императрицы; но Рыцарство, послѣ двухлѣтнихъ совѣщаній, ограничилось самыми незначительными измѣненіями въ этомъ Уставѣ. Кромѣ того онъ издалъ: «Hume und Rousseau über den Urvertrag, nebst einer Abhandlung über Leibeigenheit», посвятивъ его Ливонскимъ Дворянамъ; далѣе, два небольшіе романа: «Rückkehr aus Vaterland, e. Halb-Roman. Kopenhagen, Proft, 1798, 8°,» и: «Eine Reisegeschichte. Berlin, Fröhlich, 1800, 8°;» также работалъ надъ: «Die Vorzeit Liflands. Ein Denkmal d. Pfaffen u. Rittergeistes,» которое явилось въ Берлинѣ, bey Voss, 1798—1799 и 1807, въ 2-хъ томахъ, mit Kupfern, и въ которомъ изложена Исторія Ливоніи до подпаденія ея подъ власть Польши, также происхожденіе крѣпостничества въ Ливоніи и тѣ вредныя послѣдствія, кои произошли отъ покоренія Латышей пришельцами. Около этого времени Меркель переѣхалъ въ Данію Секретаремъ къ тамошнему Министру, Шимельману, но оставался въ этой должности недолго. Живя тутъ, онъ присутствовалъ при уничтоженіи послѣднихъ остатковъ крѣпостнаго состоянія въ Даніи. Съ 1799 по 1806 годъ Меркель прожилъ въ Берлинѣ, гдѣ, между прочимъ, предавшись политикѣ, издавалъ, съ А. Фонъ Коцебю, газету: «Der Freimüthige», oder Ernst und Scherz. Ein Unterhaltungsblatt, съ 1803 по Іюль 1806, возбуждая въ ней Нѣмцевъ противъ Французовъ, что, однако, не прошло ему даромъ, такъ какъ принужденъ былъ поспѣшно бѣжать изъ Германіи. Это отвлекло было его на нѣкоторое время отъ его любимаго предмета, и онъ пропустилъ безъ всякихъ, со стороны своей, замѣчаній новый Уставъ Крестьянскій, изданный въ 1804 г. въ Ливоніи, коимъ строго опредѣлялись повинности крестьянъ. Но поселившись, послѣ Іенскаго погрома, въ 1806 г., опять въ Ригѣ, Меркель, между прочимъ,

издавалъ журналъ: «Ruthenia,» въ коемъ сильно ратовалъ за Русское Государство, всюду обращая на него взоры туземцевъ, въ твердомъ увѣреніи, что, не взирая ни на какія превратности въ Русскомъ Царствѣ, только отъ ея Государей слѣдуетъ ждать Прибалтійскимъ рабамъ улучшенія своей судьбы. Въ годину же бѣгства Наполеона изъ Россіи, онъ надоумилъ вступить съ Прусскимъ Генераломъ, Іоркомъ, въ сношеніе. За тѣмъ обратился онъ снова къ своему дѣлу: онъ написалъ отвѣтъ Вольному Экономическому Обществу въ Петербургѣ, слѣдившему за преобразованіями въ Прибалтійскомъ краѣ, на его задачу: «Принявъ въ соображеніе скорость, качество и стоимость работъ, опредѣлить: что выгоднѣе для собственника—обработывать свою землю крѣпостными работниками, или вольными, тамъ, гдѣ можно ихъ найти.» Въ сущности, этѣмъ поднимался вновь тотъ же вопросъ, какой былъ уже разъ предложенъ симъ Обществомъ, 50 лѣтъ предъ тѣмъ, и какъ тамъ не безъ участія Государыни, тамъ и сдѣсь Государь не только выразилъ Обществу благоволеніе за назначеніе такой задачи, но и прибавилъ къ обѣщанной наградѣ сумму, въ трое превосходившую сумму отъ Общества. Меркель напечаталъ, въ 1814 г., въ Ригѣ, отвѣтъ подъ заглавіемъ: «Beweis, dass es halb so viel koste seine Ländereien von Tagelöhnern bearbeiten zu lassen, als von leibeigenen Bauern.» Заглавіе уже указываетъ на содержаніе отвѣта: скорость и качество работы, по убѣжденію Меркеля, зависятъ отъ разныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ни какого отношенія къ свободѣ, или не свободѣ, рабочаго; все различіе въ самой работѣ идетъ отъ побужденій къ труду. Но и это сочиненіе постигла почти та же участь, что и первенца его: оно было вскорѣ отобрано въ Ливоніи, а награда выдана Обществомъ Якобу (L. H. Jacob) за: «Ueber die Arbeit leibeigener und freier Bauern in Beziehung auf den Nutzen der Landeigenthümer in Russland. Eine gekrönte Preisschrift. St.-Petersburg, 1814.»

Къ этому времени возобновились и занятія Эстонскаго Комитета, прерванныя нашествіемъ Наполеона, именно: еще въ 1811 году тамошнее Дворянство согласилось даровать крестьянамъ личную

свободу, что было одобрено и Правительствомъ, утвердившимъ главныя основанія для составленія новаго Крестьянскаго Устава. Меркель тотчасъ отправился за границу, чтобы тамъ, выждавъ послѣдствія совѣщаній Дворянъ, издать продолженіе своего сочиненія: «Die Letten,» если бы и на сей разъ дѣло это потерпѣло неудачу. Но когда явился, въ 1816 году, Уставъ объ Эстонскихъ крестьянахъ, онъ помѣстилъ въ журналѣ: «Ernst und Scherz,» № 147-мъ, 1817 года, статью: «Ueber die Aufhebung der Leibeigenschaft in Esthland;» когда же такое освобожденіе крестьянъ, т. е., безъ надѣла, совершилось также и въ остальныхъ двухъ Губерніяхъ, съ торжествомъ 6-го Генваря, 1820 года, въ Ригѣ, Меркель тогда же обнародовалъ въ Лейпцигѣ сочиненіе свое: «Die freien Letten und Esthen. Eine Erinnerungsschrift zu dem 6 Januar 1820 in Riga gefeierten Freiheitsfeste. Hartmann, 8°.» Въ немъ, со всею подробностью, представлено происхожденіе крѣпостнаго состоянія въ этомъ краѣ и оцѣнены мѣры для уничтоженія его, предпринимавшіяся Поляками, Шведами, въ особенности же Русскими. Императоръ наградилъ сочинителя небольшимъ пожизненнымъ содержаніемъ, а земляки—новой тучей самой изысканной площадной брани и титломъ «Русскаго льстеца,» за продолжительное ратованіе его по благѣ меньшей братіи, этой, въ глазахъ соплеменниковъ его, неключимой чяди. Въ продолженіе своей тяжкой борьбы, Меркель ни разу нигдѣ не произнесъ ни чего предосудительнаго о Россіи и Русскихъ, ожидая отъ нихъ только улучшенія судьбы гонимыхъ безпощаднымъ рокомъ. Упрекаютъ, впрочемъ, Меркеля въ томъ, что онъ въ этомъ большомъ сочиненіи своемъ не отмѣтилъ недостатковъ новаго преобразовательнаго Устава (1816, 1817 и 1819 г.): личная свобода, правда, была дана, но надѣлъ землею и наслѣдственное право владѣнія ею, признанное было Ливонскимъ Уставомъ 1804 года, возобновившимъ въ сущности только постановленіе еще Шведскаго Правительства 1687 года, отмѣнены; отъ этого новый Уставъ былъ хуже безспорно стараго. Этотъ мнимой, какъ увидимъ, просмотръ вызвалъ на него нападеніе нѣкоторыхъ писателей въ Германіи и Франціи; такъ, въ журналѣ: «Hermes oder kritisches Jahrbuch der Literatur für das

Jahr 1821» появилась (въ 3-tes Stück) статья: «Ueber die neuerlich begründete Bauernfreiheit in den Russischen Ostseeprovinzen,» и въ: «Revue encyclopédique» 1822 года статья Жоржа Депинга (Georges Depping): «Sur l'émancipations des daysans dans les provinces de la Baltique.» Обѣ сіи статьи были повторены въ новомъ изданіи 1855 года во Франкфуртѣ на Майнѣ подъ послѣднимъ заглавіемъ. Конечно, въ этомъ случаѣ нельзя обвинять Меркеля въ недобросовѣстности; нѣтъ, онъ, какъ основательно замѣчаетъ Д. Ѳ. Самаринъ (стр. 404), «испытавъ, въ продолженіи 20 лѣтъ, всю трудность провести въ жизнь свои убѣжденія, долженъ былъ съ радостью встрѣтить признаніе столь важнаго начала, какъ личная свобода крестьянъ. Эта радость заслонила отъ него слабыя стороны означеннаго Устава.» Впрочемъ, вникнувъ глубже въ сочиненія Меркеля, и это обвиненіе оказывается неосновательнымъ, по тому что уже и въ самомъ первомъ его трудѣ объ этомъ предметѣ, именно въ предлагаемой теперь книгѣ: «О Латышахъ въ Ливоніи,» встрѣчаются мѣста, въ коихъ онъ, всею силою своихъ убѣжденій, доказываетъ неминуемую необходимость обезпечить крестьянскій надѣлъ землею отъ рыцарскихъ захватовъ точнымъ опредѣленіемъ повинностей первыхъ къ послѣднимъ, а это не то же ли, что сказать: земля крестьянская принадлежитъ крестьянамъ, есть ихъ собственность неотъемлемая, пока они несутъ за нее извѣстныя повинности? Съ тѣхъ поръ Меркель считалъ, что онъ какъ бы прошелъ уже то поприще, которое было ему предназначено. Бывши дѣятелемъ въ двухъ главныхъ преобразованіяхъ крестьянскаго дѣла, онъ, въ глубокой старости, дожилъ и до третьяго, т. е., былъ свѣдѣтелемъ новаго сельскаго Уложенія или Устава въ 1849 году для Ливоніи. Конечно, и оно, какъ первые два, несовершенно, доказательствомъ чему—стремленіе къ совершеннѣйшему какъ Правительства, такъ и благонамѣренныхъ изъ среды самыхъ Ливонскихъ Дворянъ, не говоря уже ни слова о настроеніи господствующаго Русскаго населенія въ Русскомъ Государствѣ. Меркель, однако, достигши и того, что Провидѣніе судило ему видѣть исполнившимся изъ его предначертаній и стремленій, не могъ жаловаться на безплодность своей дѣятельности. Завидная награда, не

всякому на подобномъ поприщѣ выпадающая въ удѣлъ! Доброе начало не безъ добраго и конца. Лихо дѣло въ узелъ вправить, говоритъ Русскій, а ужь догоритъ свѣчка до полочки. Но гдѣ не было почина, тамъ, конечно, нѣтъ ни розы, ни крина.

Изъ прочей дѣятельности Меркеля извѣстно его участіе въ борьбѣ противъ братьевъ Шлегелей. Въ 1797 напечаталъ онъ «Alx. Pope: Der Lockenraub, e. scherzl. Heldengedicht, frey und metrisch übersetzt. Leipzig, Feind, 8°.» Въ 1800: «Erzählungen. Berlin, Sander, 8°.» Тогда же: «Sammlung von Völkergemälden, nebst ein. Versuche über die Geschichte der Menschheit. Lüb. Bohn, 8°.» Въ 1802: «Randzeichnungen. E. Buch, dem der Verfasser viel Leser wünscht. 6-te (A-te) Ausgabe. Berlin, Quien, 8°.» Тогда же: «Briefe an e. Frauenzimmer über die neuesten Producte der schönen Literatur in Deutschland. Berlin, Sander, 2 Jahrgänge, 8°; ders. 25—26 Heft, Leipzig, Schmidt, 1803, 8°.» Въ 1804: «Montesquieu's Tempel zu Gnidos, aus d. Franz. Weimar, Hoffmann, 8°.» Въ 1807 явились: «Sämmtliche Schriften. Riga, Hartknoch. 1—2 Bd. Erzähl. Schrift.» Въ 1811 написалъ небольшое посланіе къ извѣстному Геерену: «Ist das stete Fortschreiten der Menschheit ein Wahn?» Sendschreiben an Heeren. Riga, Deubner, 8°.» Тогда же (1811): «Ueber Deutschland, wie ich es nach 10-jähr. Abwesenheit wiederfand. Heidelb. Gross. 8°.» Въ 1811 и 1812 занимался изданіемъ: «Zeitung für Literatur und Kunst. Riga, Meinshausen. 4 Quartale, 4°.» Въ 1812 появились: «Skizzen aus meinem Erinnerungsbuche. 1—3-s Heft. Riga, Meinshausen, 8°; 4 Heft auch unter d. Titel: «Uebersicht meiner Leistungen als Zeitschriftsteller Deutschlands. Riga, Meinshausen, 1816, 8°, a Neue Ausgabe aller Heft. Eb. 1824, 8°.» Въ 1816 и 1817 возобновилъ было журналъ: Ernst und Scherz, oder der alte Freimüthige. Berlin, Haude u. Spener. 2-s Quartal bei Enslin, gr. 4°.» Въ 1829 участвовалъ съ Ешшольцемъ, Лихтенштейномъ, Реке и Гибнеромъ, въ изданіи Е. Х. Траутфетера: «Die Quatember. Zeitschrift für naturwissenschaftl., geschichtl., philolog., literar. und gemischte Gegenstände. 1 Bd. 1—4 Heft, Mitau, Reyher; Leipzig, Barth,

8°.» Наконецъ, многое изъ своего прошлаго онъ разсказалъ самъ въ: «Darstellungen und Charakteristiken aus meinem Leben. Riga, 1829, 2 Bde.» Вѣроятно, были и другія сочиненія и переводы Меркеля, но они мнѣ не извѣстны даже и по названію. Умеръ Меркель 28 Апрѣля, 1850 года, въ своемъ жилищѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Риги. Латышское Общество въ послѣднемъ городѣ, 21-го Октября, 1869 года, праздновало столѣтнюю годовщину дня рожденія Меркеля, хотя, по происхожденію и Нѣмца, но ревностнаго защитника Латышей и Эстовъ. Могилу, пишутъ, его украсили памятникомъ изъ глыбы сѣраго гранита, вѣнчаннаго золотымъ крестомъ и съ надписью. Разумѣется, странно въ высокой степени встрѣтить такого ревнителя по свободѣ чуждыхъ племенъ въ человѣкѣ, вышедшемъ изъ среды племени, самаго враждебнаго заступаемымъ имъ, племени Нѣмецкаго, коего члены въ его отечествѣ съ такою настойчивостью въ жизни преслѣдовали всевозможнымъ образомъ, взводя на него невообразимыя обвиненія, называя измѣнникомъ своему роду и тому подобнымъ; но, спрашивается, для кого измѣнникомъ? Для Латышей и Эстовъ? Что же тѣ и другіе могли сулить ему за такое отреченіе отъ своего рода? Не уже ли чествованіе дня рожденія его послѣ бурной и треволненной жизни? «Онъ мѣтилъ дальше,» говорятъ намъ: «онъ раболѣпствовалъ передъ Русскими, и звалъ ихъ на защиту.» Чью? Не слабыхъ ли, гнетомыхъ сильными? Совершенная правда! Но это показываетъ только, что чувство справедливости и человѣчества въ немъ было выше всего въ мірѣ, выше всякаго происхожденія, сословія и подобныхъ тому людскихъ разграниченій. Тѣмъ больше чести, славы и памяти ему за то у потомства, конечно, не Нѣмецкаго, которое и теперь еще не можетъ переварить самомалѣйшаго намека на этого земляка своего, и считаетъ лучше хранить упорное молчаніе о немъ даже въ самый юбилей его, чѣмъ, отрѣшась отъ предубѣжденій, воздать должное смѣлому борцу за человѣческое достоинство, вышедшему изъ своей среды, и тѣмъ сколько ни есть сгладить несправедливость къ нему его Нѣмецкихъ современниковъ. Дѣйствительно, въ газетахъ и журналахъ писали, что Рижскіе Нѣмцы почти не присутствовали на этой столѣтней годовщинѣ, мстя Меркелю за его

безпристрастную правду. Явленіе поучительное, хотя, впрочемъ, не единственное! И Гердеру, также Нѣмцу, родившемуся въ землѣ, нѣкогда принадлежавшей соплеменникамъ Латышей, въ Западной Пруссіи (въ Морагѣ или Марунгенѣ), 1744, жившему, подобно Меркелю, первоначально въ Ригѣ, потомъ Кенигсбергѣ и т. д., до переселенія своего въ Веймаръ, и скончавшемуся 1803 г., съ которымъ, какъ сказалъ я уже выше, Меркель хорошо сошелся въ свое пребываніе за границей, и Гердеръ, говорю, по сю пору не всѣми Нѣмцами прощается за такую же безпристрастную правду къ человѣчеству; разумѣю за то, что въ своихъ «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (Riga und Leipzig, 1785—1792), онъ отдалъ должное Славянамъ, безстрашно провозгласивши во всеуслышаніе, что многіе народы, всѣхъ же больше Нѣмцы, крѣпко провинились передъ ними: «So haben sich mehrere Nationen, am meisten aber die vom Deutschen Stamme, an ihnen hart versündigt.» И ниже: «In ganzen Provinzen wurden die Slawen ausgerottet, oder zu Leibeigenen gemacht, und ihre Ländereien unter Bischöfe und Edelleute vertheilet;» и что, не смотря на такое печальное состояніе этого племени, благородный Гердеръ питалъ горячую увѣренность, что «werdet auch ihr so tief versunkene, einst fleissige und glückliche Völker, endlich einmal von euren langen trägen Schlaf ermuntert, von euren Sklavenketten befreiet, eure schönen Gegenden vom Adriatischen Meer bis zum Karpatischen Gebürge, vom Don bis zur Mulda, als Eigenthum nutzen, und eure alten Feste des ruhigen Fleisses und Handels auf ihnen feiern dörfen.» (IV Th., XVI Buch, IV Abschn., S. 37—39). Оба они хотя и Нѣмцы, но, слѣдуя извѣстному изреченію стараго Римскаго писателя (Теренція): «Homo sum, humani nihil a me alienum esse puto,» вознеслись надъ, почитай, прирожденными свойствами своего народа. И если и тому и другому не суждено было видѣть за жизни еще исполненія своихъ желаній и стремленій въ полномъ совершеніи, то оба они могли утѣшиться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что дѣло было направлено ими къ тому, и рано, поздно, прійдетъ оно къ своему концу. По сему, оглядываясь на пройденный путь, имѣли полное право спокойно

сказать себѣ въ утѣшеніе, за одно съ Плиніемъ: «Itaque etiam non assecutis, voluisse abunde pulcrum et magnificum est.»

Латышское Общество въ Ригѣ издало, говорятъ, въ свѣтъ портретъ Меркеля, который и продается для составленія капитала на болѣе значительный памятникъ ему.

О. Бодянскій.

19 Февраля, 1870 г.
Москва.

ЕГО СВѢТЛОСТИ,

КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ

РЕПНИНУ,

Генералъ-Аншефу, Сенатору, Намѣстнику Ливоніи, Эстляндіи и Литвы, Подполковнику гвардіи, Шефу Таврическаго гренадерскаго полка, Кавалеру Ордена Св. Андрея и прочихъ Россійскихъ Орденовъ и проч.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ

посвящаетъ это свое твореніе

Сочинитель.

Свѣтлѣйшій Князь,

Милостивѣйшій Государь!

Приносить счастіе людямъ гораздо выше побѣдъ надъ ними. При Вашемъ имени, Свѣтлѣйшій Князь, смѣлый Османъ благословляетъ миръ и съ трепетомъ припоминаетъ страшные дни, когда Вы разгоняли его войска впереди Россійскихъ орловъ. Европа удивляется Вамъ. При Вашемъ имени тысячи бѣдняковъ поднимаютъ къ Небу полные слезъ глаза и молятъ Вамъ благословенія. Для Вашего великодушнаго сердца это торжество должно быть безконечно пріятнѣе перваго, по тому что участь лица, посланнаго къ ликующимъ народамъ въ качествѣ поручителя за ихъ счастіе и подателя этого счастія, не гораздо ли славнѣе той, когда вѣстникомъ гнѣва и мстительной справедливости проходятъ дрожащіе отъ страха края, во главѣ дышащихъ войною армій? Не гораздо ли больше усмиренія Мусульманъ должно радовать Васъ, Свѣтлѣйшій Князь, то ликованье, съ какимъ, не много лѣтъ назадъ, приняли Васъ жители Ливоніи? Я, Милостивѣйшій Государь, былъ свѣдѣтелемъ всеобщей радости, которую распространила вѣсть, что наша безсмертная Государыня избрала Васъ, почтеннаго и справедливаго друга людей, своимъ Намѣстникомъ въ моей родинѣ. Я былъ свѣдѣтелемъ всеобщаго унынія, когда Вы, Свѣтлѣйшій Князь, покидали опять Ливонію, чтобы вновь покоренные народы ознакомить съ кротостью и мудростью Великой Екатерины. Я тоже ликовалъ и печалился вмѣстѣ съ моими согражданами.

Это и признанныя всѣми человѣколюбіе и благотворительность Вашей Свѣтлости ручаются, что Вы милостиво пріймете этотъ трудъ, произведеніе чистой и безкорыстной любви къ отечеству: они подаютъ вѣрную надежду на Ваше участіе въ томъ правомъ дѣлѣ, которое осмѣливаюсь защищать предъ Вашею Свѣтлостью.

Въ областяхъ, которыя ввѣрены были Вашему попеченію, томятся въ невыразимомъ бѣдствіи многія сотни несчастныхъ, лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ. Если бы горе ихъ могло дойти до престола, оно давно бы было утолено. Увы! у нихъ нѣтъ ни кого, кто бы вооружился за нихъ и былъ бы ихъ заступникомъ у престола Великой Монархини. Низкое положеніе, въ какомъ живутъ они, и благоденствіе высшихъ сословій не даютъ видѣть ихъ бѣдствія. Къ кому же могутъ они поднять съ надеждою свои взоры, кромѣ Васъ, Свѣтлѣйшій Князь, Васъ, облаченнаго обширнѣйшимъ довѣріемъ Императрицы, снискавшаго славу быть полезнымъ не для чего либо другого, а только для добраго дѣла?

Этѣ несчастные составляютъ только часть, но самую многочисленную и важнѣйшую часть, жителей тѣхъ странъ, которыя пользовались Вашимъ покровительствомъ. Они также имѣютъ право на Ваше великодушіе. Не уже ли они будутъ напрасно умолять о немъ? Не уже ли, Ваша Свѣтлость, откажете въ Вашемъ сильномъ словѣ за нихъ?

Такая мысль—поношеніе! Нѣтъ, если Ваша Свѣтлость знаете бѣдствіе ввѣренныхъ Вамъ людей, то Ваше покровительство для нихъ уже вѣрно. Съ непреодолимымъ рвеніемъ истиннаго друга людей, Вы вступитесь за нихъ, Милостивѣйшій Князь! Муд, человѣколюбивая Государыня, исполнившись высокаго негодованія, услышитъ, что есть несчастные въ ея Государствѣ, что такая

важная часть ея подданныхъ поставлена ниже людей ихъ безчувственными и корыстолюбивыми согражданами. Одно слово безсмертной Екатерины возстановитъ всѣ народы въ ихъ правахъ, которыхъ они лишены были въ продолженіе пяти столѣтій. Со слезами самой горячей признательности моя родина запишетъ въ своихъ лѣтописяхъ:

«Во время управленія Намѣстничествомъ Князя Репнина, человѣколюбиваго героя, благодаря его великодушному старанію, милліонъ притѣсненныхъ людей освобожденъ былъ отъ самаго позорнаго рабскаго ига и возвращенъ человѣчеству.»

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Свѣтлѣйшій Князь,

Милостивѣйшій Государь,

Вашей Свѣтлости

всепокорнѣйшій

Г Меркель.

ВВЕДЕНІЕ.

Admonere voluimus, non mordere; prodesse, non laedere; consulere moribus hominum, non officere.

Frasmus Rot.

Разсудокъ одержалъ побѣду, и настаетъ столѣтіе справедливости. Пылкое чувство человѣческаго достоинства и права овладѣваетъ всѣми, даже самыми грубыми народами. Мудрые правители познаютъ свое назначеніе въ распространеніи кругомъ себя счастія, радостей и просвѣщенія. Сокровища высшаго знанія они извлекаютъ изъ мрака ученой комнаты и, употребляя ихъ для улучшенія Государства, пользуются своими царственными правами за тѣмъ только, чтобы на вѣрномъ основаніи утвердить благоденствіе своихъ народовъ. Они знаютъ и думаютъ съ удовольствіемъ, что они люди, и въ каждомъ днѣ своей жизни обязаны отвѣтственностію благу человѣчества. Спасительныя учрежденія заступаютъ мѣсто варварскаго обычая болѣе мрачныхъ столѣтій. Благоразумные законы и бдительное наблюденіе за ними не даютъ мѣста одуряющему произволу. Оковы расторгаются, темницы невинныхъ рушатся, и самую судьбу несчастнаго преступника рѣшаетъ человѣколюбіе. Сами Государи охотно уничтожаютъ самыя страшныя изъ своихъ верховныхъ правъ, когда эти права находятся въ противорѣчіи съ правами человѣчества,—и любовь, и успѣхи народовъ служатъ наградой великодушію Государей. Но тамъ, гдѣ этого не бываетъ, съ лихорадочною силою народы поднимаются другъ за другомъ, сбрасы-

ваютъ съ себя оковы, и самыми орудіями своего рабства низлагаютъ своихъ тирановъ, съ ихъ клевретами. Но увы! бѣшенство самаго спасительнаго перелома не одушевленіе мудрости. Пожаръ, истребляющій зданіе для пытокъ, обращаетъ въ пепелъ и прилегающія къ нему больницы. Горе народу, который ищетъ спасенія въ отчаяніи! Только въ крови тысячъ невинныхъ людей удастся ему задушить нѣсколько нечестивцевъ. Но горе, тысячу разъ горе, тиранамъ, которые, вмѣсто того, чтобъ научаться изъ примѣровъ и постепенно расторгать узы рабства, только стягиваютъ ихъ крѣпче и хотятъ доставить спокойствіе угнетеннымъ, задушая ихъ. Въ то время, когда даже гордый Англичанинъ напрягаетъ силы, чтобы дать свободу и гражданскія права своимъ Негритянскимъ рабамъ, въ Европѣ есть цѣлые народы, которые, будучи заявлены неспособными къ личной свободѣ и высшимъ стремленіямъ, сгибаются подъ бичемъ самаго жестокаго деспотства, оглашаютъ звукомъ цѣпей могилы своихъ свободныхъ отцовъ, пашутъ свои поля для вѣчно чуждаго имъ разряда людей и обогощаютъ его тѣмъ, между тѣмъ какъ сами чуть не умираютъ съ голода. И кто же давитъ ихъ? Государи? Нѣтъ, ихъ сограждане. Принесенные на жертву корыстолюбію немногихъ Дворянъ, Латыши и Эсты не имѣютъ ни какого значенія въ ряду народовъ, до тѣхъ поръ, когда и они докажутъ права свои огнемъ, мечемъ и кровію своихъ властелиновъ. О, если бы мудрость возвышенной, великой Екатерины пощадила потомство отъ этѣхъ ужасовъ!

Только какъ ни грустенъ образъ Латышскаго раба, какъ ни позорно пятно, которое кладетъ его положеніе на просвѣщенное столѣтіе, я, однако жъ, очень далекъ отъ того, чтобы хотѣть винить Ливонское Дворянство въ общей всему ему злобѣ. Хоть и правду говорилъ одинъ оцѣнщикъ въ «Литературной газетѣ: «Нѣкоторыя здѣшнія дамы заливаются въ Театрѣ слезами при «жалостныхъ сантиментальностяхъ, но все же велятъ сѣчь розгами «до крови свою прислугу за самую пустую вину.» Хоть и самъ я слышалъ, какъ одинъ Дворянинъ горячо вооружался противъ торговли Неграми, и видѣлъ, какъ, черезъ день послѣ того, онъ пожертвовалъ за одного рысака двумя крѣпостными людьми, чтобы они влачили ссылку вдалекѣ отъ ихъ родины, но въ обоихъ случаяхъ болѣе дѣйствовала несмысленная нелогичность, нежели

злость. По понятію большихъ Господъ,[1] все положеніе Латыша, ихъ всемогущая власть надъ нимъ и обыкновенное пользованіе этой властью, принадлежатъ къ самому лучшему и возможному порядку вещей, по тому что Латыши чувствуютъ себя очень довольными при томъ порядкѣ. Они считаютъ доказаннымъ, что самъ Латышъ потеряетъ при всякой перемѣнѣ, и что крѣпостное состояніе и жестокое обращеніе необходимы для его благодѣнствія; но ужъ, конечно, такое убѣжденіе истекаетъ изъ сословной гордости и своекорыстія. Для нихъ кажется возмутительнымъ, даже противъ природы, что созданія, бывшія до сей поры игрушкою ихъ произвола, должны быть исторгнуты изъ подъ ихъ власти и пользоваться равными правами съ ними, какъ Государственные граждане. Они сочтутъ несправедливымъ, если имъ запретятъ изнурять, какъ угодно, людей, за которыхъ они заплатили дорого изъ расчета на злоупотребленіе этѣми людьми. Вотъ что останавливаетъ и болѣе человѣчныхъ Дворянъ освободить ихъ крѣпостныхъ рабовъ; вотъ причина, по чему болѣе мягкія учрежденія, которыя еще заводитъ какой ни будь другъ человѣчества, всегда опять уничтожаются слѣдующимъ за нимъ помѣщикомъ; но за чѣмъ же онъ можетъ дѣлать это въ образованномъ Государствѣ? Не имѣю отвѣчать на это.

Тѣ ошибутся, кто ложныя понятія большей части Дворянъ относительно крестьянства и безчеловѣчное обхожденіе съ ними станутъ приписывать небольшому ихъ образованію. Нѣтъ, они по большой части также образованы, какъ и собраты ихъ по сословію въ Германіи. Большая часть учится за границей, или отвозитъ свое юношество въ С.-Петербургъ; но эта образованность не имѣетъ ни какого вліянія на ихъ бѣдныхъ рабовъ, кромѣ того только, что ихъ давитъ протей-угнетеніе въ модномъ платьѣ. Прежде гремѣлъ онъ бичами и цѣпями, безъ боязни показывалъ свою ужасную разбойническую наружность и завладѣвалъ собственностію несчастныхъ съ грубостью упоеннаго властью тирана, а нынѣ почти всегда звучитъ онъ модными сентенціями о великодушіи и долгѣ человѣка, прячется подъ маску благодѣтеля,

[1] Очень мѣткій титулъ, который Латыши даютъ своимъ помѣщикамъ.

и такъ же зло, даже злѣе прежняго, умѣетъ разорять до чиста Латышей человѣколюбивыми и мудрыми учрежденіями. Это сочиненіе представитъ частыя доказательства такихъ своекорыстныхъ благодѣяній, и исторія Латышей не перестанетъ никогда представлять ихъ, пока у нихъ не будетъ устройства, которое доставитъ имъ полную безопасность собственности и настоящія права. Всякой безпристрастный, истинный другъ отечества усердно желаетъ, чтобы наконецъ дѣло могло дойти до того, а особливо, чтобы Ливонскіе Дворяне сами, для предупрежденія собственной погибели, отказались отъ своихъ возмутительныхъ несправедливостей, добровольно, съ какими бы то ни было, только бы не чрезмѣрными, ограниченіями. Рано ли, поздно ли, разомъ и безъ пощады, отнимутся же у нихъ владѣтельныя права со стороны законодательной власти, или самихъ угнетенныхъ. Но, къ сожалѣнію, только гласность проступковъ Дворянства можетъ вынудить у него эту спасительную рѣшимость. Только тогда, когда сдѣлаются общеизвѣстными его положеніе и образъ дѣйствій, когда Европа съ отвращеніемъ возвыситъ свой голосъ противъ того и другого, когда только рѣшится она принести эту жертву человѣчеству и своему собственному благу. Ему ужь не довольно будетъ прикрывать свое корыстолюбіе великодушіемъ и необходимостью; оно дастъ ему болѣе благородную форму и очень выиграетъ при томъ. Содѣйствіе этой гласности—цѣль настоящаго сочиненія. Пусть не ищутъ въ немъ историческихъ актовъ. Тѣ, которыми я могъ бы пользоваться, должны бы были доказать, что Латышъ имѣетъ человѣческое право на свободу. Для перваго доказательствъ не нужно; а кто же бы на столько заглушилъ свой умъ и сердце, чтобы сомнѣваться въ послѣднемъ? Мое намѣреніе—только безпристрастно изобразить положеніе Латыша. Я хотѣлъ бы, если бы имѣлъ на столько дарованія, представить Дворянству въ Ливоніи такое зеркало, въ которомъ его испугали бы собственныя его черты. Я хотѣлъ обратить вниманіе Дворянъ на то, что давно уже теченіемъ времени подмыло ту гору, на которой они выстроили свой разбойническій замокъ. Пора имъ сойти съ нея, чтобы громадное, но дряхлое, зданіе не обрушилось на нихъ самихъ. Я хотѣлъ вступиться за права несчастнаго народа и обратить на него вниманіе Правительства, чтобы

отмѣнены были наконецъ дряхлыя и безчеловѣчныя злоупотребленія, и мое отечество пощажено было отъ насильственныхъ потрясеній. Частыя смятенія въ послѣднія 30-ть лѣтъ показываютъ неоспоримо, что подобныя потрясенія, если только настоящее устройство будетъ продолжаться, разсѣкутъ наконецъ Гордіевъ узелъ Латышскихъ оковъ. Только Русскіе штыки поддерживали до сихъ поръ Нѣмецкое деспотство въ Ливоніи

Я обѣщалъ моимъ читателямъ безпристрастіе, и, дай Богъ, чтобы я и всякое другое необходимое дарованіе въ такой же мѣрѣ внесли въ свой трудъ, какъ это. Не будучи Дворяниномъ, или Латышомъ, я восемь лѣтъ каждый день проводилъ въ обществѣ Дворянъ, и каждый день также приводилось мнѣ сожалѣть объ искаженіи человѣчесвта въ Латышахъ. Живо чувствую, какимъ пожертвованіемъ должно казаться отреченіе отъ, такъ называемыхъ, природныхъ правъ; но очень чувствую тоже, какъ прискорбно, какъ убійственно, для души обработывать отеческое поле почти только для ненавистныхъ чужеземцевъ, и при томъ терпѣть лишенія, позволять ихъ часто злому, всегда корыстному, произволу выдѣлять себѣ счастливую, или лучше, несчастную долю, и видѣть себя устраненнымъ черезъ нихъ отъ участія въ болѣе выгодныхъ промыслахъ; знаю, что, съ одной стороны, больше обычай, нежели собственно злая воля, а съ другой неповинная грубость—источники всего зла. Безъ преувеличенія и, сколько можно мнѣ, какъ человѣку, безъ горечи, я разскажу, что видѣлъ, и какіе выводы думаю сдѣлать изъ видѣннаго. Любовь къ отечеству—мое призваніе, а любовь къ истинѣ—мой талантъ. Впрочемъ, мнѣ хорошо извѣстно, какимъ подвергаюсь опасностямъ, нападая на оба знатнѣйшія сословія страны въ то время, когда они стали такъ раздражительны, благодаря необдуманному гоненію на равныя имъ званія въ другихъ мѣстахъ. Знаю, что подвергаю опасности мое спокойствіе и, можетъ быть, все, что могу потерять. Предвижу, что обвинятъ меня въ клеветѣ, злобѣ, статья можетъ предательствѣ, но пусть такъ будетъ! Упреки въ клеветѣ могу опровергнуть, называя при каждомъ приводимомъ случаѣ имена, а переносить гоненіе я привыкъ. У меня не отнимутъ же сладостной и основательной надежды, что, можетъ быть, когда давно забудутся и эта книжечка, и ея творецъ, многое сдѣлается ранѣе, нежели

сдѣлалось бы въ случаѣ моего молчанія; не возмутъ же у меня и возвышающаго душу сознанія, что я сдѣлалъ для моего отечества, сколько былъ въ состояніи. И такъ

For the, fair virtue, welcome even the last!

Слѣдовательно, съ гоненіемъ расчетъ мой конченъ. Пусть оно является, въ какомъ угодно видѣ: оно найдетъ меня готовымъ сопротивляться, или пасть, какъ слѣдуетъ мужу. Страшнѣе для моего сердца дѣйствія другого рода, которыя произведетъ мое сочиненіе.

Я приводилъ только подлинныя событія, и, по словамъ Руссо, въ его «Исповѣди,» могъ бы явиться съ своею книгою предъ Всемірнаго Судію и сказать: «Суди: я могъ ошибиться, но я «не заблуждался умышленно.» Я часто въ сильныхъ выраженіяхъ излагалъ этѣ событія, часто горячо сражался за милліоны несчастныхъ братій. [2] И въ этомъ оправдываетъ меня моя совѣсть. Многіе уже писали объ этомъ предметѣ, но въ прикрытыхъ выраженіяхъ, мягко и бережно, по тому что имѣли тысячи причинъ, не хотѣли разорвать тысячу связей. Ихъ сочиненія или не были читаны, или остались, однако жь, безъ дѣйствія; я долженъ былъ говорить безъ пощады, безъ уваженій, если не хотѣлъ говорить напрасно; если жертва, которую приношу моему отечеству, не должна погибнуть совсѣмъ. Однако жь сословія, противъ которыхъ я вооружаюсь, были до сихъ поръ моимъ единственнымъ кружкомъ. Въ числѣ людей, которыхъ образъ мыслей и дѣйствій я дѣлаю гласнымъ, многіе гостепріимно принимали меня у себя въ домѣ, нѣкоторые удостоивали своей дружбой, другіе напутствовали при разставаньи горячими желаніями мнѣ счастья, и я уѣхалъ, чтобы, по видимому, явиться самымъ заклятымъ врагомъ ихъ сословія. Что жь они послѣ того станутъ и думать и чувствовать при моемъ имени?

---

[2] Хотя сочинитель собственно говоритъ только о Ливонскихъ Латышахъ, такъ какъ онъ болѣе всего имѣлъ случай ознакомиться съ ними, однако у нихъ общее дѣло съ Эстами, Ижорцами, Куронскими и Литовскими Латышами. Всѣ они стонутъ подъ такимъ же гнетомъ.

Но, можетъ быть, самыхъ великодушныхъ между ними помиритъ со мною мое откровенное признаніе, что по одному воспоминанію о нихъ мнѣ тяжело было поступить такъ, какъ должно было, по моему мнѣнію, въ слѣдствіе моей любви къ отечеству; и что отреченіе отъ ихъ благосклонности и дружбы казалось для меня всего прискорбнѣе. Пусть они вспомнятъ, однако жь, что я вооружаюсь не противъ отдѣльныхъ провинившихся личностей, но противъ безчеловѣчныхъ преимуществъ и страннаго образа мыслей ихъ званія, и что я не могъ обнаружить вреда отъ всего того, не разсказавъ образа дѣйствій Дворянъ. Между тѣми изъ нихъ, которые жестоко обходятся съ своими крестьянами, между проповѣдниками, пренебрегающими своимъ долгомъ и разыгрывающими волковъ въ своей паствѣ, есть много нѣжныхъ супруговъ, любящихъ и заботливыхъ отцовъ, вѣрныхъ и благородныхъ друзей, достойныхъ уваженія во многихъ отношеніяхъ: отъ чего жь это они измѣняютъ своимъ правиламъ, какъ только дойдетъ дѣло до Латышей? Что дѣлаетъ ихъ жестокими, корыстолюбивыми, лукавыми исключительно только въ отношеніи къ Латышамъ? Не что другое, какъ привычка видѣть зло и несчастная законная легкость дѣлать его, только бы потребовала того корысть, или какая бы то ни было страсть. Эта ужасная легкость, этѣ злоупотребленія, позорный столбъ стариннаго времени, все еще продолжаютъ существовать и уязвлять сердце потомковъ: они-то единственная цѣль моихъ нападеній. Пощада погрѣшающему, и высокое уваженіе, если онъ какимъ бы то ни было образомъ его заслуживаетъ, но гибель, гибель злу!

ОТДѢЛЕНІЕ I.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ЛАТЫШЕЙ И ОБЩЕЕ ОПИСАНІЕ ИХЪ.

Vae victis!

Съ болѣзненно прискорбнымъ чувствомъ я привожу своихъ читателей къ поросшей мохомъ тихой хижинѣ бѣдствія; тихой, говорю я, по тому что, при жестокомъ гнетѣ, ни какой уже ропотъ чувства достоинства не отваживается быть громкимъ въ закоптѣлыхъ стѣнахъ этой хижины. Весь, когда-то такой воинственный, Латышскій народъ спокоенъ въ своихъ узахъ: это значитъ, ошалѣлъ, какъ левъ, котораго цѣлые годы таскали въ клѣткѣ для глазѣнья гулякъ, и который только изрѣдка выражаетъ свое неудовольствіе тихимъ, глухимъ рычаніемъ, или, скорѣе, спокоенъ, какъ умирающій, у котораго въ мукахъ отъ внутреннихъ корчей нѣтъ уже силы пожаловаться воплемъ на свои страданія: только мертвенный видъ его, перекошенные глаза и ужасныя, хоть и рѣдкія, содроганія высказываютъ окружающимъ его ощущенія. Оковы Латыша вдавились до его души, съ ослабѣвшимъ духомъ лежитъ онъ на полу, пока не схватитъ его оттуда лихорадка. Но прежде нашихъ изслѣдованій, до чего упалъ этотъ народъ, посмотримъ, чѣмъ онъ былъ, и какъ онъ сдѣлался тѣмъ, что есть.

По всѣмъ извѣстіямъ, Латыши и Эсты въ началѣ XII вѣка находились уже на высшей степени образованности, нежели та, на которой нѣкогда сражались съ Цесаремъ Германцы; но Эсты, кажется, подвинулись впередъ еще далѣе. Тѣ и другіе жили подъ управленіемъ Князьковъ, которыхъ приказанія въ мирное время имѣли силу совѣтовъ, а на войнѣ считались закономъ. Жилищемъ Латышей были отдѣльно лежащія въ лѣсу хижины,

Эсты же имѣли укрѣпленныя деревни. Эта разница продолжаетъ существовать и нынѣ. Кругомъ всякой деревни, какъ и отдѣльной хижины, тянулись широкія, хорошо обработанныя, поля; по опушкамъ лѣсовъ паслись многочисленныя стада скота, а въ глуши охотничьи крики преслѣдовали волковъ, медвѣдей, величавыхъ сѣверныхъ оленей и лосей. Латышъ больше любилъ охоту, Эстонецъ же въ своихъ, болѣе населенныхъ и тѣсныхъ, областяхъ мореплаваніе: онъ велъ морскую торговлю и морскіе разбои. Оба народа одѣвались рукодѣльемъ своихъ женъ, которымъ доставляло матеріялы поле, засѣянное льномъ передъ воротами у нихъ, да также близкое стадо овецъ; оба народа находили опьянѣніе въ сваренномъ ими самими медѣ, да и оружія выдѣлывали тѣ же руки, которыя должны были владѣть ими. Идоловъ они не имѣли, однако жь былъ у нихъ свой богъ грома, Перкунъ, богиня счастія, Лейминтъ Маминтъ (Laiming Mahming), богъ смерти, страшный Нагва (Hahwa), и безчисленнымъ земляным, воздушнымъ и водянымъ, духамъ приносили они жертвы на горахъ и въ рощахъ. Жрецы у нихъ были также ихъ ворожеями и лѣкарями. Первымъ оракуломъ служила священная кобыла: выставляя впередъ правую, или лѣвую, ногу, она рѣшала тѣмъ исполненіе, или отмѣну, всякаго важнаго предпріятія. Огонь на вершинѣ самыхъ высокихъ горъ собиралъ народъ къ хижинѣ вождя. Общественное совѣщаніе рѣшало народныя дѣла, и когда доходило до войны, всѣ, способные носить оружіе, собирались вокругъ Князя и шли на бой съ дикимъ радостнымъ крикомъ. Народныя пѣсни, запѣтыя первымъ, почувствовавшимъ въ себѣ вдохновеніе къ тому, сохраняли отъ забвенія подвиги убитыхъ, которые послѣ того часто навѣщали свои хижины въ ночномъ сіяніи мѣсяца и разливали въ нихъ благословеніе.

Такія немногія черты, которыя можно собирать въ старинныхъ пѣсняхъ и лѣтописяхъ, показываютъ, что этѣ народы находились на той самой порубежной чертѣ, съ которой могли выйти на дорогу къ высшей образованности, какъ скоро другой народъ протянетъ имъ руку для дружескихъ сношеній. У нихъ не было собственной мануфактурной промышленности, но они были довольно богаты, чтобы покупать ея произведенія и вносить ихъ въ число своихъ потребностей. Ихъ духъ не былъ образованъ учеными свѣдѣніями,

они не имѣли положительныхъ законовъ, ни сжатой въ обряды Вѣры; за то у нихъ было на столько разсудка, чтобы чувствовать въ томъ потребность, силы характера, остроумія, которое въ ихъ вопросахъ часто ставило въ тупикъ Христіянскихъ монаховъ, и способностей ко всѣмъ гражданскимъ добродѣтелямъ, такъ же какъ и ко всякому духовному развитію. Можетъ быть, они занимали бы теперь блестящее положеніе между Европейскими народами, имѣли бы уже своихъ Кантовъ, своихъ Вольтеровъ, Виландовъ и играли важную роль какъ въ области наукъ, такъ и политики, если бы предоставить ихъ собственному развитію. Надобно же было испортить ихъ характеръ, подавить ихъ духъ, навсегда уничтожить ихъ благоденствіе. Хоть они и не переставали быть самостоятельными народами, но, благодаря до сихъ поръ неизмѣняемымъ законамъ, ихъ оттѣснили въ низшее сословіе, и въ теченіе столѣтій мало по малу понизили на степень скотовъ. Послушаемъ грустной исторіи Ливоніи, и оплачемъ въ ней судьбу человѣчества.

Торговыя суда изъ Бремена, поврежденныя и прибитыя бурей, вѣроятно на пути въ Визби (Wisby), замѣчаютъ незнакомый берегъ и входятъ въ устье рѣки, по которой, можетъ быть, еще не плавалъ ни кто. [1] Плаватели выходятъ на сушу и тотчасъ же находятъ себя окруженными людьми, которыхъ дикое мужество и сила приводятъ ихъ въ трепетъ; вскорѣ, однако жь, этѣ простодушныя дѣти природы скидываютъ съ себя строптивость и оружіе. Не ужь-то имъ обороняться отъ несчастныхъ, имѣющихъ нужду въ ихъ состраданіи и требующихъ у нихъ помощи? Непріязнь — первое движеніе всякаго дикаря при видѣ чужеземца, котораго намѣренія ему не извѣстны, по тому что онъ только на войнѣ знакомится съ чужими народами; но если чужеземецъ не угрожаетъ, если онъ нуждается въ помощи и умоляетъ о пособіи, вторымъ чувствомъ дикаря навѣрное будетъ довѣріе и гостепріимство. Латыши нанесли имъ всего, что только давали ихъ поля, стада, лѣса. Они кормили чужеземцевъ, пособляли имъ поправлять ихъ суда, и напослѣдокъ отпустили ихъ обогащенными, съ добросердечною простотою прося ихъ о вторичномъ посѣщеніи.

---

[1] Въ 1158 году. Принесшая несчастіе рѣка была Двина.

Они и вернулись опять, эти ласковые, пріятные чужеземцы, но уже не мирными купцами, а жадными разбойниками, которые выжгли у нихъ засѣянныя поля и угнали стада. Они привели съ собой толпы латниковъ, а что еще хуже, лукавыхъ Поповъ. Латыши сражались, какъ богатыри, за имущество и землю, но если и смогли бы противиться лучшему оружію болѣе усовершенствованной военной науки латниковъ, однако жъ не въ состояніи были ни чего сдѣлать противъ лукавыхъ тонкостей Поповъ. Эти поселили вскорѣ раздоръ между ними. Они умѣли уговорить тысячи ихъ креститься; они открыли имъ будущую жизнь, но за то отняли у нихъ все, чѣмъ они владѣли въ сдѣшней: какова умѣренность! Они выханжили себѣ позволеніе построить замки, а послѣ, съ надменностью и злобой, смѣялись надъ обманутыми бѣдняками, которые сбѣжались съ веревками, чтобы тащить въ рѣку страшныя стѣны. Слѣпое изувѣрство улыбающееся на небо, межъ тѣмъ какъ нога его раздавливаетъ шею невиннаго, проповѣдывало крестъ противъ несчастныхъ, оборонявшихъ очагъ и своихъ дѣтей. Крестоносцы купались въ крови, вернулись потомъ домой очищенными отъ грѣховъ, даже святыми, или поселились въ разбойничьемъ вертепѣ Поповъ. Эти послѣдніе наконецъ даже пользовались обращенными язычниками для подавленія непокорныхъ, или для привлеченія ихъ къ крещенію; но такъ какъ теперь уже вся страна пришла въ безсиліе подъ ихъ благословляющими руками, они раздѣлили побѣжденныя и увлеченныя лукавствомъ орудія своей побѣды съ участниками своего ужаснаго дѣла, Меченосцами. Напрасно въ 13 и 14 столѣтіяхъ нѣсколько разъ еще несчастныя дѣти Ливоніи собирали свои силы, чтобы стряхнуть съ себя не заслуженныя оковы: каждая попытка къ тому втягивала ихъ еще глубже въ бѣдствіе. Они утратили даже права крѣпкихъ землѣ, glebae adscripti. Еще къ счастію природныхъ владѣльцевъ Ливоніи, она не имѣетъ рудниковъ, а то они также легко должны бы были томиться въ нихъ, какъ и Мексиканцы. Теперь они отдѣлались только тѣмъ, что должны были обработывать поля для чужеземцевъ, собственностью которыхъ стали и сами, а межъ тѣмъ умирали съ голода, видѣли опозоренными отъ нихъ своихъ женъ и дочерей, давали таскать себя на смерть по произвольному мановенію своихъ упоенныхъ властью тирановъ.

Точно у ястребовъ, когда они терзаютъ пойманную сообща добычу, у монаховъ вскорѣ не стало согласія съ полумірскими людьми. Мечъ ополчился на митру, въ защиту которой его наточили и, послѣ 300 сотъ лѣтней борьбы, низложилъ ее, а съ нею и Католическую Вѣру; но Латыши ни чего не выиграли при этомъ долговременномъ раздорѣ: они проливали кровь свою за обѣ стороны, которыя были за одно въ томъ только, чтобы отнять у Латышей послѣдніе остатки ихъ правъ и льготъ.

Воюющіе изнурили себя сами, и за безсильную добычу дрались теперь сосѣди. Измѣнникъ ли, или политикъ,—къ сожалѣнію, это слишкомъ часто бываетъ синонимой!—Гермейстеръ (Heermeister) уступилъ Польшѣ часть того, что было не его, чтобы присвоить себѣ остальное. Нѣмцы всѣхъ сословій кричали о несправедливости, были смиренны и покорились. О Латышахъ и Эстонцахъ не было и разговора. Отнявъ у нихъ право человѣка, считали ихъ такъ же мало достойными голоса при договорахъ, какъ скотъ при его продажѣ. Швеція взяла у Поляковъ добычу и ограничила права Дворянства, можетъ быть и больше, для того, чтобы обезсилить его, нежели изъ покровительства поселянамъ. Латыша ужь больше не вѣшали и не рубили головы ему по произволу его деспота; онъ могъ уже возить свои излишніе запасы на рынокъ, напослѣдокъ даже приносить свои жалобы въ Судъ. Подъ кроткимъ и счастливымъ правленіемъ Россіи ограниченія умножились, но собственно правами еще не владѣетъ крестьянское званіе; впрочемъ, у него есть наконецъ на столько самолюбія, чтобы чувствовать въ нихъ потребность. Межъ тѣмъ какъ Русское оружіе потрясло половину Европы и Азіи, и всѣ сосѣднія Государства, въ качествѣ областей, склонились подъ скипетромъ этой огромной Имперіи, Ливонія вскорѣ воспользовалась 90-лѣтнимъ спокойствіемъ, и это дало Латышу время выйти изъ своего духовнаго безчувствія. Какое пробужденіе! Въ презрѣніи отъ всѣхъ, ему ставало смысла только на то, чтобы чувствовать свое несчастіе и терять всякую душевную силу для дѣятельности и высшихъ стремленій. Въ теченіи 6-ти столѣтій со времени его порабощенія, въ этотъ замѣчательный періодъ, когда всѣ другіе Европейскіе народы дѣлали такіе изумительно исполинскіе успѣхи, Латыши и Эсты оставались все въ одномъ положеніи. Въ одномъ

положеніи? Нѣтъ, они подавались еще назадъ. Выучепные ими жалкіе пустяки, отражающійся полусвѣтъ, брошенный общимъ просвѣщеніемъ въ ихъ унылыя хижины, кто въ состояніи сравнить съ свободой, чувствомъ достоинства, любовью къ отечеству, благосостояніемъ, которыя они имѣли и потеряли? Мои читатели прочли слабый очеркъ положенія Латышскаго народа во время его открытія. Гдѣ оно теперь?

Разбросанныя, часто совсѣмъ отдѣленныя другъ отъ друга въ густыхъ лѣсахъ, крестьянскія жилища еще находятся въ Ливоніи. Обыкновенно состоятъ они въ гумнѣ, либо въ крытой соломой избѣ, безъ трубы и окна и съ такою низенькою дверью, что входить въ нее можно только нагнувшись. Тамъ, въ дымной до удушья избѣ, хозяинъ съ семьею, работники тоже съ своими семьями, курицы, свиньи и собаки копышатся кругомъ сосновой лучины, воткнутой въ щель стѣны, взрослые Латыши въ оборванныхъ фуфайкахъ, дѣти лѣтомъ и зимою въ однѣхъ только рубашенкахъ, и всѣ босикомъ. [2] Одежда у нихъ еще не всего бѣднѣе. Заглянемте имъ въ лицо. Въ искривленныхъ мрачныхъ чертахъ жестоко усмѣхнется вамъ голодъ, безчувствіе и лишенное всякой душевной силы рабское чувство. Этѣ люди, составляющіе богатство и силу страны, на промыслы которыхъ бражничаютъ Дворянство и Духовенство, лѣтомъ должны оставлять въ запущеніи собственную пашню, для обработки полей своихъ господъ, осенью должны платить имъ большіе оброки, зимой дѣлать частыя поѣздки отъ 10-ти до 50-ти миль, для возки господскихъ барышей, а весною принуждены выпрашивить, и часто по напрасну, хлѣба у тѣхъ, которыхъ они кормятъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующую жатву заплатить съ лихвою за каждое зернышко. Ихъ скотъ, изнуренный голодомъ, какъ и они, отказываетъ имъ въ молокѣ, и часто удобряетъ ихъ поля своимъ трупомъ. У нихъ или вовсе не было времени собрать для него

---

[2] Это, не совсѣмъ еще полное, описаніе вѣрно до мелочной черты. Разумѣется, теперь есть помѣстья, которыхъ крестьяне, благодаря человѣчному обхожденію, поднялись уже до образа жизни получше, имѣютъ окошки, даже по Воскресеньямъ надѣваютъ и сапоги.

кормъ, или надобно продать этотъ кормъ за половинную цѣну, для исправленія другихъ крайнихъ надобностей.

Въ добавокъ къ этому несчастію, они живутъ подъ неограниченною почти властью, которая предписываетъ имъ, или даже измѣняетъ, домашнее ихъ положеніе, ихъ обращеніе съ женой и дѣтьми, и можетъ наказать ихъ, какъ бы то ни было; что всѣ другія сословія смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ и что даже въ самой высокой честности и даровитости, или въ самомъ дѣятельномъ трудѣ, они совсѣмъ не имѣютъ средства измѣнить свою долю, пробиться въ другія сословія, даже смягчить свою зависимость, или хотя на одинъ день обезпечить себѣ владѣніе своей хижиной. Теперь понятно, что слѣдствіемъ ихъ положенія можетъ быть не что иное, какъ притупленность всякаго чувства и всякой душевной силы, лѣность и вялая наклонность ко всѣмъ порокамъ, только бы какой подвернулся; отвращеніе ко всякимъ ученымъ свѣдѣніямъ, самое непроходимое невѣжество и суевѣріе. Для истиннаго знатока людей, который умѣетъ сообразить, какія явленія производитъ въ человѣческомъ духѣ не разрѣшимое рабство и угнетеніе, въ слѣдующемъ отдѣленіи я представлю только подтвержденіе его предположеній.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛАТЫШЕЙ.

Ein Sklave trägt die Farbe seines Glückes.

Wieland.

Ни одинъ образъ правленія не дѣйствуетъ сильнѣе и замѣтнѣе на характеръ народа, какъ коренящееся въ законахъ деспотство, и особливо тѣмъ насильственнѣе, чѣмъ ограниченнѣе кругъ дѣйствій деспота, по тому что тогда еще глубже проникаетъ его властолюбіе въ домашнюю жизнь, еще сильнѣе можетъ оно ломать шею всякой отдѣльной личности. Отсюда два явленія въ Ливоніи бросаются въ глаза внимательному путешественнику, съ дарованіемъ наблюдательности и свѣдѣніями въ языкахъ. Первое, что во всякой сторонѣ, или лучше, въ каждомъ помѣстьѣ, между Латышами встрѣчаются другіе поступки, другая одежда, другой образъ мыслей. Второе, что вообще подданные большихъ помѣстьевъ зажиточнѣе, смѣлѣе; но такъ какъ они все же рабы, то дерзки, злы и безстыдны со всякимъ Нѣмцемъ, который не господинъ ихъ, или не членъ Суда.

Сдѣсь будемъ имѣть дѣло лишь съ первымъ замѣчаніемъ. По одеждѣ и поведенію крестьянина почти безошибочно можно узнать его господъ. Если господинъ добръ и человѣколюбивъ, платье крестьянина прилично, лошадь его хорошо накормлена. Онъ говоритъ самонадѣянно и увѣренно, часто съ настоящею вѣжливостью и принимаетъ предложенный подарокъ съ ласковою, иногда и насмѣшливою, благодарностью. Если помѣщикъ не скупъ, а только властолюбивъ, поселянинъ съ наружнымъ довольствомъ соединяетъ низкое подличанье и хитрое лукавство. За то крѣпостной, угнетенный корыстью, рабъ тащится лѣниво съ всклокоченными волосами, въ лохмотьяхъ, такъ боязливъ, что едва осмѣливается отвѣчать на вопросъ чужого человѣка, и за самый ничтожный подарокъ, часто даже ни за что, цѣлуетъ у

него полы кафтана, или сапогъ, если подозрѣваетъ, что онъ знакомъ съ его господиномъ. Вообще рабская пугливость и недовѣріе—самыя выдающіяся черты въ характерѣ Ливонскаго крестьянина. За 30 шаговъ, даже проходя мимо помѣщичьяго дома, онъ снимаетъ шляпу и присѣдаетъ: нельзя сказать, кланяется, при всякомъ взглядѣ на помѣщика. Потомъ онъ крадется, попуривъ голову, чтобы поцѣловать у него кафтанъ, или ногу. Если этотъ заговоритъ съ нимъ, онъ подозрѣваетъ при всякомъ вопросѣ своекорыстную хитрость и отвѣчаетъ двусмысленно. Тысячи опытовъ научили его, что ни чего нѣтъ легче, какъ проболтаться передъ жадной корыстью Дворянъ, отъ того онъ чрезвычайно и затрудняетъ для Нѣмца полное знакомство съ нимъ самимъ, его положеніемъ, хозяйственными способами и доходами, даже и лѣкарственными средствами, которыми пользуются. О самомъ пустомъ дѣлѣ говоритъ онъ таинственно, все называетъ себя несчастнымъ и бѣднымъ, все перечитываетъ цѣлую вереницу невзгодъ, съ нимъ повстрѣчавшихся. Въ послѣдствіи увидимъ, на сколько логично и разумно такое поведеніе.

Ненависть, въ соединеніи съ горькимъ отвращеніемъ, единственное сильное чувство, къ которому способны совсѣмъ пригнетенныя сердца. Тысячью разныхъ способовъ Латышъ высказываетъ это чувство къ своимъ притѣснителямъ. «Нѣмецъ» въ его откровенномъ разговорѣ означаетъ все спесивое, алчное, злое, словомъ, все ненавистное. [1] «Ты Нѣмецъ!», вскричала одна, лежавшая на землѣ, женщина повалившей ее, бодливой коровѣ. «Нѣмцы идутъ!» ужасное слово, которымъ унимаютъ кричащихъ дѣтей. Одна мать уговаривала бѣжать своихъ ребятишекъ, увидавши гуляющаго по близости господина: «Бѣгите!» сказала она; «Развѣ не видите, какъ ужь онъ виляетъ палкой!». [2] Дворянинъ,

[1] Ни объ одномъ народѣ не судятъ такъ невыгодно, какъ о Нѣмецкомъ. Извѣстно, что не давно (а, можетъ быть, и теперь такъ) Итальянецъ разумѣлъ Нѣмца, какъ соннаго, бездарнаго человѣка, Француз — тяжелаго, необразованнаго, Англичанинъ какъ педанта. Русскій кличетъ Нѣмцемъ всякаго мелющаго вздоръ и напыщеннаго глупца, а Латышъ и Эстонецъ мы уже видѣли выше, что разумѣютъ подъ словомъ «Нѣмецъ.» Съ чего это такія противорѣчащія сужденія?

[2] Пусть извинятъ меня за это выраженіе. «Виляетъ», сказала эта жемщина, и я

котораго, впрочемъ, считаютъ предусмотрительнымъ и знатокомъ людей, позвалъ не дѣтей, чтобы разсѣять ихъ страхъ ласками, или гостинцемъ, а мать — обругалъ ее и погрозился дать ей розогъ.

Но вотъ случай поважнѣе. Когда, много лѣтъ тому назадъ, въ Ф. было возмущеніе, крестьяне убили на большой дорогѣ одного проходившаго мимо охотника. Убійцы сказали въ Судѣ, что онъ совсѣмъ незнакомъ имъ, но, вѣдь, онъ былъ «Нѣмецъ.»

Подобные отзывы вырываются у Латышей такъ часто, такъ отвѣчаютъ ихъ положенію и такъ знаменательны для силы народа, что Нѣмецъ, какого бы то ни было сословія, часто сознается, что «при общемъ возстаніи ни одна Нѣмецкая нога не улетется оттуда;» чувствуютъ тайный трепетъ, какъ только станетъ подвигаться война къ ихъ предѣламъ, или какая ни будь область будетъ очищена отъ войскъ; особливо съ тѣхъ поръ, какъ поселяне показали столько упорства и смѣлости въ смятеніяхъ изъ за поголовной подати (1784 г.), что самыя войска только съ трудомъ могли ихъ опять загнать въ ихъ неволю. «Наши иноземные враги, былъ общій говоръ во время Шведской и Польской войны, сдѣлаютъ намъ немного, а вотъ внутренніе!» И, однако жъ, одна непослѣдовательность—слишкомъ обыкновенная черта человѣческаго сердца, такъ что нечего мнѣ и останавливаться на ней. Люди вездѣ похожи на Французскаго вольнодумца, заказавшаго въ одинъ постный день яичницу. Когда поднялась гроза, онъ выбросилъ эту яичницу за окно, а когда гроза прошла, заказалъ себѣ другую.

Естественно, что къ этой ненависти присоединяется еще неодолимое отвращеніе ко всякому новому распоряженію, хотя бы оно было и явнымъ улучшеніемъ. [3] «Либо, говорилъ мнѣ одинъ старикъ крестьянинъ, видимыя облегченія мы тотчасъ же должны будемъ купить новыми тягостными повинностями, либо господа

повторилъ это. Страсти неразборчивы на слова, и подмѣнятъ имъ выраженія поблагороднѣе значитъ поддѣлываться подъ нихъ. (Wedeln, отъ der Wedel, хвостъ).

531612.

удобриваютъ насъ, какъ свои поля, за тѣмъ, чтобы мы впередъ больше давали прибыли.» Это основательное понятіе имѣло то слѣдствіе, что въ нѣкоторыхъ странахъ новыя сѣмена, которыя велѣлъ раздать господскій дворъ, нарочно были брошены съ пренебреженіемъ, либо издержаны; что въ другихъ новыхъ жильяхъ, поопрятнѣе и удобнѣе, можно было задохнуться отъ дыму, и что наконецъ крестьяне почти во всей Ливоніи упрямо отказались, когда Дворянство хотѣло заплатить за нихъ подушныя. [4] Впрочемъ, это послѣднее, такъ называемое, благодѣяніе подробнѣе объяснено будетъ ниже. Вообще Латышъ только съ отвращеніемъ принимаетъ отъ своего господина что ни будь такое, которое не тотчасъ можетъ употребить въ свою пользу, т. е., не можетъ съѣсть, или пропить.

Склонность къ пьянству другая общая черта Латышскаго народа. Матери съ нѣжнымъ самоотверженіемъ раздѣляютъ поднесенный имъ стаканъ водки съ своимъ груднымъ ребенкомъ. Четырнадцатилѣтніе мальчики и дѣвочки пьютъ водку, не поморщась, а между взрослыми мужчинами и женщинами рѣдкіе не напиваются сплошь по Воскресеньямъ, особливо послѣ Св. Причастія. Если нѣтъ денегъ на это, первые тащатъ пшеницу, послѣдніе свою одежду на продажу. Опытные проповѣдники и сельскіе хозяева жалуются, что хотя многіе Латыши и избѣгаютъ этого заблужденія до 20-го года жизни (не смѣю называть порокомъ это «Solamen miseriae»); за то впадаютъ въ него съ удвоенною силою въ послѣдствіи. Мнѣ кажется, что это самое замѣчаніе рѣшаетъ задачу, по чему пьянство такъ распространилось въ этомъ народѣ. Такъ какъ многіе, даже почти всѣ, недостатки ихъ характера истекаютъ изъ того же источника, то позволяю себѣ высказаться объ этомъ предметѣ подробнѣе.

---

[3] Помѣщикъ фонъ Э. хотѣлъ было уговорить своихъ крестьянъ, чтобы они свои дрова не возили на передкахъ телѣгъ изъ отдаленнаго лѣса, а сплавляли бы по протекающій тутъ рѣкѣ. Только убѣдить ихъ было нельзя, по тому что это предложеніе сдѣлано Дворяниномъ.

[4] Совершенно подобное явленіе тому, когда въ 1582 году Латыши кланялись въ ноги, чтобы ихъ пощадили отъ денежныхъ пеней, а лучше бы сѣкли.

Обыкновенные люди никогда не тащатся по той дорогѣ, по какой имъ хочется, а по той, куда стремится окружающая ихъ толпа. Вѣчно непостоянные, они неизмѣняемы только въ томъ, что, подобно баснословному хамелеону, носятъ цвѣта окружающихъ ихъ предметовъ. У нихъ нѣтъ собственнаго характера, а общій, напечатлѣваемый въ нихъ обстоятельствами и положеніемъ ихъ народа. Они занимались вздорами среди прежнихъ Французовъ, разсуждаютъ о политикѣ между Англичанами, скупятся въ Голландіи и пьютъ мертвую между Латышами отъ колыбели до могилы. Но кому природа, кромѣ горячаго сложенія, дала еще посильнѣе характеръ и побольше способностей, тотъ сворачиваетъ съ битой дороги; задыхаясь, пробирается черезъ мхи и болота, по лугамъ и рощамъ, къ радужнымъ образамъ, которые рисуетъ ему фантазія, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не поблѣднѣютъ цвѣта ихъ, и они не растаютъ въ пустой лазури. Уставши, онъ останавливается и переводитъ духъ. Хладнокровно и отчетливо онъ осматриваетъ и оцѣняетъ міръ и всѣ пріобрѣтенія его собственнаго труда, онъ пользуется ими и твердымъ шагомъ идетъ къ вѣрной цѣли; у него нѣтъ уже пылкихъ стремленій и плѣнительныхъ мечтаній молодости: за то овладѣваютъ имъ болѣе тихія желанія, не такъ уже подверженныя увлеченію, а истинное удовольствіе не приноситъ вреда. Такъ необыкновенный человѣкъ, въ качествѣ сильнаго дѣятеля, опять вступаетъ въ кругъ обыденныхъ житейскихъ трудовъ, и цѣлыя столѣтія благословляютъ его существованіе, либо онъ все еще продолжаетъ кружиться съ закрытыми глазами въ волшебномъ мірѣ мечты. Дивятся на него, покачивая головами, изумляются, жалѣютъ чуднаго промелькнувшаго явленія.

Пусть вообразятъ себѣ крѣпостнаго Латыша на томъ распутіи жизни, до котораго доходятъ обыкновенно передъ 40-мъ годомъ возраста, и которое бываетъ рѣшительнымъ для всей остальной жизни. До сей поры юношескія грезы, не исполнившіеся замыслы молодой мечты, не могли давать ему видѣть ужасъ своего положенія и побуждать его къ дѣятельности и порядочной жизни. Но теперь, когда всѣ другіе граждане Государства начинаютъ пожинать пользу потраченныхъ своихъ молодыхъ силъ, что онъ пожнетъ, какія будутъ его желанія? Желаніе значенія и

почестей? Только теперь ему становится ясно, что они для него не существуютъ, что ему никогда не выбиться изъ своего незамѣтнаго существованія. Около него обведенъ очарованный кругъ, котораго переступить ему нельзя, а между тѣмъ одобрительная улыбка его ненавистнаго властителина—единственное отличіе, котораго онъ можетъ добиться; да еще эта улыбка есть только награда за его рабское самоотверженіе и за даровую работу на высокодворянскія прихоти. Богатство? По своей небольшой развитости, онъ не можетъ доставить себѣ ни какихъ другихъ наслажденій, кромѣ пьянства, да еще, пожалуй, раздразнитъ корыстолюбіе своихъ властей на новыя замысловатыя угнетенія. А его дѣти? Они неизбѣжно будутъ такими же рабами, какъ и онъ самъ, можетъ быть, не получатъ ни чего, или только мало изъ того, что онъ нажилъ, [5] и навѣрное до могилы провлачатъ то ярмо, подъ которымъ онъ палъ. Безъ мужества, безъ душевной силы, онъ опять стремится внизъ, къ своимъ собратіямъ, надъ которыми возвысило его напрасное честолюбіе, и отдается вполнѣ единственному, ему знакомому, общественному удовольствію, единственному средству забыть свое бѣдствіе—пьянству. [6]

У кого изъ друзей человѣчества сильнѣе не забьется сердце отъ неудовольствія, если онъ увидитъ здѣсь, что цѣлые народы втиснуты въ одно сословіе и выгорожены закономъ въ убожество и несчастіе. [7] Закономъ! Я въ изумленіи, когда пишу это: такъ обыкновеннымъ стало это дѣло для самаго меня! Не будь того, Латыша не остановили бы насильно на самой низкой сте-

---

[5] Можетъ быть, ни отцовскаго хозяйства, ни даже стада. Большею частію помѣщикъ располагаетъ крестьянскимъ наслѣдствомъ, какъ ему угодно, а особливо отдаетъ крестьянскія земли, или присоединяетъ ихъ къ господскимъ полямъ, смотря по его согласію. Это увидимъ въ слѣдующемъ Отдѣленіи.

[6] Хоть и нельзя полагать, чтобы всякой Латышъ такъ разсуждалъ съ самимъ собой, вѣрно, однако жь, что онъ живо чувствуетъ слѣдствіе такихъ заключеній, а это больше, чѣмъ самому ихъ дѣлать.

[7] Свободные Латыши, разумѣется, могутъ заниматься всякими ремеслами, но крѣпостнымъ нѣтъ ни какого средства получить свободу, и ни одинъ цехъ не можетъ брать учениковъ изъ Латышей.

пени образованности; онъ вскорѣ отличился бы въ области высшихъ искуствъ, даже науки.

Онъ замысловатъ, изобрѣтателенъ, даровитъ, когда есть у него досужный и свободный часъ на это. Выражается онъ всегда почти въ сравненіяхъ и образахъ, точно житель Востока; его сужденія обыкновенно очень мѣтки, часто остроумны до ѣдкости. Да и его ремесленная дѣятельность заслуживаетъ удивленія. Не говоря уже о томъ, что онъ самъ выдѣлываетъ домашнія и земледѣльческія орудія, кромѣ желѣзныхъ, между Латышами есть разнаго рода ремесленники, которые почти всегда самоучкою сдѣлались такими, и часто по справедливости предпочитаются Нѣмецкимъ. Даже иногда одинъ и тотъ же Латышъ занимается многими ремеслами. Такъ въ А... я видѣлъ одного, который былъ каменщикъ, кузнецъ и слесарь; другой такой же былъ и мельникъ, и плотникъ, и столяръ, и токарь, и дѣлалъ такія хорошія вещи, что господа пользовались для самой деликатной работы имъ однимъ, но рѣдко Нѣмцами. Но обыкновенно ихъ дарованіе, которому во всякой другой странѣ стали бы удивляться, для нихъ болѣе вредно, чѣмъ полезно. Дворяне велятъ имъ приходить на господскій дворъ вмѣсто пахарей, которыхъ они обязаны выставлять, и работать на себя безпрестанно. Какая несправедливость! По тому что прибытокъ хорошаго ремесленника далеко выше поденной платы пахаря. Да если и не бываетъ того, то своего крѣпостнаго никогда не спрашиваютъ, во что онъ цѣнитъ свою работу, а даютъ ему, что хотятъ, или не даютъ ровно ни чего, а роптать онъ не смѣетъ. Да и вотъ еще что: безъ особеннаго позволенія господина онъ не можетъ работать ни на кого посторонняго. Мнѣ извѣстенъ случай, что одинъ каменщикъ работалъ на чужомъ дворѣ, но господинъ изъ одной прижимки отозвалъ его оттуда подъ страхомъ розогъ, и запретилъ ему тамъ класть даже камень на камень. Разумѣется, онъ лишился и платы за недоконченную работу.

Еще одинъ примѣръ этого поощренія истинно художническихъ талантовъ между Латышами. Школьный учитель изъ Латышей въ... минде, безъ чьихъ бы то ни было указаній, прекрасно сработалъ маленькій органъ съ деревянными флейточками очень хорошаго тона. Изумленный такимъ доказательствомъ

дарованія, помѣщикъ далъ ему позволеніе пожертвовать свой инструментъ въ кирку и играть на немъ за Божественной Службой; по тому что этотъ даровитый сынъ природы выучился самоучкой и музыкѣ. У крестьянъ той деревни родилась болѣе признательная мысль. Каждый разъ въ праздники обходитъ церковь сборщикъ въ пользу учителя. Всякой домохозяинъ обѣщался класть ему по два гроша; но уже въ ближайшій же праздникъ собралъ онъ только полукопѣйки, и справедливо пересталъ тратить свои труды для неблагодарныхъ. Теперь онъ, должно быть, сталъ горькій пьяница. Кто жь броситъ въ него первый камень?

Въ такомъ положеніи только чудо могло бы сохранить Латыша отъ малодушія и лѣни.[8] Даже и обработка собственнаго поля ни сколько не занимаетъ его. Изобильная жатва, какъ говорили мы выше, выручитъ его не надолго, а господа все же должны давать ему хлѣба, если не хотятъ потерять пахаря для своихъ полей: разсужденіе, которое очень часто можно отъ него слышать.

И безчувственность проистекаетъ изъ этого же источника. Спокойнымъ взглядомъ, даже съ позѣвотой, смотритъ Латышъ, какъ страждутъ и умираютъ у него дѣти и близкіе родные. Онъ слишкомъ уже привыкъ не встрѣчать состраданія, такъ что не можетъ и самъ его чувствовать. Пусть взглянутъ на проявленія этого безчувствія, чрезвычайно возмутительныя для всякаго посторонняго. Такъ, на прим., въ Ш... раза два въ году были такіе случаи, что сыновья приколачивали до крови своихъ старыхъ родителей, а одинъ братъ, совершенно трезвый, въ какой-то ссорѣ чуть не смертельно ранилъ другого брата. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ домохозяинъ въ Д.... многіе годы морилъ голодомъ жену и дѣтей, по тому что не хотѣлъ ни разстаться съ ка-

---

[8] «Природа справедлива къ людямъ. Она награждаетъ ихъ за труды; она дѣлаетъ ихъ дѣятельными, соединяя съ труднѣйшими работами и большія награды. Но если самовластіе тащитъ себѣ награду природы, человѣкъ получаетъ опять отвращеніе къ труду, и бездѣйствіе кажется для него лучшимъ и единственнымъ благомъ.»

Монтескьё въ «Духѣ Законовъ.»

бакомъ, ни дать ключей отъ житницы. Наконецъ братъ увелъ его оттуда, но дорогой повалилъ его ударомъ на землю, нанесъ много ранъ въ голову и оскопилъ его хлѣбнымъ ножомъ, все отъ того, что когда онъ уходилъ, жена несчастнаго наказала ему не приводить домой мужа. Въ 1794 году въ А... утонулъ одинъ Латышъ. Лѣкаря по близости не было, и я самъ поспѣшилъ туда съ двумя дворовыми. Межъ тѣмъ, какъ мы хлопотали привести къ жизни несчастнаго, вся его семья расположилась около насъ спать. Съ часъ спустя проснулся его братъ. Онъ освѣдомился, успѣшны ли наши попытки, и услышавъ, что нѣтъ, взялъ тулупъ утопленника, одѣлся имъ и опять спокойно заснулъ.

Можетъ быть, возразятъ мнѣ, что подобные примѣры хоть и доказываютъ что ни будь въ характерѣ отдѣльныхъ людей, но не всего же народа. Но многочисленность дѣлаетъ ихъ рѣшительными, какъ и при всякой чертѣ народнаго характера, которая слагается только изъ отдѣльныхъ случаевъ. Большую часть приведенныхъ происшествій я замѣтилъ въ одномъ году между крестьянами одного господина. Вотъ, впрочемъ, доказательство болѣе рѣшительное. Какъ скоро вблизи есть оспа, почти во всемъ краю матери носятъ своихъ грудныхъ дѣтей къ страждущему этою болѣзнію, чтобы заразить ихъ, либо даютъ имъ оспеннаго яда съ хлѣбомъ и масломъ. Когда станутъ имъ выговаривать за такой безумный поступокъ, онѣ отвѣчаютъ: «Лучше теперь умереть ребенку, если уже такъ надобно, нежели послѣ, когда онъ пріѣстъ много хлѣба, и все же умретъ.» Очень правильное заключеніе для людей, у которыхъ такъ дорогъ хлѣбъ; но что жь это за материнское чувство, для котораго возможны такія заключенія!

Притупленность чувства всегда соединяется съ недостаточною, или слишкомъ уже высокою, образованностью, точно такъ же, какъ ни голодъ, ни пресыщеніе не допускаютъ вкуса къ музыкѣ. А которое изъ двухъ на сторонѣ Латыша, я уже опредѣлилъ вполнѣ. На многія столѣтія они отстали въ развитіи. Большая часть ихъ не умѣетъ читать и очень не многіе пишутъ. Хоть и вездѣ почти наопредѣляли Нѣмецкихъ учителей, только неодолимыя препятствія дѣлаютъ это распоряженіе напраснымъ. Крестьяне, которые должны посылать своихъ дѣтей за нѣсколь-

ко миль въ училище,[9] слишкомъ бѣдны, чтобы давать имъ зимою необходимое содержаніе, часто даже и одѣвать ихъ. За то лѣтомъ совсѣмъ нельзя и думать объ ученьи. На 8-мъ году возраста дѣти пасутъ скотъ, на 13-мъ во многихъ мѣстахъ мальчикъ ужь пашетъ. Должностныя занятія учителей, которые, для сохраненія себя отъ голода, почти всѣ должны заниматься какимъ ни будь ремесломъ, ограничиваются только преподаваніемъ Катихизиса для готовящихся къ Пріобщенію, да прислугою въ церквахъ Пасторамъ. Обученіе дѣтей предоставляется невѣждамъ родителямъ, и такимъ образомъ глупость и суевѣріе, ни сколько не убывая, переходятъ, какъ наслѣдство, къ слѣдующему поколѣнію.

Отъ того-то суевѣріе въ Ливоніи все еще господствуетъ удивительно страшнымъ образомъ. Въ крайности Латышъ все еще призываетъ на помощь свою богиню счастія, все еще дѣлаютъ ему вредъ злые духи, или ворожеи, и заклинатели должны пособлять ему отъ нихъ. Все еще приноситъ онъ дары[10] лѣснымъ богамъ въ священныхъ рощахъ, пещерахъ и на горахъ. Разные заслуженные проповѣдники съ давнихъ поръ уже старались прояснить густую тьму, въ которой ощупью бродитъ этотъ народъ, посредствомъ книгъ, отчасти переведенныхъ ими на Латышскій языкъ, отчасти же написанныхъ вновь.[11] Они зажигали свѣчу для слѣпыхъ. До сихъ поръ ихъ старанія немного могли принести пользы, по тому что у раба большею частію недостаетъ ни денегъ, ни времени, ни расположенія къ чтенію, хотя бы сколько ни будь и умѣлъ читать.

Суевѣріе никогда не бросается въ глаза такъ сильно, какъ при свадебныхъ обрядахъ: такъ обыкновенно бываетъ у всѣхъ грубыхъ народовъ. Латышская невѣста, по дорогѣ къ вѣнцу, должна бросать въ жертву водѣ и домашнимъ богамъ мочку краше-

---

[9] Не лишнимъ будетъ замѣтить, что Ливонскія мили будутъ, по крайней мѣрѣ, не меньше Географическихъ.

[10] На примѣръ, на Синей Горѣ, въ Гутмансіеле, у святаго ключа, въ Дерптскомъ Уѣздѣ, и проч.

[11] Всякой истинный другъ отечества съ искренею благодарностію вспомнитъ по

ныхъ питокъ во всякой ровъ, или прудъ, какіе только завидитъ, и на уголъ каждаго дома. Во время вѣнчанія она старается наступить на ногу жениху, чтобы обезпечить для себя власть въ будущемъ домашнемъ быту. Такъ какъ и нѣжный супругъ желаетъ того же, то часто выходитъ по этому случаю борьба, которая тѣмъ еще смѣшнѣе, что они хотятъ скрыть ее, и оба смотрятъ на ноги себѣ. При входѣ невѣсты въ ея будущее жилище, впереди идутъ ея провожатые и выбиваютъ саблею, или плетью, на всякой двери крестъ, для отогнанія вредныхъ духовъ, которые, чего добраго, окажутся на пиру. На другой день послѣ свадьбы господа, или присланное отъ нихъ лицо, либо невѣстина мать, надѣваютъ новобрачной на голову шапку и даютъ ей пощечину: [12] вѣроятно, чтобы отплатить ей за всѣ вины въ прежнемъ ея состояніи, а можетъ быть и для того, чтобы этѣмъ послѣднимъ дѣйствіемъ своей верховной власти сложить ее съ себя и передать новобрачному. На этѣхъ свадебныхъ пирахъ обыкновенно господствуетъ самое полное гостепріимство. Всякой пришедшій угощается мясомъ, пивомъ и водкой, на сколько станетъ этѣхъ припасовъ. Нѣсколько дней къ ряду поютъ и пляшутъ подъ трескотню гудковъ и волынокъ. Когда напитки начнутъ подходить къ концу, гости часто дѣлаютъ складчину, чтобы достать еще. Все торжество заключается тѣмъ, что разстилаютъ полотно, на которое всѣ присутствующіе бросаютъ деньги въ подарокъ молодымъ. Напослѣдокъ обходитъ гостей стряпуха съ пустымъ котломъ и собираетъ въ свою пользу. Такими же пирами празднуются крестины и похороны.

Читателямъ, можетъ быть, пріятно будетъ познакомиться еще съ другими Латышскими обрядами, по тому что по нимъ лучше всего можно судить о грубости, или образованности, народа.

этому случаю Г. Главнаго Пастора (Praepositus) Штендера (Stender) въ Курляндіи. Другіе писали проповѣди и Катихизисы. Увы! Но по чему до сихъ поръ нѣтъ еще исторіи Латышей на Латышскомъ же языкѣ?

[12] Я не могъ узнать, господа, или сами Латыши, выдумали этотъ обрядъ; можно полагать, что онъ получилъ свое начало отъ первыхъ. Обычай чрезвычайно знаменательный. Эта пощечина при сдѣланномъ одолженіи.....: бѣдные Латыши получаютъ ее при всякомъ, такъ называемомъ, благодѣяніи, хотя и не всегда она дѣлается рукою.

Какъ скоро дѣвушка придетъ въ возрастъ, она начинаетъ готовить себѣ приданое, или лучше, подарки, которые ей надо будетъ дѣлать свадебнымъ гостямъ, чтобы и отъ нихъ получить такіе же. Въ каждый досужный часъ вяжетъ она рукавицы, либо чулки, и шьетъ покрывала и сорочки. Когда же наконецъ будетъ такъ счастлива, что сдѣлаетъ впечатлѣніе на какого ни будь молодца, этотъ поручаетъ знакомой старухѣ, чаще всего своей матери, передать любезной свои желанія. Потомъ эта уполномоченная пользуется всякимъ случаемъ, чтобы выпытать сердце красавицы, или сдѣлать на него нападеніе. Если это удастся ей, она подноситъ дѣвушкѣ, при нѣсколькихъ свѣдѣтеляхъ, обручальной напитокъ, стаканъ водки. Подаютъ руки другъ другу, и покупка слажена; происходитъ ли это дѣйствіе у забора, въ конюшнѣ, или въ кабакѣ, оно все таки имѣетъ ту же силу. Дѣвушка, нарушившая это обѣщаніе, должна имѣть особенныя прелести, чтобы не дожидаться послѣ того очень долго другого жениха. Осенью бываетъ торжественное сватовство у помѣщика. Двое мужчинъ, обыкновенно близкій родственникъ и отецъ жениха, пріѣзжаютъ верхомъ на лучшихъ лошадяхъ, какія только найдутся у нихъ, разумѣется; оба они въ сапогахъ и въ самомъ лучшемъ платьѣ. На шляпахъ у нихъ и на лошадяхъ развѣваются разноцвѣтныя ленты, а въ зажиточныхъ мѣстахъ выглядываютъ изъ кармановъ и полотняные носовые платки, вышитые шерстью. При ихъ пріѣздѣ дѣвушка, обыкновенно работающая тогда на господской пашнѣ, убѣгаетъ, принаряжается и прячется въ какой ни есть овинъ съ соломой, свиной хлѣвъ, или куда только можно. Сваты просятъ господъ выслушать ихъ, кладутъ имъ къ ногамъ свои подарки: медъ, масло, дичь, либо овцу, и дѣлаютъ парадно свое предложеніе, обыкновенно въ такихъ словахъ: «У насъ убѣжала сюда пастушка (часто говорятъ также: «гусь» или «овца»). Мы пришли къ Вашей Милости съ просьбой отдать ее намъ.» Если ихъ примутъ благосклонно, тогда дѣвушку отыскиваютъ и притаскиваютъ для вида насильно. Она говоритъ свое стыдливое «да», и тогда назначается время свадьбы, но сначала еще празднуется настоящее обрученіе. Оно заключается въ томъ, что влюбленные подаютъ черезъ хлѣбъ другъ другу руку, и потомъ каждый изъ нихъ съѣдаетъ, или лучше проглатываетъ, кусокъ этого хлѣба, по тому что кто скорѣе по-

кончитъ съ своимъ кускомъ, беретъ изъ руки другого, что осталось отъ его куска, и тѣмъ пріобрѣтаетъ выгодное о себѣ мнѣніе, что будетъ самымъ трудолюбивымъ промышленникомъ хлѣба. Съ этѣхъ поръ женихъ получаетъ право посѣщать невѣсту, когда ему угодно, даже и проводить съ нею ночь, не играя, однако жь, роли мужа. Цѣль его только та, чтобы узнать и во время ночи поведеніе невѣсты и ея физическія подробности. Многія молодыя госпожи, пожалуй, горячо возстанутъ противъ того, что терпѣливо сносятъ здоровыя крестьянскія дѣвушки, не столько изъ за опасности, которой этѣ госпожи съ такою пріятностью подвергаются на диванѣ, сколько всего больше изъ за того, чтобы будущій супругъ не сдѣлалъ слишкомъ рано коекакихъ открытій.

Свадьбы играются осенью и чаще, или рѣже, смотря по изобильному, или скудному, исходу жнитва.[13] Лѣтомъ имѣютъ, или соблюдаютъ, Латыши другія празднества. Въ Ивановъ День, прежде и послѣ господскаго жнитва, которое должны справлять всѣ крестьяне, пренебрегая своимъ собственнымъ, господа выставляютъ нѣсколько бочекъ пива и нѣсколько мѣръ вина, а для кушанья мясо. Сбирается весь околотокъ и идетъ на господскій дворъ въ торжественномъ шествіи, съ громкими пѣснями, при звукахъ свирѣлей, гудковъ и волынокъ. Потомъ каждая семья отдаетъ господамъ свое почтеніе, и всѣ до самаго маленькаго ребенка подносятъ имъ въ подарокъ ягоды, грибы, вѣнки и пучки душистыхъ лѣкарственныхъ травъ. Дѣвушки и дѣти, въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, становятся рядами передъ господскимъ домомъ, и поютъ съ пляскою похвальныя пѣсни господамъ и сатирическія импровизаціи на всякаго, кто попадется имъ на дорогѣ.[14] Го-

---

[13] Очень обыкновенно слышишь: «Мнѣ нельзя жениться, по тому что ячмень у меня плохъ.»

[14] У Латышей поэзія досталась на долю прялкѣ, такъ какъ дѣвушки единственныя существа, которымъ участіе въ общемъ ярмѣ оставило еще на столько одушевленія, чтобы чувствовать радость. Молодые и пожилые люди справляютъ свою работу пасмурно, сосредоточенно и въ молчаніи. Сердце у нихъ никогда не поднимается до высокихъ тоновъ веселья: они до того ошалѣли, что не узнаютъ и самихъ себя. За то дѣвушки, незамѣтно уходя въ пріятныя мечты, за своимъ очагомъ, воспѣваютъ ту, или другую, вещь, какія попадутся на глаза. Ни одинъ прохожій не пройдетъ мимо, не попавши въ стихи къ нимъ. Легко по-

раздо поодаль отъ нихъ располагаются на травѣ мужчины и женщины около бочекъ съ виномъ, и выражаютъ свою радость веселою болтовней.

Для меня всегда было праздникомъ видѣть этотъ маленькій народецъ въ опьянѣніи больше отъ радости, нежели отъ жалкаго пива. При его ликованьи, вмѣстѣ съ нимъ забываешь, какими трудами и пожертвованіями куплено это бѣдное веселье. Пожалуй, вообразишь, что переселился въ Аркадію, въ этой пестрой толпѣ честныхъ матерей семействъ, съ ихъ умными взглядами, почтенныхъ сѣдыхъ бородъ, здоровыхъ пожилыхъ мужчинъ и молодыхъ людей, цвѣтущихъ дѣвушекъ и дѣтей, при ароматномъ запахѣ тысячи лѣкарственныхъ травъ, когда при томъ еще такъ по деревенски заливаются свирѣли. Но тамъ, на заднемъ планѣ, выглядываютъ въ окна власти, съ величавою важностію, или съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Очарованія какъ не бывало! Думаешь видѣть кошку, которая раскрываетъ когти и даетъ сдѣлать нѣсколько прыжковъ пойманной мышкѣ, уже воображающей себя на свободѣ, а потомъ опять мучитъ ее вдвое свирѣпѣе.

Мнѣ былъ знакомъ одинъ Дворянинъ (да будетъ незабвенна драгоцѣнная память моего благороднаго друга для всѣхъ добрыхъ людей, его знавшихъ!), который при такихъ случаяхъ проводилъ почти цѣлую ночь въ пріятной прогулкѣ среди радостной суматохи своихъ подвластныхъ. Подарки, часто очень значительные, и ласковыя рѣчи открывали ему ихъ сердце. Довѣрчиво разсказывалъ ему старикъ про свою долю, взрослый про заведенный порядокъ у него въ домѣ, молодой человѣкъ про свои сердечныя дѣла и желанія; самыя дѣти пробирались подивиться на ласковаго большаго барина, говорившаго точно ровный имъ, и приласкаться къ нему. Всякой притѣсненный искалъ, и находилъ у него, пособіе, хоть онъ и не могъ еще вполнѣ располагать своимъ имѣ-

---

нять, что онѣ особенно отличаются и на свадьбахъ. Я слыхалъ иногда, какъ онѣ пѣли такіе экспромты, которыхъ ѣдкія остроты, подумаешь, взяты у какого нибудь Кестнера (Kästner).

ніемъ.[15] Но его не стало! Всѣ надежды на него отечества, веселые планы его семьи, виды его подвластныхъ, ожиданія мірогражданина, все пропало, и я прошу у моихъ читателей извиненія, что не въ силахъ отказать своему сердцу въ томъ, чтобы не поставить сдѣсь на видъ, какъ тлѣнный памятникъ, по крайней мѣрѣ, хоть одну черту его превосходнаго характера.

Къ сожалѣнію, только очень немногіе способны къ наслажденію, доставляемому видомъ ликующей толпы. Возмутительно, съ какимъ лукавствомъ и постепенностью помѣщики, подъ предлогомъ права, по тому что всегда ищутъ въ немъ себѣ прикрытія, стараются лишить своихъ бѣдныхъ, измученныхъ, рабовъ и этой отрады, и этого единственнаго народнаго праздника. «Шумъ надоѣдаетъ,» говорятъ они, и крестьяне ни мало не будутъ въ потерѣ, если за одинъ разъ получатъ двойную долю, и такимъ образомъ почти вездѣ уже отмѣнено это празднество. Себялюбивые лицемѣры! Не выданное вами жалкое пиво, а сходбище для общественнаго веселья, есть цѣль этѣхъ праздниковъ, и то благо, которое вы отняли у вашихъ кормильцевъ. Да и очень вѣрный расчетъ, что крестьяне могутъ только напиваться до пьяна, и что одно похмѣлье стоитъ, разумѣется, дешевле двухъ. Другая мѣра, принятая уже вскорѣ, та, что не даютъ имъ ѣсть, а только пить. Потомъ, и это очень часто, велятъ людямъ сходиться на праздникъ поздно, и назначаютъ время, до котораго они могутъ оставаться вмѣстѣ, обыкновенно тотчасъ, когда господа ложатся спать. Кромѣ того легко находятъ мнимыя причины, чтобы совсѣмъ отложить веселье. Наконецъ, да, наконецъ, совершится величайшее похищеніе, которое можно еще сдѣлать у народа, послѣ того, какъ отняли у него свободу. У Латышей не будетъ больше ни одного народнаго праздника, котораго приближеніе могло бы пріободрить ихъ при изнурительной работѣ. Но слѣдствія падутъ на головы притѣснителей. Слишкомъ уже

---

[15] Кто зналъ этого превосходнаго молодаго человѣка, покойнаго Ассесора Верхняго Земскаго Суда, Мекка (Meck), тотъ легко догадается, что сдѣсь о немъ идетъ рѣчь. Съ прекраснѣйшимъ сердцемъ, большими дарованіями и очень обширными свѣдѣніями, онъ сошелъ въ могилу на 25 году жизни. Всѣ еще сожалѣютъ о немъ; но только друзья его, Кантъ и Рейнгольдъ, знаютъ вполнѣ, чего лишилось въ немъ его отечество.

много подтверждалось то замѣчаніе, что пляшущій и поющій народъ не опасенъ; а вотъ когда онъ, ошеломленный до глухоты, повѣситъ голову и станетъ дѣлать соображенія, тогда пусть трепещутъ деспоты!

Возвращаюсь къ характеру Латышей. Къ моему сожалѣнію, черты, которыя мнѣ должно еще прибавить, будутъ вовсе не пріятнаго качества.

У всякаго народа часто есть очень короткій періодъ, когда онъ отличается множествомъ добродѣтелей, и преимущественно одною характеричною, которая иногда опредѣляетъ добрую, или дурную, славу народа на цѣлыя столѣтія. Такъ все еще говорятъ о Нѣмецкой честности Англійской народной гордости, хоть оба этѣ качества давно перестали уже особенно отличать своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Во многихъ помѣстьяхъ Латыши были близки къ такому періоду, въ нѣкоторыхъ они таковы и теперь, но для всѣхъ онъ никогда не настанетъ, пока они останутся крѣпостными, а, слѣдовательно, не будутъ имѣть ни какой народной гордости. У нихъ такой недостатокъ въ ней, что каждый Латышъ, которому удалось добиться свободы и перейти въ другое званіе, считаетъ самою горькою обидой для себя, когда кто напомнитъ ему, что онъ Латышъ. Онъ тщательно старается удаляться отъ своихъ братьевъ, прикидывается, что не понимаетъ ихъ языка, и если успѣетъ сдѣлаться бариномъ надъ нѣкоторыми изъ нихъ, тогда онъ жестокосерднѣе и корыстолюбивѣе самихъ Нѣмцевъ.

Такимъ образомъ отъ этѣхъ несчастныхъ нельзя ожидать народныхъ добродѣтелей; народный же порокъ, въ которомъ ихъ упрекаютъ—недобросовѣстность. Но, можетъ быть, подробнѣйшее разсмотрѣніе покажетъ намъ, что и сдѣсь они достойнѣе сожалѣнія, нежели упрековъ.

Говоря о народѣ, что честность принадлежитъ къ общимъ его отличіямъ, показываютъ тѣмъ, что у него мало раздражительности и не много удовлетворяемыхъ легко потребностей. [16]

[16] Очень легко было бы аналитически разложить всѣ людскія добродѣтели на такія,

Просвѣщеніе и роскошь всегда растутъ равномѣрно, а слѣдовательно, и сумма потребностей. Отсюда основательная жалоба, что просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой средней степени, болѣе портитъ нравы, нежели дѣлаетъ ихъ лучше. У Латышей мало просвѣщенія, мало раздражительности, и такъ же мало потребностей, да и тѣхъ часто не могутъ они удовлетворить. Въ странѣ, которая обращаетъ въ водку, или вывозитъ множество пшеницы, у крестьянина, послѣ самой изобильной жатвы, въ Генварѣ ужъ нѣтъ хлѣба: каждую весну онъ долженъ занимать на посѣвъ у господъ. Этотъ недостатокъ виною того, что, для удовлетворенія необходимой нужды своей и семьи, Латышъ считаетъ безгрѣшнымъ, даже славнымъ, украсть частицу барыша у тѣхъ, которые роскошничаютъ на его потовые труды. Одинъ Латышскій Смотритель, котораго упрекали въ обыкновенныхъ кражахъ на молотьбѣ, смѣло отвѣчалъ: «Да справедливо ли завязывать пасть у молотящаго вола, когда онъ чуть не умираетъ съ голода?» Мнѣ кажется, что этотъ отвѣтъ заключаетъ въ себѣ самую полную апологію недобросовѣстности, въ которой упрекаютъ этотъ народъ, на сколько найдутъ его способнымъ къ такой апологіи. Ливонскій крестьянинъ будетъ, и долженъ быть, воровать и обманчивъ, пока станутъ оказывать ему явную несправедливость; часто онъ тѣмъ только и можетъ протянуть свою жизнь и доставать себѣ минутное довольство. Въ мѣстахъ, гдѣ народъ позажиточнѣе, рѣже и всякія проступки, и часто встрѣчаются черты добросовѣстности и вѣрности, которыя были бы изумительны во всякомъ народѣ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести одну такую черту.

Во время одного сильнаго крестьянскаго возстанія, когда при томъ еще ходили слухи, что Поляки дѣлаютъ грабежи въ Ливо-

---

весьма нецѣнныя, составныя части; но мнѣ не хочется обижать ихъ. Да, я согласенъ, что отдѣльный человѣкъ, при великой раздражительности и неудовлетворенныхъ потребностяхъ, можетъ еще быть честнымъ. Но какъ скоро говорится о народной честности, думаю, что мое положеніе признаютъ безусловно справедливымъ. Ни блаженные, но вороватые, Отаитяне, ни бѣдные и честные Тунгусы, не могутъ служить опроверженіемъ для него. Первые раздражительны, какъ дѣти; у послѣднихъ, при очень ограниченныхъ потребностяхъ, холодное сложеніе стариковъ.

ніи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ Нѣмцы убѣжали въ ближайшую крѣпость. Одинъ, очень зажиточный арендаторъ П. имѣлъ значительную сумму денегъ и былъ въ затрудненіи, какъ ему сохранить ее. Одинъ старикъ крестьянинъ пришелъ къ нему и сказалъ: «Поручите мнѣ, сударь, все, чего вамъ нельзя увезти съ собою: отвѣчаю вамъ жизнью за сохраненіе.» Ни какого другого средства, повидимому, не оставалось, и крестьянинъ получилъ шкатулку съ деньгами, тотчасъ же зарылъ ее въ лѣсу и стерегъ днемъ и ночью. Слухи оказались неосновательны, смятенія вскорѣ утишены, и всѣ воротились домой. Честный старикъ тоже явился на господскій дворъ съ своею шкатулкой. Арендаторъ былъ въ восторгѣ отъ его вѣрности и усердія. Онъ открылъ свое сокровище, схватилъ что-то оттуда и подалъ крестьянину талеръ (!). Этотъ, вовсе не разсчитывая и не надѣясь на награду, не счелъ себя обманутымъ въ ожиданіяхъ и принялъ деньги съ благодарностью.

Первые шаги необразованныхъ дѣтей природы къ нравственному развитію такъ наивны и такъ назидательны для наблюдателя, какъ лепетанье дѣтей, пока еще они не начнутъ говорить. У зажиточнаго Латыша они обнаруживаются въ натянутыхъ пріемахъ, забавной причудливости, либо въ такомъ же смѣшномъ важничаньи, смѣломъ прямодушіи и въ приведеніи Библейскихъ изреченій, которыми они часто ставятъ въ тупикъ своихъ господъ и проповѣдниковъ.[17] Лучшіе плоды этой развитости—трезвость,

[17] Помѣщикъ Ново-С.... отнялъ дворъ у одного зажиточнаго и распорядительнаго хозяина и велѣлъ отвести ему другое жилье. Онъ прибавилъ къ тому разныя вознагражденія, но старика ни чѣмъ нельзя было удовлетворить за потерю двора, на которомъ онъ родился и былъ воспитанъ. Гдѣ бы только ни повстрѣчался съ помѣщикомъ, онъ дѣлалъ ему упреки и доказывалъ изъ Библіи, что онъ долженъ оставить за нимъ его домъ, и все это такъ вѣжливо, что тотъ не могъ ни опровергнуть его, ни наказать. Помѣщикъ, увидавши однажды, что этотъ начетчикъ пришелъ къ нему, убѣжалъ во внутреннія комнаты. Но старикъ подозрѣвая, что онъ близко, схватилъ 8-ми лѣтняго барченка, какъ можно громче далъ ему множество наставленій, какъ ему надо будетъ впередъ обходиться съ крестьянами, и все это доказывалъ такъ удачно выбранными мѣстами изъ Библіи, что слушавшій помѣщикъ постоянно краснѣлъ, какъ сознавался онъ часто самъ. Спустя нѣсколько часовъ, они столкнулись другъ съ другомъ на полѣ. Старикъ подошелъ къ Дворянину чрезвычайно свободно. «Вамъ надо,

трудолюбіе и, спутница ихъ,—строгая честность. Но это только мимолетныя явленія, по тому что нравственность и благоденствіе подвластныхъ возвышаются, или упадаютъ, вмѣстѣ съ человѣколюбіемъ и разсудкомъ ихъ господъ. Довольно одного примѣра, чтобы показать, какой ходъ обыкновенно принимаетъ начинающаяся образованность въ крестьянскихъ общинахъ, и какъ много свойства ихъ зависятъ отъ поведенія ихъ господъ.

Одинъ Дворянинъ, чувствуя, что помѣщикъ можетъ добиться славы поблагороднѣе той, чтобы каждый годъ приказывать возить помета тысячью возовъ больше противъ своего предшественника, и что благоденствіе крестьянъ дѣйствительно самое вѣрное богатство, употреблялъ всѣ средства для приведенія своихъ крестьянъ въ цвѣтущее состояніе: онъ обходился съ ними съ пощадою, требовалъ отъ нихъ только того, на что имѣлъ право, заботился о воспитаніи юношества, старался внести дѣятельность и порядокъ въ хозяйственный бытъ крестьянина и, для поощренія ихъ къ нравственности и трудолюбію, самымъ прилежнымъ и честнымъ мужчинамъ онъ давалъ пояса съ своимъ гербомъ. Этотъ родъ орденскихъ лентъ, столько почетный въ глазахъ разсудка и во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть, почтеннѣе всякихъ другихъ подарковъ благоволенія владыки, возбудилъ такое живое соревнованіе, что С...кіе крестьяне очень отличались отъ всѣхъ людей образованностью, зажиточностью и честностью. Другъ человѣчества умеръ. Его наслѣдникъ завелъ у себя домашній хоръ пѣвчихъ, нанялъ музыкантовъ и скульпторовъ, обратилъ свой лѣсъ въ Англійскій садъ, велѣлъ провести насыпную дорогу отъ одного скотнаго двора своего помѣстья до другого: такимъ образомъ у него не оставалось досужнаго времени на попеченія о крестьянахъ, развѣ въ такой только мѣрѣ, въ какой они должны были приводить въ исполненіе его чрезвычайно смѣшныя затѣи. Крестьяне почти совсѣмъ не имѣли времени для обработки своихъ полей, и были отданы на жертву корыстолю-

---

сказалъ онъ, быть милостивымъ и кроткимъ Господиномъ. Нашъ Искупитель говоритъ: «Что подаете вы бѣдному, мнѣ подаете». Такъ не откажите 70-тилѣтнему старику, который видѣлъ, какъ вы росли, а теперь страдаетъ насморкомъ: дайте понюхать табачку»! Ему и дали, чего онъ просилъ.

бивому управителю, который въ нѣсколько лѣтъ такъ ихъ разорилъ, что они стали самыя бѣдныя, а вскорѣ и самыя распутныя твари по всему краю. Желая, однако жь, удержать ихъ руки для поддержанія своего сада, эстетическій помѣщикъ почти каждый годъ долженъ былъ покупать на тысячу и больше талеровъ пшеницы, для раздачи въ займы крестьянамъ. Но подобные займы только прочнѣе укореняютъ нищету, по тому что осенью должны быть уплачены съ лихвою. При томъ же они проходятъ черезъ руки упомянутаго управителя, который не выдаетъ бѣднякамъ и половины назначеннаго. Однако жь ихъ лохмотья оскорбляли взоры знатока искуствъ изъ благороднаго сословія: онъ каждый годъ назначаетъ лотереи, въ которыя мужчины и женщины выигрываютъ новыя платья. Всѣ щеголяютъ по Воскресеньямъ въ новыхъ нарядахъ, только, risum teneatis! часто не имѣютъ рубашекъ подъ своими новыми кафтанами.

Пересматриваю еще разъ свое описаніе Латышей, и сознаюсь, что оно еще не совсѣмъ кончено. Тупоумно, безъ одушевленія, большинство ихъ влачитъ свою жизнь, и не знаетъ ни какого счастія выше возможности наѣдаться до сыта мякиннаго хлѣба, при томъ еще съ неисполосованною спиною, другой смѣлости, кромѣ той, чтобы смотрѣть на большаго Господина, и другой мудрости, кромѣ умѣнья воровать, не попадаясь.

Добродѣтелью только и считается у него напиваться до скотскаго безчувствія по Воскресеньямъ, а честью—не быть высѣченнымъ. Однимъ словомъ, Латыши то, чѣмъ можетъ сдѣлаться такой народъ, въ которомъ всякую человѣчность уже 6-ть столѣтій гложетъ пасть рабства. Впрочемъ, я полагаюсь на справедливость моихъ читателей, что они найдутъ ненавистнымъ не безобразіе его свойствъ а причины того. Не карлики древняго Рима заслуживаютъ отвращеніе, а продавцы рабовъ, прятавшіе дѣтей въ ящики для того, чтобы насильно сдѣлать изъ нихъ уродовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

БАРЩИННАЯ РАБОТА И ОБРОКИ ЛИВОНСКИХЪ ЛАТЫШЕЙ.

In vain kind seasons swell the theming grain;
The snowrs distill, and suns grow warm in vain!
The swain with tears his frustrate labour yields,
And famish'd dies amidst his ripen'd fields.

Pope.

Со времени «Общественнаго договора» Руссо сдѣлалось всѣми признанной истиной, что основою всякаго государственно-гражданскаго устройства служитъ молчаливый договоръ. Но онъ заключается въ молчаніи, становится обширнѣе согласно современнымъ обстоятельствамъ, и ни какой письменный актъ не можетъ доказать его: уже только по этому онъ кажется неопредѣленнымъ и соблазняетъ ко множеству нарушеній. Сильнѣйшая сторона убѣждается слишкомъ охотно, что этого договора вовсе не существуетъ, по тому что нельзя предъявить его. Но человѣческое чувство и справедливость заявляютъ его содержаніе безъ всякихъ пропусковъ, и служатъ ему ручательствомъ. Въ случаѣ его нарушенія, довольно оскорбленнаго чувства человѣческой правды, чтобы дать знать притѣсненному объ этомъ нарушеніи; тогда-то, нерѣдко, послѣ цѣлыхъ столѣтій мученической жизни, скорбь и отчаяніе вооружаютъ притѣсненнаго, даже противъ его воли, на отмщеніе своего позора и страданія и на поддержку значенія первоначальнаго договора. Но онъ не останавливается на томъ: та же неопредѣленность, такъ кстати приспѣвшая на подмогу его притѣсни-

телямъ, должна послужить и ему, чтобы уполномочить его на выходящее изъ границъ мщеніе и униженіе ихъ.

Исторія всѣхъ вѣковъ явно проповѣдуетъ этѣ истины; потому-то для всякаго мыслящаго ума нечего и упоминать о нихъ: только деспоты не знаютъ ихъ, или лучше, стараются не знать. Кто бы сказалъ кому ни будь изъ толпы Ливонскаго Дворянства: «Этѣхъ людей, которые гнутъ спину подъ ударами твоего бича, и которые стали игрушкою твоего безчувственнаго произвола, договоръ обязываетъ только на то, чтобы обработывать твои поля и кормить тебя. Они такіе же люди, какъ ты; они твои братья, они также принесли съ собою въ міръ всѣ тѣ права на счастіе и блаженство, которыхъ ты требуешь себѣ. Они были уступлены тебѣ для обработки твоихъ полей, а не для того, чтобы ты могъ ихъ губить, оскорблять, или раздавать поодиночкѣ. Они твои, въ какой мѣрѣ купилъ ты право требовать отъ нихъ опредѣленныхъ и умѣренныхъ обязанностей, но все же люди.» Кто, говорю я, осмѣлился бы такъ сказать, тотъ пытался бы быть осмѣяннымъ, какъ безумецъ, или сдѣлаться подозрительнымъ, какъ возмутитель. По понятію большей части Дворянъ, права ихъ на рабовъ все еще не права феодала на вассала, а мясника на купленное стадо. Всякое постановленіе ко благу Латышей кажется имъ стѣсненіемъ ихъ собственности и несправедливостью. Они повинуются ему съ ропотомъ, либо стараются увернуться отъ него и вздыхаютъ объ испорченности вѣка, отнявшей у нихъ полномочіе на ужасныя дѣла рыцарства. «Развѣ не могу я располагать своею безусловною собственностью, какъ хочу?» говорили ловкіе на турнирахъ чудовища изъ среды Гермейстеровъ, когда заставляли пытать, или казнить своихъ подданныхъ. То же повторяютъ еще и ихъ потомки, когда разоряютъ крестьянъ самовольною барщиной.

Наперекоръ всякимъ неразумнымъ толкамъ, хотя бы они и подтверждались письменными актами, исторія неопровержимо показываетъ, что отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ основываются на взаимномъ договорѣ. По, такъ называемому, праву завоеванія, Нѣмцы присвоили пахатныя поля себѣ; но какъ они не могли, или не хотѣли обработывать ихъ сами, то оставили часть ихъ настоящимъ владѣльцамъ съ условіемъ, чтобы они

всѣ остальныя поля обработывали для нихъ, чужеземныхъ разбойниковъ. Сдѣсь формальный договоръ, въ которомъ опредѣляется повинность обязанности. Если Латышей оставили во владѣніи ихъ хижинами и частью полей, то понятно, что отъ нихъ нельзя было требовать больше, сколько они могли сдѣлать, и какую цѣну имѣло для нихъ то, что имъ оставили. Понятно, что имъ необходимо было удѣлить времени на доставленіе себѣ способовъ къ жизни и довольству. Вѣдь Латыши выговорили себѣ не нищенскій же посохъ, или голодную смерть, а мирный и зависимый трудъ? Ихъ угнетали, а послѣ кровопролитныхъ, но напрасныхъ, смятеній отняли у нихъ и другое средство къ спасенію. Латыши стали выселяться, точно такъ же, какъ мирныя пчелы покидаютъ улей, въ который ворвались шмели посильнѣе ихъ. Нѣмцы предвидѣли для себя что ни будь одно: или умирать съ голоду, или работать самимъ. Самымъ лучшимъ средствомъ было бы законное распредѣленіе обязанностей; однако жь нашли согласнѣе съ своею гордостью вмѣнить въ прямое преступленіе крестьянину, если онъ покинетъ свое жилье, что, разумѣется, дѣлалось съ очень грустными чувствами. Владѣлецъ помѣстья могъ преслѣдовать убѣжавшаго, поймать его и наказать за побѣгъ. Слѣдовательно, Латыши стали крѣпкими землѣ, glebae adscripti. Ихъ принудили къ выполненію договора, заключеннаго ихъ слабыми отцами, но это самое было и подтвержденіемъ того договора другою договаривающеюся стороною. Многія мѣста, однако жь, обезлюдѣли отъ выселеній, рѣзни, или болѣзни; Государство, то есть, тогдашнее Дворянское Собраніе, рѣшило, чтобы владѣльцы болѣе населенныхъ участковъ продавали другимъ своихъ людей по одиночкѣ, или семьями, т. е., могли предоставлять другимъ свои права на нихъ. Но этѣ права первоначально основывались на томъ первомъ договорѣ и могли быть только такія, какія давалъ онъ. Латыши стали вещью (res); крестьяне помѣстья обратились въ стадо этого помѣстья, изъ котораго владѣлецъ могъ браковать, или назначать въ продажу, кого захочетъ; но только тотъ договоръ существовалъ. Онъ получилъ новую силу, когда рыцарство утратило свою верховную власть надъ страною и само стало подданнымъ одной Монархіи. Благодаря именно тому, поселянинъ пересталъ быть исключительною принадлежностью Дворянина, и сдѣлался собственностью и сочленомъ Госу-

дарства; онъ поступилъ подъ его покровительство, и могъ отъ него надѣяться защиты и охраненія своихъ правъ.[1]

И рыцарь, и крестьянинъ должны быть въ глазахъ Государя предметами одинаковой важности; въ глазахъ мудраго Государя послѣдній долженъ быть важнѣйшимъ предметомъ его отеческихъ заботъ о странѣ. Всякія злоупотребленія, возможныя при туземной верховной власти въ странѣ, должны были и прекратиться съ этою властью. Преимущества, утвержденныя за Дворянствомъ относительно крестьянъ, существовали въ такомъ только случаѣ, когда будетъ продолжаться первый договоръ, о которомъ упоминалъ я такъ часто и который долженъ былъ явиться теперь въ своемъ первоначальномъ видѣ. Дворянство не должно ужь было поступать съ своими согражданами, какъ съ подвижною машиной, на которую дѣлаютъ не больше издержекъ, сколько нужно для поддержанія ея хода. Оно должно было ограничиться законными требованіями, или ожидать, чтобы законодательная власть соблюла строгую справедливость при ихъ назначеніи. Только случайныя обстоятельства не дали воспользоваться своимъ правомъ въ этомъ отношеніи Правительствамъ, подъ властью которыхъ находилась Ливонія со времени уничтоженія Гермейстерства. Они удовольствовались предварительными распоряженіями и настойчивыми напоминаніями помѣщикамъ о человѣчности въ поступкахъ и требованіяхъ. Слѣдующее покажетъ, на сколько Дворянство воспользовалось этѣми указаніями, на сколько сдержало, и теперь еще держитъ оно основной договоръ.

Повинности крестьянъ въ каждомъ помѣстьѣ различны, по мысли и потребностямъ господина, по тому, что его воля единственный законъ. Но какъ она одинакова почти вездѣ, то не велика и разница. Какъ скоро въ помѣстьѣ выдумаютъ новую повинность, сосѣди подражаютъ тому, и въ нѣсколько лѣтъ она становится обыкновенною во всей странѣ. Только разница въ

[1] А что Государи смотрѣли на дѣло съ такой точки зрѣнія, это показываютъ постановленія, изданныя ко благу крестьянъ Польскимъ, Шведскимъ и Русскимъ Правительствомъ. См. о томъ въ слѣдующемъ Отдѣленіи.

почвѣ и положеніи помѣстья производитъ различіе въ повинностяхъ и состояніи крестьянина. Впрочемъ, я долженъ напередъ замѣтить, что источники моихъ извѣстій—слова разныхъ Дворянъ и проповѣдниковъ, которыя я тщательно сличалъ съ показаніями ихъ крестьянъ.

Крестьянскіе дворы въ Ливоніи считаются по гакамъ, т. е., по числу рабочихъ мужчинъ и пространству пахатной земли. Каждый гакъ раздѣляется на два, четыре, или болѣе крестьянскихъ дворовъ съ ихъ угодьями. Четверные гакнеры чаще всего: слѣдовательно, ихъ-то и буду разумѣть, говоря о крестьянскихъ дворахъ или избахъ, со всѣми ихъ угодьями.

Четверной гакъ долженъ быть занятъ, по крайней мѣрѣ, тремя рабочими мужчинами и столькими же женщинами. На немъ рѣдко сѣется больше шести мѣръ (Loof); соразмѣрно тому и количество луговой земли, выгоновъ и лѣсу.[2] Въ урожайные годы жатва во многихъ мѣстахъ даетъ 10, въ другихъ едва 6, зерно съ посѣва. Полагая среднимъ числомъ, четверной гакнеръ получаетъ отъ 48 до 50 мѣръ ржи съ посѣва. Но на шесть рабочихъ людей безошибочно надобно считать двоихъ стариковъ и четверыхъ дѣтей (не упоминая грудныхъ младенцевъ), и на каж-

---

[2] Такъ въ найбольшей части мѣстъ. Въ нѣкоторыхъ у крестьянина вовсе нѣтъ топлива и мало сѣна, но за то получше земля. Въ другихъ земля ни куда не годится, за то много лѣсу, или сѣна, либо рыбныя ловли. Слѣдовательно, доходъ четвернаго гакнера никогда не бываетъ одинаковъ вездѣ. Иногда встрѣчается и такой неразсудительный надѣлъ, что у одного больше земли, нежели онъ въ состояніи обработать, а у другого недостаетъ мѣста, чтобы быть тродолюбивымъ. О прикупкѣ нечего и думать: по тому что земля принадлежитъ помѣщичьей усадьбѣ, которая возьметъ ее назадъ, если только захочетъ. Крестьяне съ ограниченнымъ количествомъ земли принимаются за какое ни будь ремесло и, благодаря тому, разживаются. Для нѣкоторыхъ моихъ читателей въ Германіи я долженъ замѣтить, что крестьянинъ въ Ливоніи не сѣетъ ни чего другого кромѣ ржи, ячменя, овса и нѣсколько льна и пеньки; такъ называемый Рижскій ленъ и Рижское льняное сѣмя—найболѣе Литовскіе и Куронскія произведенія, привозимыя Двиною, такъ же какъ и большая часть привозной пшеницы.

даго изъ нихъ по 5 лоофовъ ржи, такъ что для всей семьи 60 лоофовъ хлѣба. Слѣдовательно, въ обыкновенные годы у каждаго четвернаго недостаетъ 14 мѣръ; [3] кромѣ того, ему должно отдать изъ своей жатвы оброкъ господскому двору, школьному учителю, проповѣднику, надобно еще уплатить съ лихвою прошлогодніе долги (17-й процентъ въ полгода). Когда не въ самые урожайные годы общій голодъ разсвирѣпствуется по странѣ, доходитъ до того, что Латышъ примѣшиваетъ въ муку ячмень, овесъ, а всего больше мякину; въ Апрѣлѣ получаетъ пособіе съ господскаго двора и достаетъ кое-какую небольшую прибыль на сторонѣ, что, однако жь, совсѣмъ не слѣдуетъ ставить въ достоинство краю. Послѣ скудной жатвы люди часто умираютъ съ голоду. Въ городахъ такъ и кишатъ нищіе, у которыхъ недостаетъ не силы и охоты, а только случая къ промыслу, и которые прибѣгаютъ къ самымъ неестественнымъ питательнымъ средствамъ. [4] Обыкновенное слѣдствіе того повальныя болѣзни.

Станемъ, впрочемъ, говорить объ однѣхъ урожайныхъ жатвахъ; забудемъ, что добыватель хлѣба, кормилецъ другихъ сословій, не долженъ ѣсть хлѣбъ съ мякиной, и тогда найдемъ, однако жь, что крестьянинъ трудомъ достаетъ себѣ у своей земли одно только насыщеніе. Изъ чего жь удовлетворить ему другія нужды? Овечье стадо, можетъ быть, даетъ ему необходимую одежду, льняное поле бѣлье. Но въ этомъ имѣютъ нужду и его дѣти; ему, какъ человѣку, необходимо иногда пользоваться освѣженіемъ въ обществѣ кабачка, чтобы не прійти въ разслабленіе и не пасть подъ бременемъ своего несчастія. Чтобы достать на это денегъ, ему ни чего не остается больше, какъ продать запасъ сѣна и заставить голодать свой скотъ, сбыть осенью свою пшеницу,

---

[3] Я не первый представляю это разчисленіе публикѣ. Достойный сочинитель «Областныхъ листковъ (Provincialblätter) (по видимому господинъ Пасторъ Яннау), въ первомъ выпускѣ ихъ, 1786 года, ст. 104, дѣлаетъ такое же разчисленіе; только показанный у него недостатокъ меньше. Кажется, что онъ говоритъ о малонаселенныхъ мѣстахъ, и назначаетъ на человѣка по 4 лоофа ржи, а это ужь очень мало.

[4] Я видѣлъ самъ, какъ въ Лемзаалѣ (Lemsal) одинъ изъ такихъ несчастныхъ, молодой и здоровый малый, лѣтъ 18-ти, глоталъ уличную грязь.

и притомъ еще ходить въ лохмотьяхъ и дѣлать долги: [5] грустная, но неизбѣжная, доля! Бѣдняку нельзя сдѣлать ни какой попытки, для доставленія себѣ лучшаго положенія, если онъ не хочетъ, чтобы съ нимъ поступили, какъ съ преступникомъ. Его бѣдствіе законно и его иго несокрушимо. Надо принимать его за милость, — и быть нищимъ: посмотримъ, что онъ обязанъ сдѣлать за это.

Четверной гакнеръ работаетъ на барщинѣ понедѣльно, съ однимъ работникомъ и лошадью, слѣдовательно, отъ 24 до 25 недѣль въ годъ. Лѣтомъ этѣхъ работниковъ употребляютъ для запашки, а во время посѣва ихъ требуютъ втрое больше. Чтобы лѣнивый не работалъ слишкомъ мало, отеческая попечительность Дворянъ выдумала средство отмѣривать каждому пахарю участокъ поля для дневной работы. «Очень хорошо! вскричатъ при первомъ взглядѣ. Но если вникнуть попристальнѣе, окажется, что сдѣсь, какъ и вездѣ, введено прекрасное распоряженіе, чтобы употреблять его во зло. Каждый работникъ такимъ образомъ получаетъ на свое попеченіе извѣстный участокъ поля, но въ случаѣ дурной погоды отпускаютъ его домой, а что онъ тамъ станетъ дѣлать теперь? Дождикъ льетъ и на крестьянскомъ полѣ такъ же хорошо, какъ на господскомъ. За то, когда настанетъ ведро, тогда ужь двое, или трое, мужчинъ должны поспѣть наверстать упущенное не по ихъ винѣ, а крестьянское поле остается безъ всякаго попеченія. Понятно ли, отъ чего крестьянскіе посѣвы даютъ такъ мало прибыли?

Мало того! Господскій дворъ распространяетъ свои поля по произволу, не подавая, однако жь, возмутительнаго вида, будто бы онъ увеличиваетъ барщинную работу; по тому что не требуетъ же двухъ пахарей въ недѣлю. Онъ отмѣриваетъ только на каждаго сотнею квадратныхъ саженъ больше: ему и можно дѣлать

[5] Либо воровать. Покойный Подполковникъ Т..... держался того правила, чтобы однихъ бѣдняковъ дѣлать смотрителями при молотьбѣ: «Пусть они воруютъ себѣ на разживу!» Это средство помогло; только людей немилосердно сѣкли, когда они попадались въ кражѣ. Для помѣщика больше бы принесло чести, если бы онъ пособилъ своимъ крестьянамъ снисходительностью и разумными учрежденіями, а не портилъ бы умышленно ихъ характера.

это, по тому что отношеніе господской земли къ крестьянской не опредѣлено ни какимъ закономъ. Если же работникъ не можетъ обработать, сколько положено въ недѣлю, тогда онъ залѣнился, и его хозяинъ-крестьянинъ долженъ обработывать остальное.

Въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ пошли еще дальше, какъ бы ни казалось это невѣроятнымъ. Отмѣриваютъ каждому домохозяину участокъ поля, который онъ долженъ вспахать, обсѣять и сжать для господскаго двора. Кромѣ того, онъ же выставь еще работника, а этого употребляютъ для обработки полей новозаводимыхъ усадебъ, которыя называютъ сдѣсь мызами. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ и онѣ тоже отмѣриваются домохозяевамъ крестьянамъ и заводятся новыя мызы. Такъ это и идетъ, на сколько станетъ мѣста, а въ Ливоніи недостатокъ въ немъ окажется не такъ-то скоро. Въ большей части Уѣздовъ (Округовъ) необработанныхъ мѣстъ еще довольно. Господскій дворъ умножаетъ свое скотоводство, свой посѣвъ, свои доходы, а крестьяне?

Зимою понедѣльные работники должны каждый день нарубить и привезти дровъ, не смотря ни на какую погоду. Нѣкоторые разсудительные господа завели такой порядокъ, чтобы во время осеннихъ дождей дрова рубили въ лѣсу, а возили бы ихъ по хорошему санному пути, но, къ сожалѣнію, то и другое дѣлается посредствомъ, такъ называемой, чрезвычайной артельной работы. Большая часть помѣщиковъ только тѣмъ и ограничиваетъ свою попечительность, что заставляетъ мѣрять сажени. [6]

Чтобы отдать полную справедливость остроумію господъ помѣщиковъ, я приведу сдѣсь, что случалось въ 94, 95 и 96 годахъ, а можетъ быть, еще и ранѣе, въ—бергенѣ. Одинъ Дворянинъ нашелъ, что для крестьянъ будетъ все равно, на что бы онъ

[6] Потребленіе дровъ въ Ливоніи ужасное! Одно помѣстье въ Рижскомъ Уѣздѣ тратитъ, на прим., по 1600 саженъ ежегодно только на барскій дворъ. А отъ того дрова во многихъ мѣстахъ стали уже очень рѣдки; но этотъ недостатокъ ощутителенъ только для крестьянина, который въ Пебальгскомъ, на примѣръ, приходѣ долженъ плестись за ними за три мили. Впрочемъ, еженедѣльная доставка дровъ однимъ работникомъ ограничивается одною кубическою саженью.

ни употребилъ работниковъ. По этому и заставилъ ихъ всю зиму ловить рыбу, а лѣтомъ крестьяне должны были бросать свои полевыя работы, чтобы изъ за нѣсколькихъ миль таскать ему необходимый запасъ дровъ на зиму, разумѣется, на свой же счетъ.

Кромѣ этѣхъ работниковъ на лошадяхъ, четверной гакнеръ посылаетъ черезъ каждую недѣлю одного пѣшаго; вся же вотчина ставитъ еженедѣльно отъ двухъ до четырехъ взрослыхъ пастуховъ, а въ воскресные и праздничные дни множество сторожей.

Потомъ происходитъ удобреніе и посѣвъ безплатно съ двумя, или тремя, лошадьми отъ каждой крестьянской семьи. Для сѣнокоса, жнитва и всякой большой работы, каждый крестьянскій дворъ ставитъ троихъ, четверыхъ, пятерыхъ человѣкъ, или сколько угодно будетъ господскому двору, такъ что на барщину собираются всѣ годные къ работѣ. А собственное крестьянское хозяйство останавливается, поле стоитъ не засѣянное, сѣно гніетъ, рожь осыпается. Да что за дѣло до того? Помѣщикъ воспользовался хорошей погодой и не боится ужь ни какого ущерба.

За такую артельную работу (здѣсь зовутъ ее «Talkus») во все то время, пока она продолжается, въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ крестьяне получаютъ пищу; въ другихъ всякому домохозяину ежегодно дается одна, или двѣ, мѣры пшеницы, въ большей части и совсѣмъ ни чего не дается, и, однако жь, надобно проработать все лѣто за такія артельныя угощенія.

Для крестьянина ни чего нѣтъ вреднѣе такой артельной работы, отнимающей у него, какъ нарочно, въ самую важную пору года, работниковъ, которыхъ кормилъ онъ всю зиму. Въ не очень урожайныхъ Уѣздахъ уже одного этого распоряженія достаточно, чтобы пустить крестьянина по міру, и, однако жь, на немъ еще больше повинностей. Если помѣщикъ хочетъ строиться, онъ безъ дальняго приказываетъ вотчинѣ навозить лѣсу и поставить плотниковъ. Если хочетъ ловить рыбу, пилить тесъ, мыть полы, или понадобится послать куда и т. п., онъ призываетъ къ себѣ, кого ему угодно: когда же крестьянину обработывать свое

полѣ? По Воскресеньямъ и праздникамъ. Печальная картина, если посмотрѣть, какъ этѣ бѣдняки, сгорбившись надъ плугомъ, либо съ серпомъ и косою въ рукахъ, въ потѣ лица влачатъ свою бѣдную долю въ такіе дни, когда зажиточный добрый человѣкъ даетъ отдохнуть даже своему скоту. Сколько можетъ быть вздоховъ! На проклятія у нихъ не стаетъ уже духа. Сколько слезъ отчаянія умоляютъ небо о справедливости! Все это пустяки! Слишкомъ просвѣщены, чтобы обращать вниманіе на такія чувствительныя вещи! Вмѣсто того, нашли средство присвоить себѣ и часть Воскресенья. Въ этотъ день крестьянинъ работаетъ же по доброй волѣ: пусть же онъ потрудится и для господъ. Съ этою цѣлью, если работники съ своими лошадьми рано явятся въ Понедѣльникъ на барщину, то должны привезти возъ тростниковой травы для постилки, или березоваго хворосту для ночнаго корма овцамъ.[7] Пѣшіе же работники, всѣ безъ исключенія, смотря по времени года, должны поставлять грибы, ягоды, раки, орѣхи и прочее.

Этѣхъ послѣднихъ оброковъ, вынуждающихъ крестьянина жертвовать жадности своихъ властей и Воскресеньемъ, ни разрѣшаетъ, ни приказываетъ ни одинъ законъ. Считаютъ ихъ пустяками, и предоставляютъ всю сумму ихъ госпожѣ дома (однако жь, на самомъ-то дѣлѣ они не пустяки, по тому что стоятъ времени и трудовъ и подаютъ случай къ новымъ мошенничествамъ и обидамъ): это ея департаментъ, въ которомъ она играетъ роль власти и дѣлаетъ жестокости. На это, впрочемъ, у ней и безъ того есть случаи. Она также сгоняетъ къ себѣ такъ часто и столько дѣвушекъ, сколько ей угодно, для сажанья капусты, картофеля, для стирки, обработки льна, пеньки, шерсти. Кромѣ того,

---

[7] Одинъ Дворянинъ разсказывалъ мнѣ однажды, въ похвалу своей экономической прозорливости, что ввелъ у себя такое распоряженіе. Съ неудовольствіемъ я въ тотъ же день передалъ эту новость Пастору и ждалъ, что увижу его такъ же разсерженнымъ на это притѣсненіе, какъ и самъ я былъ. «Женушка, вскричалъ онъ, послушай-ка, какое добродушіе напало на Господина! Да сколько сѣна можно сберечь такимъ образомъ! Думаю, что и мы поступаемъ точно такъ же.» «Да», вскричала съ радостью Пасторша. Призывается смотритель, распоряженіе обдумывается и тотчасъ же вводится. Такъ думаютъ и чувствуютъ въ Ливоніи.

всякая семья должна напрясть на дому отъ 3 до 6 фунтовъ льна для господскаго двора. Если пряжа выйдетъ не довольно тонка, за ленъ надо заплатить и напрясть другую, а награжденіе розгами тоже не забывается. За то милостивой госпожѣ достанется удовольствіе похвастать тонкостью своихъ полотенъ и набить ими сундукъ съ приданымъ своихъ дочерей, на которомъ, къ счастію, слезы высѣченныхъ не оставляютъ ни какого пятна.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ можно сплавлять лѣсъ зимою, кромѣ всякихъ другихъ повинностей, крестьяне должны еще нарубить многія сотни бревенъ и столько саженъ дровъ, и сплавить ихъ на свой счетъ въ городъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ все топливо уже сожжено, крестьяне должны ставить людей для разработки торфа. Короче сказать, всякой родъ прибыли, придуманный помѣщикомъ, всякая новая потребность, которую онъ почувствуетъ— новая тягость для несчастнаго Латыша.

Я могъ бы представить длинную вереницу грустныхъ примѣровъ, но въ этомъ мѣстѣ для меня довольно будетъ разсказать только видѣнные мною на три, или четыре, мили пространства.

Осенью 1795 года помѣщикъ А...., пробудившись ночью' увидалъ, или, по крайней мѣрѣ, утверждалъ такъ, что два вора готовились выломать у него окошко. Онъ позвалъ слугъ и, по своей отважности, какъ онъ говорилъ самъ, выпрыгнулъ въ окно. Воры исчезли, оставивъ, однако жь, очень ощутительное отягощеніе для крестьянъ. Дворянинъ нашелъ, что ему необходимы ночные сторожа, и нанялъ ихъ, конечно? Ну, не совсѣмъ такъ. Это стоило бы расходовъ; кромѣ того, не будетъ ли справедливѣе, если подвластные ему станутъ охранять драгоцѣнную жизнь и богатство своего господина, со вредомъ для собственнаго здоровья и имущества. На другой день вышелъ приказъ, чтобы каждую ночь являлись по двое домовладѣльцевъ или, по тогдашнему названію, хозяевъ, для хожденія съ трещотками кругомъ господскаго двора. А что милостивый господинъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать того; что этѣ бѣдняки подвергаются часто страшной непогодѣ, послѣ изнурительной дневной работы (ихъ наказываютъ,

если они куда спрячутся); что, разумѣется, на другой день они не смогутъ работать, какъ слѣдуетъ, и, такимъ образомъ, безъ всякаго вознагражденія, много теряютъ, все это не стоитъ ни какого вниманія, по тому что у нихъ вовсе нѣтъ правъ. Они должны ходить съ трещотками, car telle est la volonté Monseigneur.

Тому же самому помѣщику, который, впрочемъ, при случаѣ такъ и разливается о человѣколюбіи и великодушіи, пришло желаніе выстроить каменный домъ. Уже много лѣтъ гордость борется въ немъ со скупостью, которая до сей поры мѣшала ему привести этотъ планъ въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, онъ счелъ полезнымъ запасти для того матеріялы, такъ какъ это можно было сдѣлать безъ расходовъ. Еще только въ прошломъ году велѣлъ онъ повѣстить своихъ крестьянъ, чтобы каждый изъ нихъ привезъ по сажени камня, т. е., громаду въ одну квадратную сажень ширины и въ полсажени вышины. Количество собралось очень значительное. Въ этомъ же году велѣлъ онъ привезти по двѣ сажени. Межъ тѣмъ, какъ я это пишу, всѣ мужики волости изо всѣхъ крестьянскихъ семей разгуливаютъ въ осеннюю снѣговую вьюгу съ ломами по полю. Это будетъ стоить имъ 3 недѣль, и они не получаютъ ни какого «спасибо». Въ будущемъ году они, можетъ быть, должны будутъ притащить 4 сажени. Да и по чему жь не такъ? Хотя многіе изъ нихъ и въ 10 разъ имѣютъ больше внутренней цѣнности, чѣмъ высокоблагородный злодѣй, но все же они его безусловная собственность. Его безусловная собственность? Человѣческое чувство съ трепетомъ отшатнется отъ этой мысли.

Его сосѣдъ, котораго помѣстье въ 9 миляхъ отъ Риги, проживаетъ обыкновенно въ этомъ городѣ по вексельнымъ дѣламъ. Нанимать жило дорого, и онъ рѣшился выстроить собственный домъ, а его крестьяне должны были натаскать строительныхъ матеріяловъ, слѣдовательно, многіе годы дѣлать частыя поѣздки по 18 миль безо всякой платы. Наконецъ все привезено; только выискался кто-то, желавшій тоже выстроить домъ и предложившій за матеріялы сходную цѣну. Угодливый другъ че-

ловѣчества тотчасъ же уступаетъ ихъ ему, и опять гоняетъ по странѣ своихъ крестьянъ. [8]

Другой Дворянинъ, въ той же сторонѣ, нашелъ, что обыкновенная приходская почта ходитъ для него слишкомъ медленно, по тому что онъ получалъ по ней Вѣдомости днемъ позже, чего не могло бы быть при другомъ распоряженіи. Онъ собралъ на сходку своихъ домохозяевъ-крестьянъ и далъ приказъ, чтобы впередъ въ каждый почтовый день, слѣдовательно, два раза въ недѣлю, кто ни будь изъ нихъ отправлялся за 5 миль въ ближній Уѣздный городъ за Вѣдомостями: такъ этому и слѣдовало быть, безъ противорѣчій. Такимъ образомъ, для удовлетворенія его любопытства, ранѣе 24 часами, вся его волость должна была каждый годъ безъ вознагражденія справлять барщины болѣе 1040 миль, а всякій домохозяинъ около 35 Нѣмецкихъ миль!

Довольно! Въ слѣдующемъ Отдѣленіи я еще долженъ буду предложить читателямъ такое множество ужасовъ Дворянскаго произвола, что сдѣсь надобно пощадить ихъ терпѣніе и чувство. Впрочемъ, приведенные примѣры едва ли ужь почтутся несправедливыми въ Ливоніи. Тамъ, можетъ быть, нѣтъ и трехъ помѣстьевъ, въ которыхъ не дѣлалось бы то же самое.

Другой родъ барщины—перевозка господскихъ прибытковъ. Они состоятъ изо льна, пшеницы, водки, сѣна, птицы, откормленнаго скота, масла и тому подобнаго. Во многихъ мѣстахъ крестьяне должны тащиться съ ними въ городъ отъ 30 до 40 Нѣмецкихъ миль, а часто, съ такимъ же тяжелымъ грузомъ, и назадъ оттуда. Правда, что ни какой другой сбытъ произведеній не возможенъ въ такой не богатой городами странѣ (Ливонскіе города въ Германіи по большой части стали бы очень незначительными торговыми мѣстечками). Но за чѣмъ же не постановятъ строго, какъ велика должна быть возка на барина для каждаго крестьянина, да и чтобы это бывало только въ хорошую погоду.

---

[8] Теперь такъ и стоитъ этотъ домъ, и всѣ говорятъ, будто владѣлецъ готовъ продать его. Стало быть, въ третій разъ придется крестьянамъ сломать дальнюю дорогу.

Говорю строго, чтобы за этѣмъ наблюдали Судебныя Мѣста, и подвергали суду самыхъ безчеловѣчныхъ и корыстолюбивыхъ Дворянъ, а то постановленій, остающихся безъ всякаго уваженія, въ Ливоніи не занимать стать.[9] Разсудительные помѣщики стараются изъ собственной пользы облегчить для крестьянъ возовую повинность. А у падкихъ на прибыль Дворянъ самый обыкновенный оборотъ заставлять крестьянъ ѣздить какъ можно чаще, даже и въ бездорожицу, во время жнитва, или посѣва, по тому что въ эту пору привоза меньше, а цѣны выше. Сверхъ того одинъ Дворянинъ накупитъ въ большомъ количествѣ пшеницы, а крестьяне безплатно должны доставлять ее и опять отвозить на продажу, хоть этотъ хлѣбъ навѣрное ужь не принадлежитъ къ числу господскихъ деревенскихъ доходовъ. Впрочемъ, хочу быть справедливымъ: есть и такіе помѣщики, которые слишкомъ человѣчны, чтобы требовать чего ни будь за даромъ и, по собственному ихъ отзыву, дѣлаютъ свои петребности только источникомъ прибыли для своихъ подвластныхъ. Помѣщикъ..., человѣкъ, у котораго только и разговора, что чувствительныя правила, скупилъ, на примѣръ, зимой 1796 года многія тысячи черепицъ въ другомъ помѣстьи, въ 11 Нѣмецкихъ миляхъ отъ него, и каждый изъ крестьянъ-домохозяевъ долженъ былъ привозить ее на двоихъ саняхъ. Хоть онъ и не удостоилъ рабовъ сказать имъ, что они коечто получатъ за эту вольную барскую работу, по скверпѣйшей дорогѣ, однако жь каждому изъ нихъ, credite posteri! рѣшился выдать за 44 мили по одной мѣрѣ овса, который лошади дѣйствительно и вкушали, только на половинѣ дороги.

Обыкновенное слѣдствіе чрезмѣрной возки то, что всякую теплую зиму много лошадей падаетъ, а крестьянинъ, бывающій

---

[9] Императорскій Указъ, отъ 12-го Апрѣля, 1765 года, повторенный въ 1784 году, говоритъ въ точныхъ выраженіяхъ: «кромѣ возки барскихъ прибытковъ крестьянина не принуждать къ другому извозу, развѣ только за увольненіе отъ работы, или по добровольному его согласію.» Однако жь ни кто не заботится о подобныхъ Указахъ, по тому что ни одинъ чиновникъ не смотритъ за ихъ соблюденіемъ, а крестьянинъ, хоть и имѣлъ бы право, но не можетъ жаловаться. Только бы понадобилось что ни будь господскому двору въ какомъ либо дальнемъ мѣстѣ, онъ посылаетъ къ крестьянамъ съ приказомъ собираться въ дорогу.

едва въ полсыта съ мякиннаго хлѣба, долженъ входить въ долги для покупки другой лошади. Деньги на это обыкновенно даютъ ему господа безъ процентовъ — что за великодушіе! да иначе онъ и не могъ бы обработывать ихъ поля. Но только что кончится жнитво, какъ назначается срокъ уплаты, который крестьянинъ долженъ упомнить, подъ страхомъ розогъ. Для этой цѣли онъ часто находитъ себя вынужденнымъ продавать самые необходимые пожитки, да еще въ такую пору года, когда они стоятъ дешево.

Положенные оброки крестьянъ на господскій дворъ состоятъ въ деньгахъ, ржи, ячменѣ, овсѣ, льнѣ, маслѣ, овцахъ, сѣнѣ, курицахъ и проч., и для четвернаго гака доходятъ отъ 9 до 10 червонцевъ на деньги—количество огромное для людей, которые несутъ такую неслыханную барщину и такъ мало могутъ промыслить на себя!

Немногіе поступаютъ произвольно относительно этихъ оброковъ, такъ какъ уклоненіе отъ обыкновеннаго образа дѣйствій было бы настоящимъ, чистымъ грабежомъ и могло бы слишкомъ озлобить крестьянъ. Но коли захотятъ увеличить оброки, выдумаютъ какое ни будь благодѣяніе, и дѣло съ концомъ! Единственный примѣръ, въ подлинности котораго могу сослаться на сочинителя «Исторіи невольничества въ Ливоніи,» достаточно покажетъ, на что поднимаются помѣщики, чтобы увеличить оброки вдвое.

Крестьяне неотдаленнѣе отъ города не держатъ ни какой птицы, кромѣ курицъ, и поступаютъ очень благоразумно. Хотя бы для нихъ и была какая ни будь возможность сбывать ее, но, по недостатку въ хлѣбѣ, цѣна птицы не вознаграждала бы и половины издержекъ на ея выкормку; при томъ же нѣтъ у нихъ и людей для ухода за ней. Сами они на перинахъ не спятъ, да не даютъ забрести къ себѣ въ голову и мысли о платѣ за такое дорогое и лакомое кушанье. Нѣкоторые помѣщики рѣшились имъ доставить его. Они навязали всякому домохозяину по парѣ гусей, и ни чего себѣ не выговорили за то, кромѣ другой такой же пары ежегодно.

Очевидно, что крестьянскія повинности—позорище самаго необузданнаго себялюбиваго произвола; но всего прискорбнѣе для Латышей, что это подрываетъ въ нихъ всякую дѣятельность: и бѣдствіе-то ихъ не вѣрно имъ! Только то и есть у нихъ, чего, по добротѣ, не захочетъ отнять помѣщикъ: точно также и сами они не болѣе того, что ему угодно. Только бы онъ захотѣлъ, а то можетъ сдѣлать больше любаго Государя въ Европѣ: онъ обращаетъ домохозяина въ раба своего собственнаго дома, а раба въ домохозяина. Пожелай онъ,—и цѣлыя семейства покинутъ свой отеческій очагъ, уступятъ построенный ими домъ другимъ, увидятъ, что воздѣланныя ими поля увеличили господскія пашни, и дадутъ поселить себя въ какой ни будь дикой пустынѣ, или совсѣмъ разогнать. Пожелай онъ,—и молодой крестьянинъ промѣняетъ свой зипунъ на мундиръ, навѣчно распростится съ своими сѣдыми родителями, да и пойдетъ на войну, потому что милостивый господинъ получилъ уже цѣну за кровь его. [10]

Въ проѣздъ чрезъ Ливонію Императрицы Екатерины, въ 1763 году, чрезвычайныя злоупотребленія помѣщичьей власти бросились въ глаза этой великой Монархинѣ, которая уже болѣе трети нынѣшняго столѣтія такъ дѣятельно печется о благѣ Россіи. По Ея особенному повелѣнію, прежній Генералъ Губернаторъ, Графъ Броунъ, долженъ былъ потребовать у Собранія Дворянства, чтобы оно прекратило безпорядки и дало вѣрное устройство Латышскому народу. Дворяне объявили клеветами приводимыя обвиненія, свалили всю вину на невписанныхъ въ Дворянскую книгу помѣщиковъ (какъ будто бы Дворянская книга придавала человѣколюбія!) и просили не стѣснять ихъ преимуществъ. Но какъ требованія Правительства были рѣшительны, да и другія обстоятельства [11] усиливали опасность тогдашняго времени, то рѣшились, по крайней мѣрѣ, сдѣлать хоть что ни будь. Между дру-

---

[10] Въ Голландіи люди, продающіе своихъ согражданъ вербовщикамъ, называются Zielverkoopers, а въ Англіи Kidnoppers (похитители). Они ведутъ свое ремесло тайкомъ, и награда ихъ—позорный столбъ.

[11] Этѣ подробности и часть увѣщанія сообщены будутъ въ слѣдующихъ Отдѣленіяхъ.

гими распоряженіями сдѣлано было и такое, чтобы каждый помѣщикъ показалъ на бумагѣ, чего онъ требуетъ отъ своихъ людей. Написали, что имъ было угодно, и многіе Дворяне съ жадностію ухватились за выпавшій случай усилить барщину, точно какъ бы на законномъ основаніи. Всѣ эти показанія представлены въ Дворянскій Судъ и должны были служить навсегда образцовыми. Но какъ крестьянъ при этомъ случаѣ не спрашивали, да никогда и не производилось повсемѣстнаго слѣдствія, соблюдаются ли они на самомъ дѣлѣ, то вся эта мѣра не принесла почти ни какой помощи. Такой ходъ имѣютъ всѣ постановленія, издаваемыя Правительствомъ для крестьянскаго блага. Ихъ намѣреніе и духъ, въ какомъ они написаны, превосходны. Но исполненіе поручается людямъ, которые—сами помѣщики: это, впрочемъ, не причина; но для чего же ихъ обнародуютъ?

Одно новѣйшее событіе подало Дворянству случай совсѣмъ сложить съ себя легкое стѣсненіе, наложенное на него тѣми условіями, и вполнѣ возстановить прежнее неограниченное самовластіе.

Въ 1783 году Правительство, вмѣсто старинной подати естественными произведеніями, обложило крестьянъ подушною податью, которая, по случаю пониженія курса мѣдныхъ денегъ, въ 1794 году возвысилась до ста копѣекъ съ каждой мужской души. Во многихъ мѣстахъ Латыши ни какъ не были въ состояніи заплатить этѣ деньги. Въ другихъ умѣли ихъ уговорить, чтобы они добровольно бросились въ руки Дворянства, или лучше къ ногамъ его. Оно уплатитъ этѣ подушныя, но за то станетъ собирать старинныя коронныя подати и наложитъ на крестьянъ новыя повинности, какія ему будетъ угодно. Въ Г., на примѣръ, гдѣ осмерной гакнеръ прежде три дня въ недѣлю ставилъ одного работника, теперь работаетъ онъ на барщинѣ съ Апрѣля до Сентября, 4-ре дня въ Недѣлю, по словамъ самого помѣщика. Сосчитавъ количество старыхъ податей и поденную плату за новую работу на барщинѣ, можно объяснить себѣ предупредительную благотворительность помѣщиковъ, которой видно справедливо побаиваются Латыши.

Помѣщики, однако жь, все еще не стараются снять съ себя окружающее ихъ сіяніе: для нихъ довольно только просто, безъ

затѣй, приводить въ исполненіе свои причуды. Я приводилъ уже много подобныхъ примѣровъ; вотъ и еще два:

Одинъ Дворянинъ купилъ очень дешево значительное помѣстье, въ которомъ благоденствіе крестьянъ вошло въ пословицу; чтобы не впасть въ пороки прежняго владѣльца, нехозяйственность и нерадивость, онъ обходился съ своими крестьянами такъ жестоко и до того загонялъ ихъ, что въ нѣсколько лѣтъ 150 человѣкъ бѣжало въ Литву. Однако жь это не спутало его разсчетовъ: онъ заставляетъ оставшихся крестьянъ не только обрабатывать прежнія его пашни, но они должны еще свозить сѣно съ луговъ убѣжавшихъ, за 10 миль оттуда, въ Ригу. Нѣтъ надобности говорить, что теперь его крѣпостные рыбы сплошь нищіе.

Другой помѣщикъ придумалъ, что для него выгоднѣе заставлять всѣ поля своей деревеньки вспахивать въ свою пользу, а крестьянамъ давать хлѣбъ отъ себя. Тотчасъ же старики домохозяева принуждены покинуть свои очаги, ити во дворъ и сдѣлаться лакеями. Только ожиданной выгоды отъ того не послѣдовало. Вѣрный разсчетъ, разумѣется, былъ тотъ, что маленькая роскошь крестьянъ, состоящая обыкновенно въ табакѣ, водкѣ и праздничныхъ платьяхъ, должна прекратиться, но прибыль все же не попала въ его карманъ. [127] Р...скіе крестьяне въ самомъ дѣлѣ должны были лишиться всякихъ пріятныхъ удовольствій и чувствовали себя въ неописанномъ бѣдствіи, но тиранъ ихъ сталъ нищимъ. Ему нечѣмъ было даже покрыть издержки обзаведенія, когда, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ захотѣлъ возстановить старый порядокъ. Онъ потерпѣлъ заслуженное наказаніе за свое глупое корыстолюбіе. Но за чѣмъ же ему дано было втянуть съ собою въ бѣду такое множество народа?

Если у крестьянина много сыновей, Фридрихъ единственный бралъ одного изъ нихъ, а его вербовщики насильно уводили въ солдаты даже учениковъ какого ни будь ремесла. Какъ ни безспорно Государственная нужда требуетъ этѣхъ мѣръ, и даже пред-

---

[127] По причинамъ, которыя легко отыскать въ предыдущемъ.

писываетъ это, все же трудно бываетъ чувству склоняться подъ иго необходимости, а родителямъ смотрѣть, какъ дѣти ихъ, да и вообще люди, похищаются у назначенія, которое они сами себѣ выбрали для того, чтобы быть употребленными ко благу Государства. Только это благо можетъ оправдывать такія мѣры самыхъ неограниченныхъ Государей. Въ Ливоніи незначительный Дворянинъ, человѣкъ, бывшій въ презрѣніи даже у своей собратіи за разные неприличные поступки, разрушилъ домашнее счастіе и хозяйство множества своихъ согражданъ, лишилъ отцовъ семейства ихъ нажитаго съ трудомъ довольства, разжаловалъ ихъ на старости лѣтъ въ поденщики, ввергнулъ сотни народа въ самое крайнее бѣдствіе: и никому не пришло въ голову вспомнить, что Правительство въ правѣ остановить его глупыя затѣи. Только тѣмъ и удовольствовались, что смотрѣли на него, чтобы подражать ему, если онъ получитъ барышъ, или чтобы посмѣяться, если онъ ошибется въ разсчетѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ПОПЫТКИ КЪ УЛУЧШЕНІЮ СОСТОЯНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЛИВОНІИ.

Древнѣйшая исторія Ливоніи представляетъ намъ свободнаго Латыша, точно втораго Лаокоона въ борьбѣ съ гидрами, еще ужаснѣе тѣхъ, которыя созданы древнимъ миѳомъ—броненоснымъ поповствомъ и законно хищническимъ духомъ рыцарства. Онъ борется, борется, все больше захватываетъ у него дыханіе, все судорожнѣе его движенія, все больше гаснетъ его взглядъ, все отчаяннѣе усилія. Напрасно! Чудовища сдавливаютъ ему грудь; онъ падаетъ, и въ немъ, этомъ страшилищѣ, истерзанномъ ихъ ядовитыми угрызеніями, едва можно узнать благороднѣйшій отпечатокъ природы, выраженіе неустрашимаго духа независимости и простодушной честности.

Такъ это и было: Латышскій народъ сталъ тѣмъ, до чего унизили его палачи его безжизненнымъ орудіемъ ихъ корыстолюбія. У него отняли свободу, землю, прирожденныя права, самая жизнь каждаго Латыша, въ отдѣльности, не имѣла другого достоинства, кромѣ того, которое давала ему покупная цѣна. Въ убійствѣ такого презрѣннаго существа, какъ Латышъ, и совѣсть, по видимому, ужь не упрекала разбойника рыцаря. [1] Но вотъ поповско-

---

[1] Іоаннъ Икскюль Фонъ Ризенбергъ, котораго, въ 1-й половинѣ XVI вѣка, городской Ревельскій Магистратъ велѣлъ казнить за умышленное убійство крестьянина, заявилъ своей дерзостью, съ какою вошелъ въ этотъ городъ, не смотря на сдѣланныя ему предостереженія, что ему нечего бояться ни какого наказанія, даже полагалъ, что совсѣмъ ни чего и не сдѣлалъ незаконнаго.

рыцарское Государство стѣсняется со всѣхъ сторонъ. Ливонскій Аннибалъ, Шенкенбергъ, въ самомъ бѣдственномъ положеніи Латышей нашелъ средство увлечь ихъ къ воинскимъ подвигамъ. Шведы, Русскіе, Датчане свирѣпствовали противъ ихъ страны, желая покорить ее, и Гермейстеръ Готтардъ Кетлеръ уступилъ свой правительственный жезлъ Польскому Государю. Едва только все пришло въ порядокъ, какъ Монархическая власть стала тѣснить аристократію.

Замѣчательно, что всякой великой человѣкъ, повелѣвавшій Ливоніею, пытался возстановить Латышей. Геройскій и мудрый Стефанъ Баторій наложилъ первый руку на важное и до половины не оконченное дѣло. Его уполномоченный, Пекославскій, въ 1586 году, сказалъ такую любезность Собранію Дворянства, что «оно дѣлаетъ притѣсненія своимъ крестьянамъ, какихъ никогда не слыхано было даже между язычниками и варварами».[2] Вышло Королевское повелѣніе, чтобы Латышей наказывать впередъ не тѣлесно, а денежной пеней. Да только судопроизводство было въ рукахъ помѣщика, который до сей поры могъ приглашать къ себѣ духъ сосѣдей, чтобы держать судъ о жизни и смерти и казнить своихъ крѣпостныхъ рабовъ. Можно было предвидѣть, что онъ по малѣйшему поводу станетъ наказывать, такъ какъ этѣ наказанія ужь не по прежнему удовлетворяли одному мщенію, но и жадности, а крестьяне были бѣдны, очень бѣдны. Съ осторожностью и послѣдовательностью, изумительными у совершенно заброшеннаго народа, Латыши отказались отъ Королевской милости. Стефанъ Баторій намѣревался ограничить Дворянство и, для вѣрнѣйшаго успѣха, привязать къ себѣ низшія сословія. Исходъ его первой милости долженъ былъ огорчить его. Онъ разразился словами: «Phryges non nisi plagis emendantur!» Впрочемъ, онъ не бросилъ своего намѣренія, но, въ ложномъ предположеніи, что отказъ Латышей происходитъ отъ одного невѣжества, велѣлъ

[2] Это собственныя слова «Увѣщанія». Такъ говорилъ уполномоченный Государства, въ которомъ, однако жь, тоже есть рабство. Въ XVIII столѣтіи почти такъ же долженъ былъ выразиться уполномоченный Государыни, которой въ прочихъ ея Государствахъ нечего смягчать рабство. Правду сказать, духъ Ливонскаго Дворянства единственный въ своемъ родѣ.

завести для нихъ училища. Его похитила смерть, уничтожившая такое безчисленное множество благородныхъ предначертаній, исполненіемъ которыхъ замедлили; онъ унесъ съ собой и всѣ отрадныя надежды Латышей. Пока Ливонія находилась еще подъ Польскимъ скипетромъ, все оставалось, какъ и было, кромѣ того только, что, въ 1598 году, не знаю, по чьему побужденію, Дворяне позволили крестьянамъ лишнее количество у нихъ хлѣба и прочаго возить въ города, и тамъ покупать себѣ нужное: замѣчательное позволеніе, бросающее ужасный свѣтъ на тогдашнее состояніе поселянъ. Позволеніемъ ни разу не пользовались, какъ видно изъ позднѣйшихъ Шведскихъ постановленій.

Наконецъ явился Густавъ Адольфъ. Тотъ, кто ходилъ на смертный бой за свободу Германіи, въ комъ почти уже два столѣтія чтутъ самаго мудраго, справедливаго и человѣчнаго завоевателя, сильно напалъ и на жестокости Дворянъ въ Ливоніи. Чтобы Дворяне и крестьяне привыкали еще съ малолѣтства смотрѣть другъ на друга, какъ на согражданъ въ Государствѣ, онъ велѣлъ крестьянскихъ дѣтей наровнѣ съ Дворянскими принимать въ Рижскую Гимназію.

Онъ утвердилъ за Латышами не только свободу продавать свои избытки, но и установилъ торговые дни, когда крестьянинъ съ позволенія и даже противъ воли помѣщика, или арендатора, долженъ возить въ города свои товары. Наконецъ, друзья человѣчества, не откажите великому въ священномъ чувствѣ признательности! Онъ освободилъ крестьянъ изъ подъ судебной власти ихъ злыхъ и невѣжественныхъ помѣщиковъ. Онъ приказалъ, чтобы Латыши только отъ общины и Земскаго Суда присуждались къ площадной казни, даже далъ имъ право приносить жалобы въ этѣ Суды на всякое притѣсненіе. Домашнее исправительное наказаніе онъ оставилъ еще Дворянству, вѣроятно, на первыхъ порахъ только, и если заключать по тому злу, которое еще нынѣ причиняетъ это домашнее исправленіе, то слѣдствія прежней обширной карательной власти помѣщиковъ были настоящіе ужасы, какіе только можно вообразить.

Кто не узнаетъ въ этѣхъ коренныхъ мѣрахъ того пылкаго героизма, для котораго не довольно было двигать тяжелыя на

подъемъ орудія политики въ пользу своихъ единовѣрцевъ въ Германіи, но который съ своими боевыми войсками перелетѣлъ Балтійское море и двадцать непріятельскихъ земель до береговъ Изера и Дуная, до самыхъ корней Католической Лиги! Въ цѣлесообразности его мѣръ кто не увидитъ той же мудрости, которая руководила Короля въ его образѣ дѣйствій и его походахъ въ Германіи, и внутри Баваріи сохранила для него свободное сообщеніе съ его Государствомъ? На поляхъ Люценской битвы не только Швеція и Протестантская Германія, но и Ливонія потеряли своего благодѣтеля, своего ангела-хранителя. Союзникамъ оставилъ онъ побѣду надъ полководцами, которыхъ ни кто еще не побѣждалъ, Шведамъ блестящую славу, какой только могло добиться ихъ Государство, а Латышамъ права, на которыхъ основывается все ихъ ничтожное благосостояніе. Послѣднее и самое важное изъ этѣхъ постановленій вышло въ годъ смерти Короля, 1632 года.

По смерти Густава Адольфа начинается 50-ти лѣтній печальный періодъ для Латышей. Зданіе, начатое великимъ Королемъ, не продолжалось, а также подъ вліяніемъ непогодъ распалось и выведенное его основаніе. Изданныя постановленія оставались еще въ силѣ: только Дворянство съумѣло сохранить себя отъ убытка, благодаря своему утонченному гнету. Крестьяне могли продавать свои излишніе запасы, но повинности были такъ распредѣлены, что всего едва хватало и для себя-то крестьянамъ. Помѣщики не смѣли уже больше казнить ихъ; за то, такъ называемое, домашнее исправленіе сдѣлалось еще свирѣпѣе. Земскій Судъ могъ разбирать ихъ жалобы, но, подлежа домашнимъ мѣрамъ исправленія, они не отваживались подавать ни какихъ жалобъ.

Въ 1681 году Карлъ XI сдѣлалъ наконецъ прямое требованіе Дворянству, чтобы оно возвратило свободу крестьянамъ. Сильный приговоръ рѣшилъ бы дѣло разомъ, но Карлъ не былъ человѣколюбивый герой, подобно Густаву Адольфу: онъ былъ только мнительный Государственный человѣкъ. Ему хотѣлось сначала приготовить великое дѣло и вести его постепенно: такъ онъ и умеръ до исполненія своего предначертанія. Дворянство онъ раздражилъ и далъ ему время вооружиться для сопротивленія, ко-

тораго послѣдствія послужили, по крайней мѣрѣ, поводомъ къ тому, чтобы лишить его наслѣдника лучшей половины владѣній. Если бы онъ отважился даровать крестьянамъ отечество посредствомъ ихъ освобожденія, тогда бы покореніе этѣхъ новыхъ горячихъ поклонниковъ свободы, вѣроятно, стало бы невозможнымъ и для исполинскаго генія Петра Великаго, повелителя тоже несвободныхъ народовъ.

Для ослабленія Дворянства Карлъ назначилъ редукцію. * Для посрамленія его, онъ далъ постоянное устройство Государственнымъ крестьянамъ въ Ливоніи, которое поставило ихъ ближе къ свободѣ и продолжаетъ еще существовать тамъ, гдѣ они не стали еще рабами частныхъ лицъ по дарственнымъ грамотамъ.

Петръ Великій утвердилъ за Ливонскимъ Дворянствомъ его преимущества, не зная навѣрное, какъ оно пользуется ими въ отношеніи къ крестьянамъ. Только Нѣмцы казались для него Земскими сословіями, слѣдовательно, ихъ однихъ онъ имѣлъ и въ виду при этомъ. А послѣ того Петра и его преемниковъ слишкомъ занимала оборона той Державы, которой онъ былъ настоящимъ творцомъ; по тому у нихъ и не было времени обратить вниманіе на положеніе поселянъ въ покоренныхъ областяхъ. До 1765 года вышло только одно постановленіе для крестьянскаго блага. Оно 1756 года и запрещаетъ препятствовать крестьянамъ въ женитьбѣ. Екатеринѣ Великой предоставлено было продолженіе того плана, надъ зачиномъ котораго умерли Стефанъ Баторій и Густавъ Адольфъ, величайшіе Государи вѣка.

Въ прежнемъ Отдѣленіи читатели видѣли, что покойный Графъ Броунъ долженъ былъ подать въ Собраніе Дворянства увѣщаніе и предложеніе (которыя были не мягче представленныхъ 200 лѣтъ тому назадъ Пекославскимъ), и что Дворяне боролись противъ всякихъ улучшеній, точно pro aris et foris. Ихъ сопротивленіе произвело бы, можетъ быть, и болѣе впечатлѣнія, если бы самый знатный изъ среды ихъ человѣкъ, которымъ должна

* Отобраніе казенныхъ помѣстьевъ, присвоенныхъ Дворянами, опять въ казну. Прим. Перев.

гордиться Ливонія, не взялъ открыто сторону крестьянъ и былъ виною того, что стали составлять съ ними условія, которыя такъ же, какъ и права Латышей, я передамъ въ слѣдующемъ Отдѣленіи.

Этотъ человѣкъ былъ покойный Ландратъ Баронъ Карлъ Фридрихъ Шульце. Еще за долго до выговора Правительства, онъ видѣлъ, что крестьянамъ оказывается неправедливость, и что источникъ ихъ бѣдствія—неограниченный произволъ помѣщиковъ. Съ горячностью, свойственной только великимъ душамъ, онъ поставилъ себя выше личной выгоды, насмѣшекъ и предразсудковъ, и подалъ примѣръ, который только немногіе изъ его собратій по званію имѣли благородство одобрить, но ни кто подражать ему. Не будучи богачомъ,[3] онъ рѣшился лишить себя и своихъ наслѣдниковъ средствъ къ обогащенію, основанному на угнетеніи крестьянъ.

Онъ убѣжденъ былъ, что человѣкъ никогда не можетъ имѣть побужденія къ дѣятельности, и еще меньше чувства чести, и, слѣдовательно, не можетъ и возвыситься ни до благосостоянія, ни до добродѣтели, если онъ не увѣренъ въ пользованіи тѣмъ, что нажилъ, если не знаетъ, до какой степени простираются на него права другихъ людей, а особливо, если самъ онъ не имѣетъ ни какихъ правъ. Въ этой увѣренности, въ 1764 году, онъ велѣлъ напечатать для своихъ помѣстьевъ, Асгерадена и Риманстофа, Латышскій законникъ, который долженъ былъ служить постояннымъ руководствомъ ему и наслѣдникамъ. Въ немъ онъ постановилъ сначала, что крестьянинъ, какъ настоящею отчуждаемою собственностью, можетъ владѣть всякою дви-

[3] Онъ владѣлъ двумя, чистыми отъ всякихъ долговъ, вотчинами, когда Дворянство отправило его въ Петербургъ въ званіи депутата. Качество его посольства дѣлало необходимымъ большіе расходы, которые, разумѣется, должно бы было покрыть изъ Дворянскихъ суммъ, только онъ сдѣлалъ ихъ въ долгъ. Однако жь, по возвращеніи, услыхалъ, что многое въ его счетѣ найдено слишкомъ высоко показаннымъ. Свободный отъ какого бы то ни было своекорыстія, онъ хотѣлъ избѣгнуть и вида его, велѣлъ возвратить себѣ всѣ счеты, объявилъ ихъ уплаченными, изорвалъ ихъ и умеръ въ долгахъ.

жимостью, доставшеюся ему по наслѣдству, или нажитою его трудами. «Какъ!» спросятъ жители всякаго другого образованнаго Государства, «не ужели для этого нужно постановленіе?» Въ Ливоніи даже и очень. Онъ призналъ за крестьяниномъ даже наслѣдственное и вѣчное владѣніе его землею, только бы онъ справлялъ, какъ слѣдуетъ, всѣ повинности. А этѣ повинности назначены были такія умѣренныя, какъ только можно, да и при томъ навсегда, такъ что помѣщикъ не могъ ни увеличивать, ни измѣнять ихъ въ какой бы то ни было мелочи, безъ вознагражденія, или согласія, поселянъ. Онъ отказался отъ гнуснаго права отрывать отдѣльныя личности, или семейства, отъ ихъ отечества, дарить, или продавать, ихъ, развѣ только въ такихъ случаяхъ, когда они заявятъ свое добровольное согласіе на то въ Судѣ. Такимъ поступкомъ благородный человѣкъ хотѣлъ положить начало обращенію крестьянъ въ glebae adscriptos (приписанныхъ къ землѣ). Это чинъ, въ которомъ Дворянство имъ тщательно отказывало. Наконецъ далъ онъ своимъ людямъ право на принужденіе его и будущихъ помѣщиковъ къ соблюденію этѣхъ законовъ, въ случаѣ ихъ нарушенія.

Съ перваго взгляда этѣ постановленія, кажется, не заключаютъ въ себѣ ни чего чрезвычайнаго. Но если вспомнить положеніе Латышей, вспомнить, что Дворянинъ, при самомъ насильственномъ ихъ разореніи, не нарушалъ, такъ называемой, законности, при самомъ ужасномъ обхожденіи съ ними, пользовался только своимъ господскимъ правомъ на безусловную собственность, тогда почувствуешь искреннее уваженіе къ человѣку, который первый между Дворянами имѣлъ на столько прямоты чувства и ясности разсудка, чтобы замѣтить, что этѣ забитыя созданія такія же, какъ и онъ, существа, и что ограниченіе его власти надъ ними было долгомъ. Точно дерзкой и вредной выходкѣ, отъ которой пронимала дрожь, дивились его мнѣнію, что Латыши имѣютъ неотъемлемыя человѣческія права: доказательство, на сколько онъ былъ выше своего благороднаго вѣка. Не заботясь о пересудахъ, благородный человѣкъ шелъ той дорогой, которою вело его великодушіе, и безъ всякаго вызова, не смѣя даже разсчитывать на признательность, принесъ въ жертву человѣчеству

права, стоть лестныя сердцу обыкновенныхъ людей; ихъ ни кто не отваживался осуждать; собратія его по званію поставляли въ нихъ высшее преимущество Дворянства; ему самому ежедневно приводилось пользоваться этѣми правами, а это, можетъ быть, самое важное для знатока людей.

Въ 1765 году мастерскою рѣчью изобразилъ онъ въ собраніи Дворянства безчеловѣчные поступки найбольшей части помѣщиковъ; показалъ естественныя послѣдствія отъ того; доказалъ, что сами Дворяне выиграютъ въ такомъ случаѣ, когда Латышъ будетъ имѣть вѣрную собственность и вѣрныя права. Потомъ онъ предложилъ свои крестьянскіе законы, не въ видѣ образца, а какъ попытку безвреднаго предоставленія крестьянамъ имъ принадлежащаго. Онъ говорилъ съ самымъ чистымъ одушевленіемъ и самою благоразумною разсудительностью въ пользу справедливости и братской любви; но его противниками были гордость и корыстолюбіе: слѣдовательно, онъ долженъ быть побѣжденъ. Отозвались горячо противъ всѣхъ опасныхъ и вздорныхъ нововведеній. Смѣялись надъ патріотизмомъ превосходнаго человѣка, — послѣдняя оборона мелкихъ душъ, ихъ единственное средство, когда какой ни будь благородный примѣръ обнаружитъ ихъ низость и пробудитъ въ ихъ сердцѣ «пронзающее насквозь сознаніе ихъ ничтожности.» Предоставили ему быть великодушнымъ, сколько угодно, удержавъ за собою свободу не подражать ему. А чтобы сдѣлать какое ни будь употребленіе изъ экземпляровъ его крестьянскаго закона, собрали всѣ ихъ и положили въ Архивъ Рыцарства.

Баронъ старался, по крайней мѣрѣ, чтобы его кротость къ своимъ крестьянамъ утверждена была на законномъ основаніи; ему не удалось и это: «Подобныя измѣненія, было сказано, противны гражданскому устройству страны.» Самому за себя можно дѣлать, что угодно, но нельзя уступать права своихъ потомковъ. Что жъ это за гражданское устройство, которое запрещаетъ быть человѣчнымъ! И что это за странное потомство, для котораго сохраняютъ право губить подобныхъ ему людей! Барону, стѣсненному со всѣхъ сторонъ, оставалось только одно: строго соблюдая свои правила, быть благодѣтелемъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, при своей жизни. Онъ умеръ. Попытки Асгераденскихъ

поселянъ остаться при своихъ правахъ принесли имъ однѣ только розги. У нихъ даже отобрали розданные между ними оттиски законовъ, и для нихъ ни чего не осталось больше, кромѣ воспоминанія о своемъ благодѣтелѣ и о томъ, чѣмъ они были, благодаря ему.

Въ насъ остается очень грустное впечатлѣніе, когда видимъ, что благотворное предначертаніе уносилось въ могилу вмѣстѣ съ его виновникомъ, и когда лучшей прелести человѣческаго сердца должны бываемъ сказать въ послѣднее напутствіе: «Debemus morti nos nostraque» (мы и все наше должны умереть). Впрочемъ, такіе опыты не должны отнимать мужества у друга человѣчества. Его усилія хоть и не достигаютъ преднамѣреннаго блага, за то на вѣрное вызовутъ другое, о которомъ онъ, можетъ быть, и не думаетъ при своемъ благородномъ поступкѣ. Послѣдствія подтвердили эту истину и въ настоящемъ случаѣ. Права Асгераденскихъ крестьянъ уничтожены, но они подкрѣпили Правительство въ его требованіяхъ, и Дворянскій съѣздъ долженъ былъ дозволить ему, въ чемъ отказалъ человѣколюбію; однако жь и этѣ дозволенія мало по малу устарѣли по большей части и перестали имѣть силу. Но толчокъ, данный примѣромъ Правительства общественному мнѣнію, все еще продолжаетъ дѣйствовать, и вѣрно принесетъ прекраснѣйшія послѣдствія. Только съ 1764 года Ливонцы отважились писать о положеніи крестьянъ и открыто осуждать угнетеніе ихъ. Всѣ граждане согласны въ отвращеніи къ тому образу дѣйствій, къ которому прежде были совсѣмъ равнодушны. Каждый изъ нихъ, отправясь въ деревню, привозилъ съ собой самыя добродушныя предначертанія упрочить счастье своихъ крестьянъ, и въ самомъ дѣлѣ выполняетъ ихъ года два, пока не увлечется общимъ стремленіемъ. Между Дворянами вошло въ моду говорить въ тонѣ отцовъ отечества, и поступать благодѣтельно. Теперь не заводятъ ни какого учрежденія, котораго цѣлью не было бы крестьянское благо, и ни чего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ слышать жалобы Дворянъ, что грубость крестьянъ дѣлаетъ не возможнымъ возвращеніе имъ свободы, и на столько мягкое обхожденіе съ ними, на сколько требуетъ того Дворянское мягкосердечіе. Короче сказать, стыдятся показывать свое настоящее лицо, а это уже много.

Не надобно думать, однако жь, чтобы этѣ выставляемыя на показъ чувства имѣли хоть малѣйшее вліяніе на поступки. Нѣтъ, знать, что предписываютъ правила разсудка, человѣколюбія и справедливости, но не дѣлать того—это значитъ благоразумно ограничивать слишкомъ высокую свою идеальность житейскою мудростью: отсюда противоположности между словомъ и дѣломъ, которыя чрезвычайно смѣшны были бы, если бы не были такъ жалки. Одинъ Дворянинъ, на примѣръ, увѣрялъ меня, что когда ему надо наказать крестьянина, онъ чувствуетъ при этомъ гораздо больше наказаннаго. Если это правда, такъ онъ, должно быть, достойный сожалѣнія мученикъ, по тому что рѣдкая недѣля проходитъ безъ того, чтобы онъ не велѣлъ высѣчь до крови кого ни будь изъ крестьянъ. Другой называлъ крестьянъ «друзьями и братьями,» объявляя имъ новую барщинную повинность, и двоихъ изъ нихъ велѣлъ заковать въ кандалы за то, что они непочтительно обошлись съ его любовницей изъ Латышекъ. «Какъ грустно», говорилъ третій, «что теперешнее поколѣніе Латышей неспособно пользоваться свободою! Сказать правду, я завидую сладкому чувству нашихъ потомковъ, когда они въ состояніи будутъ уплатить священный долгъ, отказавшись отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ.» Одинъ изъ его служителей, вѣроятно, ужь не неспособный пользоваться благородной свободой, бѣжалъ, ни чего не укравъ, однако жь и не сдѣлавъ ни какого проступка. Другъ человѣчества поднимался на все, чтобъ отыскать его, потомъ вернуть назадъ и продать въ солдаты. Одинъ публичный актъ можетъ служить тому доказательствомъ.

Въ 1795 году въ 31 № Рижскаго «Intelligenz-Blattes» явилось слѣдующее объявленіе со стороны человѣка, который пользовался разнаго рода образованіемъ, учился, изъѣздилъ Европу, а по тому и считается самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ между дворянами:

«Изъ помѣстья Г. Камергера Фонъ *** [4] 16-го цыпѣшняго мѣсяца, бѣжалъ его главный поваръ, подготовлявшій свой побѣгъ

[4] Разумѣется, въ объявленіи находились такія имена, которыя я опускаю, въ видахъ пощады.

постепенно, такъ какъ сначала онъ спровадилъ всѣ свои пожитки. Его зовутъ Петромъ, и проч. и проч. Вѣроятно, при немъ много денегъ, нажитыхъ отъ выдѣлки вязанныхъ патронташей и мѣховыхъ шапокъ: онъ не замѣченъ ни въ какомъ порокѣ, кромѣ того, что напала на него дурь быть волнымъ. Доставившій его можетъ ожидать себѣ въ награду 300 рублей серебромъ (стало быть, для него очень важно владѣть этѣмъ бѣглецомъ? Нѣтъ; слушайте!), или на слѣдственное право на этого человѣка по дарственной записи, впрочемъ, на томъ единственномъ условіи, чтобы новый его господинъ, или тотъ, кому онъ потомъ будетъ проданъ, не давали ему свободы ни за деньги, ни даромъ; въ противномъ же случаѣ, онъ снова поступаетъ во владѣніе Г. Камергера, гдѣ бы ни находился.»

Что за неукротимая месть предлагать количество денегъ почти вдвое больше обыкновенной цѣны крѣпостнаго, тогда какъ предлагающее лицо не имѣетъ въ бѣглецѣ ни какой другой надобности, кромѣ той только, чтобы насытить на немъ свое бѣшенство? Что за страшная злость отказываться отъ владѣнія человѣкомъ, только бы не получилъ онъ того, въ чемъ поставляетъ лучшее счастіе своей жизни? И за что это такой звѣрскій гнѣвъ? За то, что у несчастнаго одинъ порокъ, который признается, впрочемъ, признакомъ благороднѣйшаго человѣка и считается добродѣтелью у всѣхъ остальныхъ людей, кромѣ одного развѣ торгаша невольниками; за то, что онъ чувствуетъ и сознаетъ себя человѣкомъ и стремится къ личной свободѣ. Мы должны отдать справедливость Г. Камергеру, полагая, что въ рабскомъ званіи онъ былъ бы свободенъ отъ порока, который преслѣдуетъ съ такимъ смѣлымъ неистовствомъ. Будучи очень далекъ отъ того, чтобы чувствовать потребность въ свободѣ, онъ сталъ бы благословлять Провидѣніе, что оно взнуздало его и подчинило просвѣщенному произволу высшаго существа и его плети. Самымъ смѣлымъ его желаніемъ, самой блестящей цѣлью его честолюбія, было бы сподобиться переносить всѣ милостивыя причуды его господъ и считаться подвласнымъ рабомъ до самой смерти. Жаль только, что судьба поставила его не на томъ мѣстѣ, какое ему слѣдовало. Ему бы быть Петромъ, а Петру Камергеромъ. Онъ былъ бы самымъ полнымъ образцомъ раба, а его слуга—Дворянина. По тому

что въ комъ даже и разсвирѣпѣлый господинъ его не находитъ ни какого другого порока, кромѣ потребности въ свободѣ, тотъ на вѣрное долженъ быть очень честный и благородный человѣкъ.

Гдѣ безъ боязни смѣютъ открыто заявлять себя такія слабыя стороны сердца, тамъ еще не много можно ожидать отъ общественной справедливости. Есть, однако жь, помѣщики, которые, не довольствуясь обожаніемъ правилъ покойнаго Барона Шульце, отчасти и слѣдуютъ имъ на самомъ дѣлѣ. Мнѣ надобно говорить еще много дурного объ этомъ сословіи, а по тому я очень радъ, если могу сказать наконецъ что ни будь хорошее о немъ, для сохраненія его чести. Немногіе Дворяне, о которыхъ я говорю, пусть сочтутъ это упоминаніе открытымъ заявленіемъ уваженія, какого заслуживаетъ ихъ великодушіе.

Г-жа Баронесса Бойе [5] въ Линденгофѣ соблюдаетъ старинныя повинности, какъ священный законъ, котораго не смѣетъ и нарушать; скорѣе она убавитъ, нежели умножитъ. Съ теплой привязанностью къ людямъ она принимается за всякія мѣры, какія только могутъ облегчить крестьянскую барщину, или помочь ихъ благосостоянію. Съ полною готовностью ссужаетъ она ихъ всякимъ необходимымъ запасомъ, не требуя ни какой приплаты, а въ дорогую пору продаетъ имъ пшеницу ниже рыночной цѣны; но только неурожай можетъ довести ея людей до необходимости покупать хлѣбъ. Она содержитъ бѣдныхъ въ ея округѣ, которые не въ силахъ работать, и не боится ни хлопотъ, ни расходовъ, только бы помочь имъ. Крестьяне любятъ ее, какъ мать. Никогда не говорилъ я ни съ однимъ изъ нихъ, который бы не вскричалъ съ самымъ теплымъ чувствомъ признательности: «Сохрани намъ, Боже, на вѣчно нашу милосердую матушку!» А между тѣмъ ея помѣстья были въ долгахъ, а крестьяне въ нищетѣ, когда вступила она во владѣніе.

---

[5] Я не имѣю чести быть лично знакомъ ни съ этою почтенной госпожей, ни съ другими господами, которыхъ буду называть потомъ. Стало быть, и не заслуживаю подозрѣнія въ лести.

Г. Капитанъ Экеспарре, во избѣжаніе всякихъ случаевъ къ притѣсненію, раздѣлилъ самъ свои господскія пашни между крестьянами, и, вмѣсто всякихъ повиностей, собираетъ съ нихъ очень умѣренную арендную плату. Такой образъ дѣйствій не можетъ не достичь своей цѣли. Вейссенштейнскіе крестьяне, по благоденствію и нравственному развитію, въ короткое время сдѣлаются честью своего народа; по тому что имѣй только Латышъ время и случай, чтобы нажить что ни будь, въ трудолюбіи у него не будетъ никогда недостатка, а довольство—мать всякаго благороднаго чувства.

Нѣкоторые другіе Дворяне сдѣлали частныя распоряженія ко благу Латышей. Благодарность человѣчества и благородное чувство самоуваженія будутъ имъ наградой за это. Но ни кто такъ вполнѣ не преданъ дѣлу распространенія довольства и образованности между крестьянами, какъ почтенный владѣлецъ Штокманнсгофа, Г. Камергеръ Бейеръ.

Уже много лѣтъ тому назадъ онъ освободилъ крестьянъ отъ всякихъ оброковъ и даже отъ извоза на барина, такъ какъ положеніе его помѣстья дозволяетъ продажу на мѣстѣ. Говорятъ, что законнаго утвержденія этому великодушію онъ не можетъ надѣяться, а по тому и рѣшился формально внести денежную сумму, на которую его наслѣдники никогда не должны дѣлать ни какихъ притязаній, чтобы процентами съ нея выплачивался причитающійся доходъ съ его льготныхъ крестьянъ. Для пробужденія чувства чести и самоуваженія, онъ отказался отъ своего права рѣшать споры и присуждать къ наказанію крестьянъ, права, такъ часто и такъ страшно употребляемаго во зло. Деревенскій судъ, котораго члены избираются крестьянами ежегодно изъ ихъ среды, заступаютъ мѣсто помѣщика; онъ только предоставилъ себѣ право смягченія положенныхъ этимъ судомъ приговоровъ. Весною 1795 г. Штокманнсгофскіе крестьяне изумили своего благодѣтеля просьбой, чтобы онъ взялъ на себя опять судейскую должность. Какъ ни было ему пріятно, что этѣ люди болѣе довѣряютъ его справедливости, нежели своей собратіи, однако жь они не могли убѣдить его уничтожить это полезное учрежденіе, какъ случилось во многихъ другихъ помѣстьяхъ, гдѣ оно было заведено, не по тому, чтобы тамошніе крестьяне просили о томъ, но новый помѣщикъ

нашелъ удобнѣе быть самодержцемъ и удовлетворять своимъ страстямъ безо всякой помѣхи. Г. Бейеръ не пренебрегаетъ и умственнымъ развитіемъ. Дѣятельнѣе всего онъ заботится о воспитаніи юношества, и часто раздаетъ ему безденежно книги. Будучи самъ знатокомъ и любителемъ прекрасныхъ искуствъ, онъ обратилъ свой домъ въ нѣкотораго рода Академію, гдѣ лучшіе умы между крестьянами приготовляются быть топографами, живописцами и музыкантами. Лучшимъ средствомъ къ дѣятельности и образованности онъ справедливо считаетъ разсудительную роскошь. Онъ поощряетъ ее, распространяя между парнями и дѣвушками новыя вещи посредствомъ безплатныхъ лотерей, или просто подарковъ. Если небо сохранитъ подолѣе жизнь благороднаго старика, или если священный духъ человѣколюбія будетъ почивать и на его наслѣдникахъ, то Штокманнсгофскіе крестьяне скоро не уступятъ никому на свѣтѣ въ довольствѣ и развитости. Они опровергнутъ всѣ клеветы, которыми осыпанъ ихъ Латышскій народъ, и будутъ бѣльмомъ на глазу у Дворянской черни.

Великодушіе не можетъ сдѣлаться закономъ страны. Нельзя полагать, чтобы такъ же поступали менѣе богатые, снисходительные и разсудительные помѣщики. Но не могли ли бы они, по крайней мѣрѣ, быть человѣчными и справедливыми въ своихъ требованіяхъ? Не могли ли бы они, по самой меньшей мѣрѣ, согласиться, чтобы всякое, введенное кѣмъ ни будь, благотворительное распоряженіе считалось учрежденіемъ для блага человѣчества и поступало подъ покровительство законовъ? А то эти заводимыя мѣры и учрежденія — мимолетные призраки, молнія въ темную ночь: она гаснетъ, и оставляетъ мракъ еще страшнѣе.

Съ 1765 года въ каждомъ приходѣ заведены училища, и Проповѣдники должны посылать ежегодно Вѣдомости объ успѣхахъ дѣтей къ главному Церковному Инспектору въ Округѣ. Пусть не удивляются, что я не упомянулъ о томъ прежде въ числѣ улучшеній: я не считаю это улучшеніемъ. По причинамъ, показаннымъ во 2-мъ Отдѣленіи, эти мѣры отчасти потерянный трудъ, отчасти онѣ могутъ быть дѣйствительно вредными. Передать свѣдѣнія рабу, не обезпечивъ для него свободы, или, по крайней мѣрѣ, человѣчнаго обхожденія, значитъ только открывать ему глаза на его бѣдствіе, и подстрекать его къ отчаянію.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ПРАВА ЛАТЫШСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ ЛИВОНІИ.

Dès qu'une seule Classe de Citoyens est condamnée à servir, sans espoir de commander, le gouvernement est aristocratique.—La plus vicieuse aristocratie est celle, où les Grands sont despotes et les peuples ésclaves. Si les Nobles sont des tyrans, le mal est sans remède: un Sénat ne meurt point.

Marmontel.

Мы видѣли, что Дворянство можетъ дѣлать все, что хочетъ, или что умѣетъ прикрыть сколько ни будь благовиднымъ предлогомъ.[1] Слѣдовательно, права поселянъ—небывальщина, да я и выше уже сказалъ, что разумѣю подъ этѣми правами. Я приведу здѣсь въ порядкѣ не тѣ льготы, которыми пользуются Латыши, а тѣ, которыми они должны пользоваться по волѣ Правительства. Не моя вина, если это Отдѣленіе покажется болѣе похожимъ на перечень грѣховъ, нежели на законникъ. Отъ чего же въ Ливоніи такъ легко для помѣщиковъ прикрывать правомъ всякія слабости сердца? Но къ дѣлу!

1. Крестьянинъ можетъ имѣть собственность. Это не значитъ, что пока онъ вѣрно исполняетъ свои обязанности, до тѣхъ поръ и можетъ владѣть безопасно полемъ, которое

---

[1] Кромѣ убійства, или явнаго грабежа, когда Суды найдутъ себя вынужденными сдѣлать Дворянину нѣкоторую непріятность.

пахалъ еще его прапрадѣдъ, или что онъ можетъ присвоить его покупкой, или по крайней мѣрѣ, что изъ хижины, построенной имъ самимъ, ни кто не можетъ выгнать его безъ вознагражденія. Нѣтъ, этѣмъ выражается только то, что пшеница, добытая имъ въ потѣ лица, выращенный имъ скотъ, купленное, или доставшееся по наслѣдству, платье не могутъ быть у него отняты безъ платы и безъ предлога.

Если бъ мои читатели не были подготовлены предыдущимъ моимъ разсказомъ, то многіе изъ нихъ, пожалуй, покусились бы спросить, не идетъ ли сдѣсь рѣчь о дикаряхъ, которые только что сбѣжались изъ лѣсовъ для составленія общества, или объ Африканскихъ деспотахъ, которымъ принадлежитъ все, что только имъ нравится. Со всѣмъ тѣмъ, это правило ни у одного народа на землѣ не имѣвшее надобности въ опредѣленіи, самое главное народное право Латышей, которое, 20 лѣтъ тому назадъ, послѣ жаркихъ споровъ, изъ милости дано имъ согражданами. [2] Прежде совсѣмъ не было не обыкновеннымъ, что помѣщикъ приказывалъ своимъ крестьянамъ приносить безъ всякой платы изъ ихъ домовъ все, что ему нравилось. Еще очень свѣжо помнятъ Барона Д...., который, точно богачъ Ветхаго Завѣта, когда у него бывали посѣтители, посылалъ по всей волости отыскивать жирнаго быка, или откормленнаго теленка, и угощалъ своихъ гостей безъ всякаго изъяна для себя. Это ни чѣмъ я не могу доказать лучше, какъ только собственнымъ словомъ покойнаго Генералъ-Губернатора Броуна. Въ 1765 году онъ говорилъ въ своихъ предложеніяхъ Дворянству:

Пунктъ 1-й. «Крестьянину не представлено вовсе ни какой собственности, даже въ тѣхъ вещахъ, которыя онъ нажилъ потомъ и кровью.»

---

[2] Разумѣется, что у Грековъ и Римлянъ господа во многихъ случаяхъ могли располагать собственностію своихъ рабовъ; но этѣ не были Государственнымъ сословіемъ, не составляли питающее сословіе Государства. Да и часто бывало, что они выкупались на волю, слѣдовательно, имѣли собственность, точно также, какъ Негритянскіе рабы въ Америкѣ. Этѣмъ послѣднимъ также принадлежитъ все, что ни пріобрѣтутъ они въ досужное время; они тоже могутъ выкупать свои

Ниже сказано такъ: «Справедливость этого обвинительнаго пункта очевидна: во владѣніи землею и построенною имъ хижиною, крестьянинъ такъ же не обезпеченъ, какъ птица на кровлѣ, но еще менѣе обезпеченъ въ отношеніи своего скуднаго движимаго имущества. Когда господинъ найдетъ у него что ни будь такое, что ему нравится, будетъ ли это лошадь, рогатый скотъ, зелень, или чтобы то ни было, онъ беретъ это себѣ, за какую ему угодно цѣну, или просто даромъ. Отъ господина не безопасны даже ежегодныя произведенія поля, которыя крестьянинъ съ такимъ трудомъ и безпокойствомъ добывалъ у земли, для скуднаго пропитанія себя и своей семьи. Возможно ли же, чтобы въ такомъ несчастномъ положеніи бѣдные люди старались нажить себѣ какую ни будь бездѣлицу, если они ни на часъ не обезпечены во всемъ томъ, что достаютъ для самихъ себя.»

Можно ли требовать доказательства положительнѣе? Это порицаніе вызвало слѣдующее постановленіе Сейма, обнародованное съ церковныхъ каѳедръ:

«Если крестьянинъ не долженъ господину ни работой, ни повинностью, ни по займу, то въ правѣ сохранить, какъ свою собственность, рогатый скотъ, лошадей, деньги, пшеницу, сѣно и все имъ нажитое, или полученное по наслѣдству послѣ родителей.»[3]

Слѣдовательно, времена поборовъ безъ всякаго предлога прошли: къ сожалѣнію, состояніе крестьянъ не стало отъ того лучше. Корысть—это пробившійся ручей: если запрудятъ ему обыкновенное его русло, онъ просачиваетъ себѣ еще стремительнѣе новый проходъ и увлекаетъ съ собою все, что можетъ захватить. Золотое время было для..... крестьянъ, когда помѣщикъ могъ еще брать у нихъ жирныхъ воловъ и поеныхъ те-

---

человѣческія права. Только въ Европѣ отказываютъ въ этомъ правѣ цѣлымъ народамъ, да еще въ ихъ отечествѣ.

[3] Г. Надворный Совѣтникъ Шлёцеръ отдалъ справедливость этому кроткому постановленію въ своемъ «Государственномъ Указателѣ,» 1765 года, если не ошибаюсь.

лятъ, теперь онъ не нашелъ бы у нихъ и курицы, годной для его стола. Со вздохомъ вспоминаетъ крестьянская община въ Ад... то время, когда помѣщикъ, желая щегольнуть, сгонялъ къ себѣ крестьянскихъ лошадей и приказывалъ запрягать ихъ въ свою коляску. Тогда еще не такъ глубоко изучили хозяйство, и продавали такъ за 1000 талеровъ, межъ тѣмъ какъ нынѣ онъ стоитъ отъ 4 до 7 тысячъ; помѣщики еще не были благодѣтелями своихъ крестьянъ и не заводили еще новой господской запашки!

У крестьянина не берутъ больше ни чего, но умѣютъ такъ его донять чрезмѣрной барщиной, что онъ не въ силахъ уже нажить ни чего такого, что стоило бы взять. Знаютъ также и средство, какъ подобраться прямо къ небольшому имѣнію зажиточныхъ. Не могу не заявить здѣсь о двухъ такихъ средствахъ, предая тѣмъ ихъ общественному негодованію.

Одинъ Дворянинъ, чтобы остановить кражи, по его словамъ, при молотьбѣ, велѣлъ обмолачивать, такъ называемыя, пробныя риги подъ строжайшимъ присмотромъ. Онъ не сообразилъ, что пшеница отъ 3-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ стоитъ въ открытыхъ скирдахъ на полѣ; что, слѣдовательно, множество зеренъ высыплется; что хомяки и птицы также возьмутъ свою долю съ колосьевъ; что много потери дѣлаетъ и самый пасущійся скотъ, и что, наконецъ, на ночную молотьбу собирается множество людей, за которыми одному не углядѣть. Смотритель долженъ былъ послѣ каждой молотьбы доставлять одинаковое количество пшеницы, либо пополнять недостатокъ изъ своего жнитва. Этотъ человѣкъ, однако жь, не получаетъ ни какого вознагражденія за свои труды, кромѣ того, что самъ не ставитъ молотильщика и подвергается вѣроятности убытка, безъ возможности выгодъ.

Такимъ же образомъ другіе поступаютъ при распродажѣ птицы, масла и проч. Какому ни будь зажиточному хозяину, подлежащему отвѣтственности за всякой убытокъ, выдается извѣстное количество сбыта и назначается цѣна, которую онъ долженъ доставить отдѣльно за всякую вещь. Онъ ѣдетъ за многія мили въ городъ и находитъ, что товаръ его стоитъ гораздо де-

шевле. Такъ если ему не хочется приплачивать отъ себя, то надо бываетъ прожить въ городѣ долго и много проѣсть. Между тѣмъ вещи портятся, птица тощѣетъ, либо мретъ, а онъ во всякомъ случаѣ терпитъ убытокъ. Не смотря на то, его долгая отлучка считается только за возовую барщинную повинность, а за продажу не получаетъ онъ ни какой награды. Правду сказать, самобытный способъ предупреждать обманъ! Чтобы не быть обокраденнымъ отъ крестьянина, грабятъ его самаго. [4] Какая же выгода отъ этого положенія?

Какъ и сказали мы, ни какой, кромѣ того, что если нужно взять, необходимо выдумать какой ни будь предлогъ на это. Но принесутъ ли помощь всякія обезпеченія движимости, пока у крестьянина не будетъ поземельной собственности, даже вѣрнаго жилища? Всякой добрый человѣкъ гнушается отнимать у птицы гнѣздо, у собаки конуру, которую она себѣ выкопала. А Дворянинъ когда замѣтитъ, что крестьянская землица содержится лучше всѣхъ другихъ, или выгодно расположена и обработана, онъ беретъ ее у владѣльца безъ всякихъ околичностей! Онъ настроитъ тутъ какихъ ни будь новыхъ хозяйственныхъ службъ, велитъ выгонять стадо, назначитъ какимъ крестьянамъ обработывать поля новой усадьбы, да и дѣло въ шляпѣ. [5] Прежнему владѣльцу міръ, а не господскій дворъ, долженъ пособить поселиться на какомъ ни будь пустырѣ, и по самой ужъ большей мѣрѣ въ первые годы ему не надобно бываетъ ни чего платить изъ произведеній своихъ новыхъ полей, которыя, разумѣется, и безъ того даютъ мало. Единственный законъ о заведеніи господскихъ

---

[4] Разумѣется, нельзя отвергать, что крестьяне позволяютъ себѣ много плутней при продажѣ господскихъ прибытковъ, но за чѣмъ же употреблять ихъ на то, что совсѣмъ не ихъ обязанность? Будетъ гораздо разсудительнѣе и справедливѣе держать особеннаго какого ни будь продавца, либо употреблять для того амтмана (Нѣмецкаго смотрителя).

[5] Эту мѣру принимаютъ тѣ, которые не отмѣриваютъ своихъ полей домохозяевамъ, и думаютъ чрезъ это избѣгать всякихъ упрековъ въ несправедливости. Но за то не должны ли бываютъ крестьяне высѣвать лишнихъ 80, или 100, мѣръ? Развѣ прежнія господскія поля, которыя до сихъ поръ обработывали переведенные на другое мѣсто крестьяне, остаются не паханными?

усадебъ постановляетъ, чтобы не заводило ихъ такое помѣстье, которое не высѣваетъ, по крайней мѣрѣ, двадцати четвериковъ хлѣба, и чтобы этѣ усадьбы были въ полумилѣ разстоянія отъ главнаго помѣстья.

Укоризны, дѣлаемыя Дворянству въ разореніи крестьянъ новыми господскими усадьбами, хотятъ опровергнуть такими словами, что «всякой разсудительный землевладѣлецъ поставляетъ свою славу въ благосостояніи крестьянъ. Собственная выгода предписываетъ ему не губить, или не переселять, зажиточныхъ и трудолюбивыхъ домохозяевъ, а дѣлать имъ пособіе и поощрять ихъ.» Но, Милостивые Государи, хвастающіе такими правилами и, можетъ быть, имѣющіе на столько благоразумнаго самолюбія-чтобы и поступать такъ, назовите, пожалуй, его человѣколюбіемъ, если вамъ угодно, развѣ примѣры противнаго не ежедневные опыты? Развѣ не мало безразсудныхъ помѣщиковъ? Развѣ не больше еще такихъ, у которыхъ не сходятъ съ языка подобныя изреченьица, однако жь они очень вѣрно разочли, что прибыль, извлекаемую прилежнымъ крестьниномъ изъ своего, хорошо обработаннаго, поля, имъ нельзя отдавать въ проценты для своей пользы, и что крестьяне съ испитыми лицами и въ лохмотьяхъ все столько же должны работать плугомъ, какъ и тогда, когда бы они были дородны и хорошо одѣты? Отъ чего бы вамъ для своей, не такъ дальновидной, собратіи не сдѣлать не возможнымъ разореніе вмѣстѣ съ ея крестьянами?

По крайней мѣрѣ, похлопочите о такомъ законѣ, чтобы всякой крестьянинъ домовладѣлецъ оставался во владѣніи своею наслѣдственною поземельною собственностью, пока онъ явно безпорядочной жизнью не заслужитъ лишиться ея, да пусть и исполняютъ этотъ законъ.

2. Упомянутое увѣщаніе внушило Дворянамъ, что выходящая изо всякихъ предѣдовъ продажа Латышей по одиначкѣ оскорбляетъ Государственное Право. Съѣздъ нашелъ себя вынужденнымъ сдѣлать слѣдующее постановленіе:

1) «Продавшій Ливонскаго крестьянина за границу платитъ 200 талеровъ пени. 2) Такому же наказанію

подвергается и продающій крестьянъ на рынкѣ. 3) А кто такою продажею разлучаетъ супруговъ, платитъ 400 талеровъ пени.»

Это самое постановленіе доказываетъ, до какой отвратительной крайности доведена торговля людьми: оно привело ее въ немного измѣненный видъ. Рабовъ ужъ не выставляютъ на торгъ какъ въ Алжирѣ, а только объявляютъ о нихъ въ Вѣдомостяхъ, что, кажется, по крайней мѣрѣ, болѣе по Европейски. А уводитъ ли ихъ покупатель за границу, до этого продавцу нѣтъ ни какого дѣла. Ужь больше не разлучаютъ браковъ, но отнимаютъ дѣтей у родителей, чтобы продавать ихъ вербовщикамъ, и все же гордятся преимуществомъ Ливоніи, не ставить ни какихъ рекрутовъ. [6]

Ни одно злоупотребленіе произвольной власти такъ не безчеловѣчно, какъ упомянутая продажа людей въ розницу, далеко выступающая за предѣлы всякихъ помѣщичьихъ правъ. Какихъ бы возгласовъ ни дѣлали Дворяне за свободу располагать своей собственностью, вѣрно, однако жь, что Государство не можетъ имъ дозволить надъ такимъ же своимъ подданнымъ ни какихъ другихъ правъ, кромѣ того, чтобы они уступили ему землю, и за то требовали отъ него барщинной службы и оброковъ. Вообще и само Государство дерзаетъ располагать назначеніемъ гражданина тогда только, когда дѣлаетъ это необходимымъ общая нужда, а гражданинъ не можетъ никогда осмѣлится на это безъ ужасной тираніи. Если же онъ осмѣлится подводить своего собрата, противъ его воли, подъ губительное лезвіе войны, когда не требуетъ того Государство, его должно преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, какъ убійцу. Не вижу ни какой разницы между такимъ человѣкомъ и Голландскими «Zielverkoopers» (вербовщиками), кромѣ той, что послѣдніе ловятъ тайкомъ для своего отечества иноземныхъ «Mofies», а этотъ явно отправляетъ на бойню своихъ согражданъ, и такимъ образомъ грабитъ отечество для своей частной пользы.

---

[6] Если Ливонія довольно населена, чтобы продавать молодыхъ крестьянъ въ рекруты, за чѣмъ же Государству нельзя набирать въ ней рекрутъ? А если она слишкомъ бѣдна населеніемъ, за чѣмъ же молчатъ прочіе Дворяне при такомъ постыдномъ лихоимствѣ человѣческой жизнью?

Такъ какъ этотъ беззаконный образъ дѣйствій зашелъ уже очень далеко, наконецъ распространился и въ казенныхъ имѣніяхъ, то вышло запрещеніе продавать крестьянъ въ рекруты. Относительно казенныхъ крестьянъ это запрещеніе соблюдается очень строго, но у бѣдныхъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣтъ ни какихъ заступниковъ. Еще лѣтомъ 1795 года покупщики открыто гоняли передъ собою такихъ несчастныхъ цѣлыми толпами.*

3. «Третье угнетеніе крестьянъ, говорится далѣе въ вышеупомянутомъ Увѣщаніи, — чрезмѣрность въ наказаніяхъ. Она до того неслыханна, что молва о ней, къ чувствительному для меня прискорбію, дошла до Престола. Самые малѣйшіе проступки наказываются десятью парами розогъ, сѣкутъ не по законному предписанію, три раза каждой парой, а до тѣхъ поръ, пока остаются у ней комли, пока не станетъ валиться кожа и мясо. Крестьяне содержатся въ кандалахъ и колодкахъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ на хлѣбѣ и на водѣ въ амбарѣ, часто въ сильнѣйшую стужу. Все это наказанія, далеко выходящія изъ предѣловъ домашняго исправленія, и употребляемыя только въ Уголовныхъ Судахъ, да и то гораздо мягче, по тому что виновные по Суду содержатся, по крайней мѣрѣ, въ теплыхъ темницахъ.»

На это сильное представленіе, взятое изъ дѣйствительной жизни, издано было, 12 Апрѣля, 1765 года, слѣдующее обязательство и объявленіе:

IV. «Легкіе проступки должны рѣшительно наказываться розгами; большія вины, на пр., неповиновеніе, хотя наказываются то же розгами, но количество розогъ никогда не должно быть болѣе 10-ти паръ, изъ которыхъ каждою дѣлаются только три удара.»

V. «Ни одинъ крестьянинъ не долженъ сидѣть въ острогѣ болѣе 24 часовъ, кромѣ такихъ только случаевъ,

---

* Правительство вовсе не участвуетъ въ томъ, по тому что рекруты не покупаются, а набираются. Но многіе Офицеры увольняютъ новобранцевъ отъ службы

когда въ его преступленіи участвуютъ многія лица, а по тому и слѣдствіе требуетъ болѣе времени. Въ этомъ случаѣ всякій господинъ въ зимнее время долженъ держать заключенныхъ въ теплой ригѣ, или въ другомъ тепломъ мѣстѣ.»

Этѣ постановленія свѣдѣтельствуютъ о благодѣтельномъ намѣреніи Государыни и усердіи исполнителя ея воли. Вотъ и вся прибыль отъ нихъ! Плети, обыкновенно ремни въ палецъ толщины и въ вершокъ ширины, съ деревяннымъ наконечникомъ, страшны не менѣе розогъ, и такъ же легко, какъ и этѣ, могутъ сдѣлать людей на всю жизнь несчастными. Да и очень не рѣдко случается, что наказаніе плетьми сопровождается смертью наказаннаго, по тому что оно безчеловѣчно. На примѣръ, лѣтомъ 1794 года Госпожа Г. велѣла высѣчь служанку за плохо сложенную кофту, такъ ужасно, что бѣдняжка съ полчаса лежала въ безпамятствѣ. Однажды утромъ одна горничная Г-жи К. забыла сварить сливки для любимой собачки своей барыни. Барыня это замѣтила, и съ сверкающими глазами созвала своихъ людей на возмездіе за ужасный проступокъ. Несчастная дѣвушка убѣжала и утопилась въ Двинѣ. Вотъ какъ наказываютъ нѣжныя образованныя госпожи; да и очень много найдется такихъ Мегеръ между женщинами ихъ званія. По тому что гдѣ много законнаго простора для страсти, тамъ развивается она до самой ужасающей гнусности. Да и наказаніе розгами въ сущности смягчено очень мало. Десять паръ розогъ можно дать и въ другой разъ, только въ разные дни и подъ разными предлогами.

Страшно становится, если, такъ называемое, домашнее исправленіе останется въ рукахъ Дворянъ. Оно есть средство къ удовлетворенію всѣхъ ихъ желаній и страстей, да и обезпечиваетъ ихъ отъ послѣдствій насильственныхъ ихъ поступковъ. По тому что кто возьмется озлоблять обвиненіемъ такого человѣка, изъ подъ верховной власти котораго ему ни какимъ способомъ нельзя уйти?

за деньги, на которыя покупаютъ у торгашей невольниками Дворянъ другихъ, особливо въ Ливоніи и Эстоніи.

Ротмистръ Фонъ.... нашелъ прекрасною одну изъ своихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, и рѣшился сдѣлать ее своею наложницей. Онъ взялъ ее во дворъ и, для достиженія цѣли, употреблялъ просьбы, подарки, угрозы, однако жь все по напрасну. Дѣвушка оставалась невинною, можетъ быть по тому, что уже любила кого ни будь. Наконецъ онъ велѣлъ ей спать въ комнатѣ, смежной съ его спальней. Тутъ онъ и приступилъ къ ней ночью; но даже и тогда, когда онъ позвалъ на помощь себѣ прислугу, новая Памела сопротивлялась такъ храбро, что онъ долженъ былъ бросить свое намѣреніе. Въ награду за добродѣтель, или за толчки, можетъ быть, полученные имъ въ рукопашной схваткѣ съ дѣвушкой, онъ приказалъ ей дать 10 паръ розогъ, которыя въ сущности заслуживалъ самъ, и заставилъ ее пасти свиней: тѣмъ и покончилось дѣло.[7] Точно также было поступлено съ крестьяниномъ въ Ф...., не дававшимъ своей женѣ позволенія быть наложницей своего помѣщика, и такова обыденная участь всякаго, навлекающаго на себя неудовольствіе своего властелина, чѣмъ бы то ни было, хотя бы и благороднымъ поступкомъ. Въ 1795 году помѣщикъ I.... объявилъ, что всякой крестьянинъ, просящій пособія, получитъ розги, и, однако жь, люди должны были работать все лѣто почти на одного его, стало быть, были въ правѣ требовать хлѣба.

Въ Россіи, также какъ и во всѣхъ Европейскихъ странахъ, запрещено Судамъ употребленіе чего бы то ни было, похожаго на пытку, но, въ силу домашняго исправленія, Дворяне пользуются пыткою, сколько душѣ угодно. Заподозрѣннаго въ проступкѣ сѣкутъ, пока не сознается. Такъ, осенью 1795 года, Господину Т. показалось, что приставленный къ гумну служитель его обкрадываетъ. Онъ велѣлъ привести къ себѣ связаннаго: только слуга божился въ своей невинности. Безъ дальныхъ околичностей господинъ приказалъ дать ему 10 паръ розогъ. Такъ и было сдѣлано, но несчастный продолжалъ отпираться. Если положимъ, что онъ былъ виноватъ, какое ему еще присудить наказаніе? А если онъ неви-

---

[7] Я говорилъ объ этомъ происшествіи съ однимъ Дворяниномъ. «Гмъ!, отвѣчалъ онъ мнѣ, дѣвушка была его крѣпостная.» Очень характеристично!

ненъ, я содрогаюсь при этой мысли! Такъ поступаетъ помѣщикъ въ томъ Государствѣ, гдѣ Судъ не можетъ осудить даже самаго отъявленнаго убійцу, пока онъ не сознается въ преступленіи.

Самый позорный и гнусный поступокъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣланъ былъ семействомъ К..дтъ, спустя долгое время послѣ распоряженій 1765 года. Тринадцатилѣтняя крестьянская дѣвочка провинилась въ какихъ-то мелочахъ, между прочимъ и въ томъ, что плохо пряла. Господа обвернули ей пальцы льномъ и подожгли его. Разумѣется, что обожженными пальцами бѣдняжка не могла вытягивать пряжу тоньше. Каждый день ее сѣкли до крови розгами, размягченными въ соленой водѣ, чтобы онѣ больнѣе рѣзали, заперли ее въ холодный погребъ, многіе дни морили голодомъ, даже наругались надъ нею: привязавъ ее руками къ стѣнѣ, дали ей въ одну руку хлѣба, а въ другую масла, и заставили въ такомъ положеніи смотрѣть, какъ другая прислуга ѣла.[9] Дочь этого семейства, 12-лѣтнее твореніе, раскаливъ до красна щипцы и гвозди, колола и щипала ими окровавленную жертву. Дѣвочка убѣжала наконецъ, и въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ господскаго двора умерла. Пасторъ донесъ объ этомъ смертномъ случаѣ, и дѣло было изслѣдовано. Родители осуждены на пожизненное заключеніе, а дочка получила розги въ присутствіи нѣсколькихъ родственниковъ. А если бы эти люди сдѣлали посторожнѣе свое гнусное дѣло? Если бы они не дошли еще до смертоубійства? Тогда ни кто бы и не осмѣлился унимать ихъ. Они такъ же мало подверглись бы наказанію, какъ и болѣе осторожные братья и сестры имъ по сердцу.

Еще примѣръ, самый свѣжій. Господинъ П. такъ ужасно свирѣпствовалъ надъ своими крестьянами, что пятеро изъ нихъ лишились жизни. Одни изъ нихъ умерли именно отъ наказанія, другіе лишились жизни отъ страха его. Шестаго велѣлъ помѣщикъ цѣлый часъ сѣчь въ комнатѣ у себя за какія-то нескромныя слова, которыя будто бы онъ сказалъ, а послѣ упрямо отперся отъ нихъ, потомъ гонялъ его съ пощечинами изъ угла въ уголъ, и нако-

[9] Я пишу по судебнымъ актамъ.

нецъ такъ сильно толкнулъ его на шкапъ, что раскроилъ ему черепъ.[9] Вотъ слѣдствія неограниченнаго домашняго исправленія, и все же, однако жь, это еще не самые крайніе предѣлы помѣщичьей власти.

Что въ другихъ странахъ совершаютъ Суды по опредѣленію Государя, въ Ливоніи дѣлается Дворянствомъ по его собственной верховной власти; такъ, на примѣръ, крѣпостная работа. Если какой ни будь крестьянинъ навлечетъ на себя неудовольствіе господина, или мѣшаетъ ему своимъ присутствіемъ въ какомъ ни есть намѣреніи, этотъ отправляетъ его въ ближнюю крѣпость и на сколько угодно времени отдаетъ его Смотрителю за преступниками въ каторжную работу, на которую Судъ осуждаетъ однихъ убійцъ. При этомъ не соблюдается ни какихъ формальностей, кромѣ того, что платье и лапти, которыхъ невинный часто и не нашивалъ, выдаются ему при его востребованіи. Указъ о томъ отъ 17-го Генваря, 1765 года.

Знаю и говорю это въ другой разъ уже, что не всѣ же помѣщики пользуются исправительною господскою властію такимъ жестокимъ образомъ. Кто сталъ бы утверждать обо всемъ сословіи, что оно жестокосердо и безчеловѣчно, тотъ сказалъ бы нелѣпую клевету. Но приведенные примѣры показываютъ, что можно сдѣлать, и часто дѣлается изъ домашняго исправленія; а этого и довольно для доказательства необходимости отмѣнить его. И самый добродушный и справедливый Дворянинъ не мо-

---

[9] Для связи мнѣ должно разсказать читателямъ развязку преступленія. Убитый былъ кучеромъ у матери убійцы. Въ первомъ негодованіи она донесла объ этомъ дѣлѣ Намѣстнику. Преступникъ былъ взятъ подъ стражу, и о немъ началось дѣло. Но очень опытный стряпчій умѣлъ затянуть это дѣло, и наиболѣе чрезъ исключеніе свѣдѣтелей, которыми, разумѣется, могли быть одни домашніе люди, привелъ дѣло къ такому концу, что заключеніе въ темницу, продолжавшееся два года съ половиною и чрезвычайно снисходительное, вмѣнено было въ наказаніе подсудимому; впрочемъ, его объявили неспособнымъ располагать помѣстьемъ, которое и отдано его женѣ. «Fiat justitia, et pereat mundus!» сказалъ мнѣ очень простодушно одинъ изъ Гг. Судей, когда мы толковали съ нимъ объ этомъ только что состоявшемся приговорѣ.

жетъ за себя поручиться, что никогда не употребитъ во зло этой исправительной власти. Въ хладнокровномъ состояніи онъ гнушается поступковъ другихъ; и точно такое же дѣло кажется для него необходимымъ и справедливымъ, лишь только онъ вообразитъ себя оскорбленнымъ, или окажется подъ вліяніемъ страсти. Я знаю очень грустные примѣры въ этомъ родѣ. Изъ уваженія къ погрѣшающимъ, я умалчиваю о нихъ, но они такъ ежедневны, что всякой истинно благонамѣренный человѣкъ долженъ содрогнуться, что черезъ часъ онъ откажется отъ своихъ правилъ и поступитъ несправедливо и жестоко. Отъ того-то ни одинъ добрый и разсудительный человѣкъ, знающій самаго себя и людей, не пожелаетъ серьезно такихъ деспотическихъ льготъ, изъ за одного только названія ихъ. Тщательно убираютъ заряженное ружье, хоть бы и хорошо сознавали въ себѣ умѣніе владѣть имъ. Такъ за чѣмъ же не устранять и неограниченную карательную власть, которая несравненно опаснѣе? Нечего бояться вредныхъ послѣдствій, когда возьмутъ у крестьянъ это пугало. Средства, какими держатъ ихъ въ порядкѣ и повиновеніи въ другихъ странахъ, завели бы и сдѣсь: это денежныя пени и темничное заключеніе, присужденныя мѣстнымъ Судомъ, не такимъ, какъ въ Штокманнгофѣ, и ужь разумѣется не наряженнымъ и не зависимымъ отъ Дворянина.

Я говорилъ уже, что Стефанъ Баторій хотѣлъ отмѣнить тѣлесныя наказанія. Въ этомъ случаѣ онъ смотрѣлъ правильнѣе Густава Адольфа, который оставилъ за Дворянами домашнее исправленіе, а въ немъ и средства лишать силы Правительственныя мѣры. Латышу дали права, и, въ случаѣ ихъ оскорбленія, указали ему просить защиты въ Судѣ. А когда окажутъ ему правосудіе, онъ долженъ опять воротиться подъ власть своего непріятеля. Долго ли, коротко ли, и сколько бы ни прошло времени, этотъ непріятель найдетъ предлогъ, и домашняя исправительная власть выместитъ крестьянину за судебный приговоръ. Пока не отмѣнятъ ея, всѣ дозволенныя льготы—жестокая насмѣшка надъ обливающимся кровью бѣдствіемъ. Латышъ поступаетъ всего умнѣе, что не обращаетъ ни какого вниманія на этѣ льготы. Вѣренъ разсчетъ его, что сколько ни жалуйся, столько же разъ будетъ десять паръ розогъ. Если не получаетъ розогъ въ Судѣ, то находитъ ихъ уже связанныя дома.

4. По Указу 1756 года, повторяемому мною часто, «Латышамъ не должно препятствовать въ женитьбѣ, въ противномъ случаѣ они находятъ себѣ защиту въ главной Консисторіи.»

Рабство походитъ на одежду, которую одинъ баснословный тиранъ приказалъ надѣвать на своихъ плѣнниковъ: она такъ плотно сжимала тѣло, что имъ нельзя было сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Трудно понять, какъ глубоко вторгается помѣщичій деспотизмъ въ самую потаенную святыню человѣка, въ его домашній кругъ. На все раздаетъ онъ приказы и всѣмъ располагаетъ его милостивая, только не добрая, воля. Домохозяинъ въ такой только мѣрѣ господинъ въ своей семьѣ и въ своемъ домѣ и полѣ, когда помѣщику нѣтъ времени заботиться объ этомъ, или пока это не придетъ ему въ голову. Есть помѣстья, въ которыхъ господинъ предписываетъ, что и въ какіе дни сѣять крестьянину. А этотъ ужь, конечно, лучше его разумѣетъ обработку клочка земли, на которомъ онъ рожденъ и воспитанъ и который составляетъ единственную цѣль его прозябаемой жизни; однако жь, въ назначенный день наводятъ справку, и сѣкутъ его, если онъ не послушался часто смѣшнаго приказа.

Но прискорбнѣе всего то стѣсненіе, которое все еще дѣлаютъ ему въ выборѣ жены. Оно касается самой нѣжной части его сердца, разрушаетъ единственное чувство счастья, которое могло бы еще облегчать для бѣдняка его бѣдствіе. Наложите ему на шею самое тяжелое ярмо, ежели есть еще тяжелѣе того, которое онъ уже носитъ, только дайте ему любящую и любимую жену, и жизнь получитъ для него прелесть. Когда, проработавъ недѣлю на барщинѣ, воротится онъ въ свою курную избу, одинъ видъ его жены сдѣлаетъ укрѣпляющимъ лѣкарствомъ поданныя ею кушанья и воду для питья: оно придастъ ему бодрости и силы для того, чтобы посвятить работѣ и самое время отдыха; по тому что онъ изнуряетъ себя для нея, выбранной имъ самимъ подруги его жизни, и для дѣтей, которыхъ она принесла ему.

Властолюбіе и алчность вырвало и этотъ отрадный кубокъ изъ жадныхъ устъ бѣднаго раба; и самыя невинныя и священ-

ныя сердечныя склонности должны были покориться корыстнымъ разсчетамъ. Даже и голосъ родителей Дворяне ставили ни во что, и точно въ своемъ стадѣ дозволяли только такія свадьбы, которыя согласны были съ ихъ пользою. Для умноженія числа людей въ своихъ помѣстьяхъ, многіе Дворяне предписывали молодцамъ выбирать себѣ невѣстъ изъ чужихъ волостей; даже назначали, къ кому они должны и присвататься. За то, когда прискивались чужіе женихи къ дѣвушкамъ ихъ волости, они отказывали на отрѣзъ въ своемъ позволеніи. Разумѣется, что и господа съ лучшимъ образомъ мыслей принялись наконецъ за такія же отплатныя распоряженія, и сдавленный въ этѣхъ пружинахъ своекорыстія крестьянинъ увидалъ себя лишеннымъ самаго важнаго и сладкаго права человѣка. Съ другихъ господскихъ дворовъ прогоняли съ позоромъ всякаго свата, не принесшаго значительнаго подарка.

Частыя и безплодныя жалобы наконецъ побудили Правительство дать упомянутыя приказанія, чтобы безъ законной причины не отказывать въ невѣстѣ ни одному крестьянину, подъ страхомъ 100 талеровъ пени, и не требовать съ сватовъ подарковъ. Впрочемъ, и этѣ приказанія могутъ не много имѣть силы по отношеніямъ Латыша. Разумѣется, сторонній женихъ теперь жалуется, когда его вышлютъ, по тому что ему помогаетъ собственный его баринъ, и онъ не подвластенъ тому, котораго прогнѣвалъ. Но если его собственные господа стѣсняютъ его желанія, онъ замолчитъ, да и долженъ молчать, а иначе и онъ и жена его всю жизнь простоятъ подъ господскими розгами. Онъ можетъ выбирать только глазами своего барина, да еще иногда только такую невѣсту, которую этотъ находитъ годною себѣ въ любовницы.

И для господъ невѣстъ все еще очень легко прервать всякое сватовство, которое имъ не нравится. Какъ легко отыскать законную, хоть и несправедливую, причину къ отказу, или съ глазу на глазъ внушить упорство боязливой дѣвушкѣ! Все еще много надобно смѣлости, чтобы отстоять требованія сердца отъ неограниченнаго распорядителя; по тому что при этомъ рискуютъ многимъ. Еще въ 1793 году одна дѣвушка въ....., не

хотѣвшая подать сани (отказать) жениху изъ чужой деревни, была высѣчена, разумѣется, подъ другимъ пустячнымъ предлогомъ, такъ ужасно, что женихъ отсталъ отъ сватовства, по тому что не хотѣлъ имѣть жены, сдѣлавшейся навсегда больною. Его собственный господинъ уже принудилъ его быть справедливымъ къ мученицѣ.

Въ другомъ помѣстьи Дворянинъ-арендаторъ тоже отказалъ своей дѣвушкѣ въ позволеніи на замужство съ чужимъ крестьяниномъ. Этотъ обратился къ собственному помѣщику, и получилъ безъ затрудненія видъ на оглашеніе въ церкви, однако жь не избѣжалъ мстительности противника. Арендаторъ велѣлъ подстеречь новобрачныхъ на улицѣ, когда они будутъ возвращаться съ вѣнчанія; невѣста была схвачена съ телѣги, и половина головы у ней обрита, чтобы пересолить для ней свадебныя шутки, какъ угодно было выразиться Г..... Что за ужасное насиліе въ образованной странѣ! Что за низкая злость! Не сталъ ли бы этотъ человѣкъ Фаларисомъ, если бы у него было на столько власти для того?

Не всѣ дѣвушки такъ тверды, какъ этѣ обѣ: пока Дворянство распоряжается крестьянской спиной, оно будетъ располагать и сердцами. Плеть все еще Богъ любви у Латышей, и долженъ быть имъ до тѣхъ поръ, пока не сжалятся надъ ними въ Сактъ-Петербургѣ, и не отнимутъ у Дворянъ произвольной власти наказывать.

Другого злоупотребленія причиною то обстоятельство, что въ постановленіяхъ говорится только объ осѣдлыхъ, то есть, принадлежащихъ какъ ни будь по наслѣдству крестьянахъ. Отъ того-то помѣщики и пользуются случаемъ, чтобы всякаго свободнаго Латыша, да и Нѣмца, сватающаго крѣпостную дѣвушку, объявлять за бродягу и, на законномъ основаніи, отказывать ему въ своемъ позволеніи. Даже и сама Консисторія не можетъ ни чего приказать въ такомъ случаѣ.

Въ К..... одинъ свободный Латышъ, кормившійся какимъ-то ремесломъ, 4 года сваталъ себѣ дѣвушку. Помѣщица, заслу-

живающая, впрочемъ, высокаго уваженія, имѣла на него неудовольствіе, и ни какъ не давала согласія на его просьбу. Нѣсколько разъ онъ умолялъ о посредничествѣ Пастора и даже Консисторію, но и тотъ и другая говорили по напрасну, хотя женихъ прижилъ уже многихъ дѣтей съ своей невѣстой. Дѣвушка, которая, можетъ быть, была бы хорошей женой и хозяйкой, принуждена влачить свою жизнь въ несчастьи и пренебреженіи, по тому что была опозорена. Такъ-то и назначеніе и счастіе всей жизни Латышей зависитъ отъ прихоти ихъ властелиновъ. Прошу извиненія у Г-жи А.....съ, что долженъ былъ упомянуть объ этой жестокости, можетъ быть, единственной, въ которой можно обвинять ее во все ея управленіе помѣстьемъ. Не возможно было не упомянуть объ этой жестокости, по тому что она показываетъ неоспоримо, что въ защиту рабства нельзя приводить доброту и мягкость самыхъ лучшихъ и снисходительныхъ господъ. Кто изъ нихъ можетъ поручиться за себя въ томъ, что не найдетъ на него сердитый часъ, а это принесетъ несчастіе многимъ изъ его собратій, людей и согражданъ. Справедливо, что человѣкъ, имѣющій возможность на всякое зло, которое умѣетъ прикрыть, всегда страшенъ, хотя бы онъ былъ и самыхъ превосходныхъ свойствъ.

Добрая природа, у которой всегда готово смягчительное, по крайней мѣрѣ, средство для всякаго зла, надѣланнаго людьми, заботится и сдѣсь, сколько можетъ, о своихъ дѣтяхъ. Стѣсненное сердца бѣдняка, принужденнаго лишиться лучшаго блага жизни, она облекаетъ благотворною терпкостью, дѣлающею его нечувствительнымъ къ прелестямъ этого блаженства. Голодъ во всякомъ случаѣ противоядіе любви. Человѣкъ, вынужденный безпрестанно бороться съ бѣдой, не ожидающій другого исхода своей борьбы, кромѣ смерти, относительно своихъ чувствъ спускается на степень одинокого дикаря, даже звѣря. Ему незнакомо ни одно, сколько ни будь нѣжное, чувство и все, составляющее принадлежность человѣчности. Чувство чести состоитъ для него только въ томъ, чтобы не быть высѣченнымъ; [10] его дружба,—

[10] «Я никогда не сворачивалъ съ честнаго пути», говоритъ на смертномъ одрѣ честный человѣкъ свободнаго званія. «Меня ни разу не сѣкли на барскомъ

удовольствіе въ общей съ кѣмъ ни будь выпивкѣ, его любовь — раздраженіе.

Этой безчувственностью Латышей Дворяне пользуются только для благовиднаго прикрытія своей суровости съ ними. «Для него все равно»! говорятъ они, отказывая ему въ выбранной имъ самимъ женѣ и заставляя его жениться на твари, которой онъ не можетъ терпѣть. А когда Латышъ колотитъ до крови своего стараго отца, когда онъ справляетъ похороны жены и дѣтей, только въ качествѣ случая къ праздничному пьянству, когда отъ гробовой крышки жены онъ тотчасъ же торопится искать другой женской личности, все равно, будетъ ли это привѣтливая потаскушка, или вздорливая вѣдьма, которая можетъ удовлетворять лишь его плотскую потребность и вязать ему рукавицы, чья вина эта скотская грубость? Ваша, высокоблагородные властелины! Не смотря на вашу смѣющуюся наружность, выставляемыя на показъ человѣколюбивыя и великодушныя чувства, вы, точно монахи въ старину, стараетесь держать своихъ согражданъ на низкой степени образованности. Имъ должно походить на звѣрей, чтобы вы могли утопать въ самыхъ изысканныхъ наслажденіяхъ излишней утонченности и роскоши. Для того-то тайкомъ и обѣгаете вы всѣ приказанія, издаваемыя къ ихъ благу. Для того и наказываете, какъ преступленіе, всякой проблескъ сколько ни будь благороднаго чувства достоинства, или ругаетесь надъ нимъ, пользуясь имъ для новыхъ истязаній. Съ истерзанной спиной, съ пустымъ, либо набитымъ мякиной, желудкомъ, въ лохмотьяхъ, Латышъ, ужь, разумѣется, не возвысится до любви, дружбы, признательности, великодушія и еще какихъ ни будь качествъ человѣчности. А дайте-ка ему свободу и время понажиться да образовать себя, такъ и онъ быстро облагородится и будетъ лучшимъ человѣкомъ, нежели большинство васъ самихъ. [12] Справедливость

дворѣ», говорилъ одинъ честный Ливонскій старикъ своему Пастору, не за долго до смерти. Смотри уже приведенную Исторію рабства, и проч.—О святое человѣчество!

[11] «Les laboureurs des champs, говоритъ умный Рейналь, sont partout les plus honnêtes et les plus vertueux des hommes, lorsqu'ils ne sont ni corrompus, ni opprimés par le gouvernement.»

Hist. philos. des deux Indes.

моихъ словъ доказываютъ немногія мѣста, гдѣ нынѣ временно гоститъ у крестьянъ благосостояніе.

5. «Крестьянинъ въ правѣ требовать у своего помѣщика пособія въ сѣменахъ и въ хлѣбѣ.»

Чтобы поля могли быть обработаны и послѣ самаго повсемѣстнаго неурожая, еще указъ 1765 года предписываетъ, чтобы помѣщики сохраняли для ссуды крестьянамъ по 20-ти мѣръ ржи съ каждаго гака. Настоящій повсемѣстный неурожай бываетъ рѣдко въ Ливоніи, но голодная пора, что довольно странно, каждый годъ у крестьянъ, и еще усиливается по случаю отказовъ въ пособіи. Нѣкоторые Дворяне распродали почти весь свой хлѣбный запасъ: одни обратили его въ водку, а другіе разочли, что зерновой хлѣбъ въ осеннюю пору, когда крестьянинъ уплачиваетъ свои хлѣбные долги, стоитъ дешевле, нежели зимой и весной, когда крестьянину нужно пособіе. Такъ-то, отчасти по виновной несостоятельности, отчасти по настоящему жестокосердію, большая часть Дворянъ и отдали крестьянина на жертву ужаснѣйшему голоду, похитившему множество людей. Если случался когда неурожай, половина пашенъ оставались незасѣянными, и одинъ несчастный годъ приводитъ за собою многіе слѣдующіе такіе годы, а части и полное разореніе крестьянъ.

По такимъ то причинамъ въ упомянутомъ году и были повторены прежнія постановленія о хлѣбныхъ сбереженіяхъ. Дворянскій съѣздъ, котораго благотворительныя побужденія намъ извѣстны, опредѣлилъ, что всякой помѣщикъ обязанъ ссужать своихъ людей хлѣбомъ при началѣ полевыхъ работъ, а Правительство приказало каждую весну осматривать хлѣбные амбары, для изслѣдованія, запасаются ли предписанныя двадцать мѣръ съ гака.

Изъ этого обязательства видно, что оно вышло отъ самихъ погрѣшающихъ, для которыхъ нужнѣе было не терять работниковъ своихъ полей, нежели смягчать ихъ бѣду. Благодаря умышленному непониманію, объясняли постановленіе такимъ образомъ, что хлѣбная ссуда должна выдаваться изъ сберегаемаго хлѣба, и,

слѣдовательно, мудрое намѣреніе Правительства, чтобы посѣвъ каждаго года всегда находился въ запасѣ, погибло. Потомъ крестьянамъ и зимой такъ же необходима ссуда, какъ и весной, хоть силы ихъ посвящены и не такъ уже непосредственно благу господскаго двора. Ихъ собственнаго запаса, послѣ обыкновеннаго жнитва, рѣдко стаетъ до исхода Генваря, а случай нажить что ни будь представляется очень мало въ странѣ, лишенной городовъ и фабрикъ. Но для весенней ссуды 20-ти мѣръ сберегаемаго хлѣба недостаточно, хотя бы и законно было употреблять его на это. Есть и такіе Дворяне, которые пользуются даже и этѣми постановленіями къ разоренію крестьянъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что должны сохранять до ревизіи запасной хлѣбъ, они ссужаютъ крестьянъ не хлѣбомъ, а деньгами на покупку его. Крестьяне должны бродить по странѣ, иногда даже до Бѣлоруссіи, за покупкой пшеницы по 6-ти, даже по 9-ти, ортовъ [12] за лоофъ. Осенью онъ стоитъ три орта, и крестьянинъ принужденъ прикупать отъ двухъ до 3-хъ лоофовъ, для уплаты за съѣденный весною одинъ лоофъ.

Самая повѣрка—одна только комедія. Ее часто откладываютъ и никогда не ведутъ строго, отъ того и выдумали тысячу средствъ, чтобы сдѣлать ее совсѣмъ недѣйствительною. Такъ, на пр., кладутъ накось идущія доски подъ пшеницу, которую не перемѣриваютъ; благодаря быстрой перевозкѣ, показываютъ одну и ту же пшеницу во многихъ мѣстахъ, а послѣ осмотра тотчасъ же отвозятъ ее на продажу и т. д.

Стало быть, этѣ постановленія, какъ видно, недѣйствительныя и временныя мѣры противъ смертельной болѣзни. Если хотятъ исцѣлить политическое тѣло, такъ должны уничтожить это зло въ его началахъ. Для сохраненія крестьянина отъ несчастія и голода не довольно обезпечивать для него пособіе. Оно слишкомъ легко становится орудіемъ своекорыстія и поѣдаетъ будущую жатву, прежде ея всхода. Нѣтъ, лучше бы привести важнѣйшее сословіе края въ такое положеніе, чтобы оно никогда, или

---

[12] Три орта составляютъ ходящій въ обращеніи талеръ на чистыя деньги.

только изрѣдка, нуждалось въ пособіи, ограничить (не перестану повторять того) вредный произволъ большихъ господъ, опредѣлить навсегда барщину, извозъ и оброки, тогда бы и пахаря никогда не сталъ гнести недостатокъ въ произведеніяхъ поля, и самый помѣщикъ получилъ бы ту выгоду, что былъ бы въ состояніи съ покойною совѣстью располагать всею своею жатвой.

Для этой послѣдней выгоды въ разныхъ помѣстьяхъ сдѣлали учрежденія, которыя, пожалуй, покажутся благодѣяніями, но въ сущности это выдумка лукаваго корыстолюбія. Нѣкоторые помѣщики подарили своимъ крестьянамъ двѣсти мѣръ пшеницы, т. е., отдали имъ ее навсегда въ пособіе. [13] Этотъ фондъ сберегается въ ихъ особенномъ магазейнѣ, отъ котораго одинъ ключъ у господина, а другой у крестьянскаго старосты. Каждый домохозяинъ изъ крестьянства долженъ ежегодно давать пару лоофовъ пшеницы, для достаточнаго увеличенія количества на ссуду, да, кромѣ того, долженъ еще вносить приплату или пользу, когда сколько ни будь займетъ изъ магазейна. Такъ гдѣ же тутъ благодѣяніе? Одинъ только помѣщикъ въ выгодѣ отъ этого учрежденія, по тому что онъ сваливаетъ съ себя найбольшую часть пособія, которое обязанъ оказывать своимъ крестьянамъ, и накладываетъ на нихъ же. У крестьянина стало больше однимъ новымъ тяжелымъ налогомъ, а господинъ безъ всякихъ ограниченій можетъ располагать всей своею жатвой сполна. Кто знаетъ, что какой ни будь будущій помѣщикъ, либо самъ мнимый благодѣтель, когда ни есть объявитъ еще безполезнымъ и это учрежденіе, уничтожитъ его, опять приметъ на себя ссужать крестьянъ, и для того отберетъ магазейнъ себѣ со всѣми хлѣбными взносами. [14] По крайней мѣрѣ, онъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, по тому что учрежденіе не утверждено законнымъ образомъ, а крестьяне

---

[13] Кому надо было каждый годъ занимать четыреста мѣръ или лоофовъ, тотъ постоянною суммою на ссуду назначилъ около 200 мѣръ.

[14] По крайней мѣрѣ, помѣщикъ Ан..... въ 1795 году самовольно и безъ вѣдома крестьянъ продалъ изъ магазейна нѣсколько сотъ мѣръ, чтобы, по его словамъ, и крестьяне имѣли выгоду отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы ему не надобно ужь больше было дѣлать имъ пособія деньгами.

не посмѣютъ жаловаться. Правду сказать, одинъ изъ необходимѣйшихъ законовъ былъ бы такой, который запрещалъ бы Дворянамъ дѣлать благодѣянія, то есть, денежные обороты.

Если такіе магазейны должны имѣть нѣкоторую пользу, то пусть, по крайней мѣрѣ, займы уплачиваются безъ прибавки. Обѣщаютъ, что такъ и будетъ, какъ скоро выжмутъ у крестьянъ столько хлѣба, сколько требуютъ ежегодныя ихъ нужды. Боюсь только, что тогда явятся другіе обороты, на которые и пойдетъ остальное количество хлѣба.

6. Въ 1765 году, въ эту пору, которая такъ богата доброжелательными намѣреніями и такъ бѣдна благотворными послѣдствіями, возобновлено и повелѣніе Густава Адольфа, что всякой «крестьянинъ, потерпѣвшій большую несправедливость, имѣетъ право жаловаться въ Судахъ.» Этотъ старинный законъ былъ вовсе недѣйствителенъ и забытъ, и Латыши были до такого же безсилія опутаны Дворянскими правами, какъ муха въ сѣтяхъ у паука.

Что думаютъ и чувствуютъ мои читатели по случаю этого возобновленнаго права народа? Стало быть, только теперь позволяется полезнѣйшимъ гражданамъ Государства умолять о защитѣ, когда насильственная каста, поселившаяся возлѣ нихъ, выдумала новыя хищенія, или новыя муки? Человѣку въ пыткѣ позволено визжать, когда ужь онъ готовъ изнемочь отъ боли? Мучимое животное старается спастись, защищаться, отмстить, и его усилія признаются справедливыми. А человѣку, гражданину образованнаго Государства, кормильцу его, первоначальному господину страны, сдѣлавшейся теперь позорищемъ его мукъ и подавленія, не дозволялось искать спасенія? Молча и терпѣливо онъ долженъ былъ пресмыкаться подъ пятою и бичомъ своихъ сильныхъ разорителей; даже побѣгъ отъ несчастія былъ, да и теперь также, преступленіе, въ высшей степени заслуживающее наказанія. [15] Онъ могъ только вздыхать, да и то тихо, и умирать съ голоду.

[15] Дворяне, имѣя въ рукахъ власть жестоко наказывать за побѣгъ, думаютъ, въ полной увѣренности, что это дѣйствительное преступленіе. Это значитъ заключать точно

И наконецъ, что толку въ этомъ позволеніи, которое только позоритъ вѣкъ и Государство? Къ сожалѣнію, когда кто ни будь изъ Латышей подастъ жалобу въ Судъ, между ними вошло въ обыкновеніе выражать это поговоркой: «Онъ пошелъ за розгами.»

Розги и въ самомъ дѣлѣ наказаніе поселянъ, подающихъ не кстати жалобу; да и будутъ и должны быть послѣдствіемъ девяти десятыхъ всѣхъ крестьянскихъ жалобъ, пока крестьяне не получатъ дѣйствительныхъ правъ, и пока ихъ судьями останутся помѣщики.

Чувствуя, что въ отношеніи къ нему оскорблены священнѣйшія права человѣчества и собственности, несчастный рабъ бросается въ, установленный для защиты его, Судъ. Онъ всматривается, но увы! тѣ, которые бы должны были пособить ему—родственники, либо друзья, его притѣснителя. Они сами принадлежатъ къ той породѣ людей, которые стираютъ въ прахъ его народъ и на которыхъ онъ привыкъ уже смотрѣть съ робостью. Уже ихъ строгое Султанское выраженіе лица сказываетъ, чего ожидать ему отъ людей, можетъ быть, также сознающихъ себя виновными въ преступленіи, которое должны теперь наказывать. Дрожа и запи-

---

также, какъ заключалъ славной памяти Панглосъ: «Такъ какъ мы носимъ сапоги, то ясно, что ноги созданы только для надѣванія сапогъ.». Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы сталъ вооружаться противъ такого всеобщаго, какъ и бѣдственнаго, предразсудка. Пусть говоритъ вмѣсто меня Философъ, соединяющій въ нашъ вѣкъ огромную истинную ученость съ глубокомысліемъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ: «L'homme n'est pas né pour la servitude. L'esclave volontaire est un lâche, mais aucun lien n'enchaine licitement un esclave involontaire. Celui, qui ne peut le briser par la force, est innocent, s'il s'en délivre par la fuite et son prétendu maitre est un tiran, s'il punit une action autorisée par la nature.» Надобно перевести это важное мѣсто: «Человѣкъ не рожденъ для рабства. Добровольный рабъ презрѣнное созданіе; но ни какіе узы законно не связываютъ невольнаго раба. Кто не можетъ силою разорвать своихъ цѣпей, невиненъ, если стряхнетъ ихъ съ себя побѣгомъ, и его мнимый господинъ—тиранъ, если онъ наказываетъ за проступокъ, къ которому уполномочиваетъ природа.....»

Рейналь, Истор. философ. обѣихъ Индій.

наясь, онъ излагаетъ свою жалобу самъ лично, по тому что рабъ не можетъ имѣть ходатая по дѣламъ. [16] А соперникъ его выставляетъ человѣка, набившаго себѣ руку въ самыхъ тонкихъ плутняхъ крючкотворства. Тысяча хитрыхъ вопросовъ кидаются на просителя, у котораго и безъ того ужь едва стаетъ смѣлости говорить, вдругъ онъ проронилъ что ни будь такое, что ставитъ его дѣло совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ надобно, и, благодаря тому, могутъ сдѣлать его виноватымъ. Либо начнутъ изслѣдывать его дѣло подробнѣе, и вотъ открывается, что вовсе не существуетъ еще постановленія, и безъ того уже совсѣмъ не извѣстнаго для бѣдняка, которое бы запрещало помѣщику его насильственный съ нимъ поступокъ: слѣдовательно, крестьянинъ «temere litigans» * и, стало быть, достанетъ себѣ розги.

Вотъ ходъ, принимаемый въ Ливоніи всѣми крестьянскими тяжбами; да и можетъ ли быть иначе, пока разсказанныя обстоятельства останутся такими же, особливо же пока крестьяне будутъ полными невѣждами относительно своихъ дѣйствительныхъ обязанностей? Правда, что прежде они знали въ подробности свои оброчныя, или повинностныя, книжки, особенно же имъ было извѣстно, какія требованія отмѣнены Дворянами въ 1765 году.

---

[16] Ему ни кто не смѣетъ давать и совѣта. Такъ какъ Указъ повелѣваетъ наказывать, какъ возмутителя, всякаго подстрекателя крестьянъ къ волненіямъ и непокорности господамъ, то и примѣняютъ это приказаніе ко всѣмъ, кто только поможетъ имъ въ самомъ справедливомъ дѣлѣ, или наставитъ ихъ, какъ искать правосудія. Благоразумно, что не даютъ крестьянину разоряться на расчеты съ Стряпчими, или сбивать его съ пути безпокойнымъ головамъ. Но за чѣмъ судятъ его Дворяне, да ещё по законамъ, которыхъ онъ не знаетъ? Этому хотѣла пособить высокая Монархиня, какъ и покажетъ 7-ое народное право; не знаю только, по чему не удалось Ея намѣреніе. Теперь Латыши въ Государственномъ устройствѣ, какъ въ темницѣ, точно жертвы, обреченныя Дворянскому любостяжанію, отрѣзанныя даже отъ всякаго участія безпристрастныхъ людей. Какъ нельзя заглянуть попристальнѣе за стѣны Бастиліи, или инквизиціонной темницѣ, не подвергаясь опасности самому быть запертымъ туда, такъ и въ Ливоніи не возможно съ живымъ участіемъ заниматься бѣдствіемъ рабовъ, не прослывъ за безпокойную голову, или за переряженнаго Якобинца, и не подвергнувшись самому сильному гоненію при первомъ поводѣ къ тому.

* Юридическое выраженіе: «приносящій незаконную жалобу.»

Они, по крайней мѣрѣ, были въ состояніи различать, законна, или не законна, сдѣланная имъ несправедливость. Но съ той поры, когда Дворянство великодушно приняло на себя уплату подушныхъ податей, обычай и оброчная книжка не имѣютъ уже больше ни какого значенія. Одинъ старикъ крестьянинъ, котораго я спросилъ, «въ чемъ собственно заключались его повинности? отвѣчалъ: «въ томъ, что попускается Богомъ и угодно милостивому господину.»

Постановленія Правительства слѣдовало обнародовать для крестьянъ въ церкви. Такъ это и было сдѣлано; но такъ какъ въ праздничные дни надобно бываетъ прочитывать множество старыхъ такихъ же, и давно уже не соблюдаемыхъ, приказовъ, то проповѣдникъ, произноситъ ихъ невнятно, а крестьянинъ не понимаетъ въ нихъ ни чего. Для него это все то же, что слушать на незнакомомъ языкѣ Евангеліе, которое онъ не можетъ понять. При томъ же недоразумѣнія такъ часто пояснялись розгами, что крестьянину лучше совсѣмъ не брать въ толкъ всякихъ льготныхъ приказовъ. Да и не правъ ли онъ, по тому что лучше хочетъ остаться не посѣченнымъ, чѣмъ кряхтѣть подъ своимъ ярмомъ съ растерзанной спиной?

Всѣ, какіе бы то ни было благодѣтельные Указы, должны оставаться безъ дѣйствія, пока не дадутъ Латышамъ печатной оброчной или обязательной книги, какъ въ Асгераденѣ, и пока, для наблюденія за ихъ правами, не учредятъ Судовъ, къ которымъ они могли бы имѣть безпредѣльное довѣріе. Это и было въ мысляхъ Екатерины, когда она при учрежденіи Намѣстничества,

7-е, установила два Суда, которыхъ Предсѣдатель хотя и Дворянинъ, имѣетъ однако же при себѣ простыхъ крестьянъ въ качествѣ Засѣдателей. Во всякомъ Намѣстничествѣ есть Верхняя Управа и въ каждыхъ двухъ Округахъ Нижняя Управа. Въ Засѣдатели каждое казенное помѣстье ставитъ двоихъ, или многихъ, кандидатовъ, изъ которыхъ Фохтъ Окружнаго города выбираетъ кого ему угодно. Изъ всѣхъ мѣръ, какія только можно придумать для возвращенія рабамъ мужества и самоуваженія, всего дѣйствительнѣе сдѣлать для нихъ свободною дорогу къ почетнымъ должностямъ, по тому

что устраненіе отъ всякаго возможнаго стремленія къ тому главное, что роняетъ духъ низшихъ сословій и портитъ ихъ свойства, особливо, когда они составляютъ народъ, отличный отъ высшихъ сословій. Дайте крестьянину надежду на полученіе почестей и важнаго значенія въ Государствѣ, не поставляя его въ необходимость покидать для того свое званіе; заставьте его видѣть въ томъ свою выгоду, снискивать для того общественное довѣріе, и вскорѣ изъ крестьянскихъ хижинъ выйдутъ Фабриціи, Камиллы и Юстины. Тогда вернутся назадъ и любовь къ отечеству и всѣ мужескія добродѣтели древности, почитаемыя погибшими, по тому что онѣ слишкомъ грубы для утонченныхъ высшихъ сословій, а низшія вовсе не заохочены къ тому, чтобы упражняться въ нихъ. Дерево человѣческаго рода облагородится отъ самыхъ его корней, придетъ опять въ свою первую силу.

Упомянутыя мѣста Засѣдателей, разумѣется, не доставляютъ ни значенія, ни вѣса въ Государствѣ, но все же они принесутъ великую пользу. По крайней мѣрѣ, хоть издалека, они напомнятъ членамъ всѣхъ сословій, что они дѣти одного отечества, сограждане, а высшія сословія, особливо въ Монархическомъ Государствѣ, забываютъ это легко и охотно. Они могутъ быть основою такого Государственнаго устройства, которое всѣмъ даетъ одинаковыя права. Если прибавимъ еще къ тому, что лучше всего любятъ судиться равными себѣ, и судятся съ большимъ знаніемъ и справедливостью; подумаемъ, что знанія въ законахъ ни коимъ образомъ нельзя распространить между крестьянами скорѣе и повсемѣстнѣе, какъ только тѣмъ, когда люди поумнѣе изъ нихъ будутъ различное время заниматься законами практически и потомъ отсылаться на родину,[17] и мы проникнемся живѣйшимъ удивленіемъ къ Государынѣ, которая, между многочисленными средствами для сохраненія о себѣ благоговѣйнаго воспоминанія у будущихъ столѣтій, не упустила и этой мѣры.

Къ несчастію, при этомъ учрежденіи есть одно обстоятельство, очень ограничивающее благотворное его дѣйствіе. Крестьянскіе

---

[17] Этѣ должности, какъ и всѣ Засѣдательскія мѣста въ Русской Имперіи, даются только на три года, а по истеченіи этого срока бываютъ новые выборы.

Засѣдатели избираются только изъ казенныхъ крестьянъ, и говорятъ только въ случаѣ дѣлъ по казеннымъ деревнямъ. Не знаю, такова ли первоначальная воля Императрицы, или это ея измѣненіе. [18] Но ясно, что бѣдные помѣщичьи крестьяне не извлекутъ изо всего учрежденія ни какой пользы; а между тѣмъ они составляютъ девять десятыхъ частей народа, при томъ несчастнѣе и угнетеннѣе всѣхъ. [19] Учрежденіе Намѣстничествъ могло бы расторгнуть, по крайней мѣрѣ, десятую долю ихъ оковъ, но и этотъ благородный лучъ только скользнулъ по нимъ. Не замѣтили всего ярма, которое лежитъ у нихъ на шеѣ и вдавливаетъ ихъ такъ глубоко въ грязь, какъ будто за тѣмъ, чтобы совсѣмъ было невидать ихъ.

При выборѣ этѣхъ крестьянскихъ Засѣдателей такъ мало согласуются съ намѣреніями Императрицы, что одинъ Рижскій Пономарь шесть лѣтъ просидѣлъ въ этой должности. Такой человѣкъ съ колокольни, да изъ городскихъ кабаковъ, едва ли распространитъ много просвѣщенія между своимъ народомъ. Впрочемъ, положеніе Ливонскихъ Засѣдателей ни пріятно, ни почетно. Они получаютъ только сто рублей содержанія, а презрѣніе, въ какомъ находится ихъ народъ, пристало и къ нимъ. Въ Судѣ состоятъ они въ приказаніяхъ у Секретаря, и если, слѣдуя постановленію, пригласятъ ихъ въ другіе Суды для постановленія «justitium mixtum» (смѣшеннаго суда) по дѣламъ казенныхъ крестьянъ, то не

---

[18] Въ соразмѣрности очень мало казенныхъ деревень въ Ливоніи, да еще пожалованія уменьшаютъ ихъ число ежегодно, а отъ того и упомянутымъ Судамъ цѣлый годъ почти нечего дѣлать. Это обстоятельство и много другихъ дѣлаютъ вѣроятнымъ, что судопроизводство Управъ сначала простиралось на всѣхъ крестьянъ.

[19] Еще со временъ Карла XI-го положеніе казенныхъ крестьянъ гораздо лучше положенія помѣщичьихъ рабовъ. Ихъ рабочія повинности и оброки опредѣлены постоянно, и особенный окружной Коммисаръ обязанъ защищать ихъ отъ всякаго притѣсненія. Но этѣ господа сами начинаютъ брать въ аренду казенныя помѣстья. Ихъ предоставляютъ имъ охотно, по тому что они въ состояніи заплатить арендную плату выше всякаго другого, такъ какъ дѣлаютъ надъ беззащитными почти крестьянами такіе же ужасы, какіе обыкновенны въ помѣщичьихъ деревняхъ.

подаютъ имъ даже и стула; для вида только спрашиваютъ у нихъ и мнѣнія. Они должны только подписывать, зажигать свѣчу для приложенія печати, подавать плащи и обтирать сапоги у Нѣмецкихъ Засѣдателей и писцовъ. Если же у кого ни будь изъ нихъ и станетъ на столько смѣлости и чувства достоинства, чтобы вооружиться противъ такого обхожденія, его тотчасъ же отставятъ, какъ безпокойнаго человѣка, и, можетъ быть, онъ будетъ еще радъ, что вернется домой, не получивъ палокъ.

8. «Въ болѣзняхъ, особливо прилипчивыхъ, Окружные Лѣкари и Хирурги, получающіе изъ казны жалованье, обязаны оказывать пособіе крестьянамъ наравнѣ съ другими неимущими.»

По проекту учрежденія Намѣстничествъ, всякой Округъ долженъ имѣть 30,000 человѣкъ, но нѣтъ почти ни одного, въ которомъ не было бы, по крайней мѣрѣ, 50,000, и между ними надобно полагать среднимъ числомъ 40, или даже до 45, тысячъ крестьянъ. Такъ какъ на такое число народа полагается только одинъ Лѣкарь и два Хирурга, то всякому бросится въ глаза, что этѣ люди только и могутъ заниматься казенными крестьянами. Да и этѣхъ пользуютъ такъ плохо, что Латыши обращаются къ нимъ только съ крайнимъ отвращеніемъ. Лѣкарь почти никогда и не посѣщаетъ своего больнаго изъ Латышей, а прописываетъ, по словамъ невѣжды посланнаго, какое ни будь лѣкарство, которое ужь очень хорошо, если не дѣлаетъ прямаго вреда, по тому что тогда можетъ, по крайней мѣрѣ, безпрепятственно дѣйствовать неиспорченная крестьянская природа. Въ сущности нельзя и осуждать этѣхъ людей за такіе поступки. При ничтожномъ жалованьѣ, они должны жить своими Нѣмецкими больными, по тому что крестьянину не чѣмъ заплатить и за лѣкарство, не то что уже Лѣкарю. Да и Округи такіе обширные, что Лѣкарямъ часто надо бываетъ дѣлать дорогу въ нѣсколько дней, чтобы взглянуть на одного только больнаго. Съ другой стороны тоже очень естественно, что крестьянинъ больше довѣряетъ своимъ Ливонскимъ и Нѣмецкимъ обманщикамъ, нежели Лѣкарю, и что все это распоряженіе становится безплоднымъ.

Крестьяне частныхъ лицъ, даже въ заразительной болѣзни, не имѣютъ другого пособія, кромѣ господскаго двора, который беретъ Лѣкаря чрезвычайно рѣдко, развѣ только по случаю оспопрививанія; обыкновенно шарлатанитъ онъ самъ. Какъ прежде Англійскіе Короли, тотчасъ послѣ коронованія, считались за безошибочныхъ врачей золотухи, такъ точно и всякая Дворянка, въ качествѣ помѣщицы, считаетъ себя привилегированною лѣкаркою. Она обзаведется ревенемъ, рвотнымъ и т. д., и тогда горе больнымъ ея вотчины! Надобно, чтобы ихъ тошнило, или слабило, смотря по тому, чего больше запасено, ипекакуаны, или ревеню. [20] Часто бываютъ такіе случаи, которые вызвали бы ядовитый смѣхъ, если бы не была тутъ игрушкою жизнь человѣка.

Одна крестьянка опасно поранила серпомъ грудь себѣ, и получила отъ раны лихорадку. Госпожа ея, Баронша * слыхала часто, что въ лихорадкѣ хорошо помогаетъ рвотное; вотъ она и дала больной ипекакуаны, и удвоила пріемъ, когда лихорадка возвратилась опять. При усиленномъ напряженіи къ рвотѣ, порвалась перевязка, наложенная горничной, и больная изошла кровью.

Въ другомъ помѣстьѣ попросили лѣкарства для одной опасно больной въ такую пору, когда госпожа садилась въ коляску, чтобы ѣхать въ дорогу. Велѣно было ключницѣ дать больной очень сильнаго порошка, почти на червонецъ вѣсомъ. У доброй женщины не было подъ рукой червонца, однако жь она съумѣла пособить горю. Она взяла денежную сумму червонца въ пятакахъ (двухгрошовая монета), добросовѣстно скинула, что приходилось лишняго противъ цѣны червонца, и отвѣсила больной смерть.

Подобныя трагическія исторіи, разумѣется, случаются во всѣхъ странахъ; но убійственные пачкуны больныхъ тамъ преслѣдуются и наказываются судебнымъ порядкомъ. Въ Ливоніи же вполнѣ дозволяется господину залѣчивать до смерти своихъ

---

* «Я дала больному ялаппы,» сказала мнѣ однажды Г-жа Л., «по тому что хина была у меня подъ исходъ.»

крестьянъ, точно своихъ собакъ, или дворовой скотъ. Только со стороны бываетъ видно, что онъ сталъ однимъ человѣкомъ бѣднѣе. При такомъ случаѣ помѣщикъ остается вполнѣ равнодушнымъ, кромѣ только потери. А чтобы чувствовать угрызеніе совѣсти, ему надобно быть увѣреннымъ, что Латыши подобныя ему созданія; онъ, разумѣется, и не отвергаетъ этого, точно такъ же, какъ и того, что Валаамова ослица могла говорить; однако жь такъ же мало и вѣритъ тому.

Вотъ одно событіе, которое всего яснѣе показываетъ образъ мыслей Дворянъ въ этомъ отношеніи. Въ М..... двѣ дѣвицы заразились отъ солдатъ Французской болѣзнью. Помѣщикъ обратился къ Лѣкарю. Къ несчастію, этотъ потребовалъ двумя талерами больше той цѣны, въ какую помѣщикъ, по его мнѣнію, ставитъ барщинную работу дѣвушекъ.[21] Онъ, сіяющій на листахъ всякихъ подписокъ и всеобщій покровитель Дворянъ, по случаю достаточной населенности его вотчины, рѣшился на удобнѣйшую мѣру—изгнать несчастныхъ дѣвушекъ за границу ихъ деревни, запретивъ имъ возвращаться въ отцовскую хижину, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія. Не знаю, сгнили ли онѣ совсѣмъ, или умерли съ голоду. Вѣроятно, сжалились надъ ними Судебныя Мѣста.

У зажиточныхъ и, надобно замѣтить, у больныхъ Дворянъ нынѣ входитъ въ обыкновеніе приглашать Лѣкарей для себя и своихъ крестьянъ. Часто также заставляютъ прививать дѣтямъ оспу, по тому что она обезлюдила очень нѣкоторые Уѣзды.

Вотъ и весь перечень народныхъ правъ въ Ливоніи, самый убогій, какой только можно представить въ какомъ угодно Государствѣ благоустроеннаго свѣта. Не моя вина, повторяю, что онъ вышелъ больше образчикомъ неправды и лукавства, нежели памятникомъ просвѣщенной кротости и справедливости; говоря по правдѣ, не виновато въ томъ и Правительство. Неблагодарно было бы не отдавать справедливости благотворному намѣренію

[21] 25 талеровъ за содержаніе и пользованіе.

его постановленій; однако жь все же они еще не настоящія улучшенія. Они неудачныя попытки, потерянныя старанія, пока не сдѣлано будетъ послѣдняго рѣшительнаго шага, пока не избавятъ Латышей отъ произвола Дворянства и не дадутъ имъ, хоть и не тотчасъ, свободы, по крайней мѣрѣ, права выкупать ее. Чтобы геена не истерзала свою жертву, надо не отрѣзывать у ней когти, которые опять выростутъ, а отнять у ней жертву и связать ее.

Пока не будетъ того, ни чего еще не сдѣлано. Только дѣйсвительная свобода Латышей можетъ дать силу приказаніямъ Правительства и отчасти сдѣлать ихъ не нужными. Когда Дворяне перестанутъ быть сами исполнителями Правительственныхъ распоряженій, когда они не будутъ уже самовольно уклоняться отъ самыхъ благотворныхъ изъ нихъ, или обращать ихъ въ притѣсненія, когда право и законъ будутъ существовать и для крестьянъ, тогда Правительство можетъ счастливить страну безъ всякаго препятствія и обмана. Когда Латышъ поднимется до настоящаго гражданина Государства, или когда дадутъ ему средства на это, тогда уже больше не нужно будетъ постановлять, чтобы его собственность принадлежала ему, или что поданный можетъ искать защиты у своего Правительства. Не будетъ нужно образовывать его понужденіями за азбуками. Въ потѣ лица онъ доберется и до благосостоянія, и до просвѣщенія, и до свободы. Латышскій народъ возродится, будетъ украшеніемъ Русскаго Царства, къ чему, кажется, и назначила его мѣстность его страны. Благородный Баронъ Шульце указалъ дорогу. Отъ чего жь бы не ити по слѣдамъ его?

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ВЗГЛЯДЪ НА БУДУЩЕЕ.

Der Mensch ist mehr, als jene von ihm halten,
Mit stolzem Hohngelächter wird er einst
Auf des Gebäudes morscken Trümmern gehn
Das ihm zum Grabe zugedacht gewesen.

Schiller im Dom Carlos.

Со слезами на глазахъ мы отворачиваемся отъ несчастія, котораго смягчить намъ нечѣмъ. Въ долгую засуху поселянинъ тщательно высматриваетъ и толкуетъ всякую примѣту, всякое явленіе, чтобы въ неясныхъ признакахъ открыть надежду на лучшіе дни: таково же единственное утѣшеніе безсильнаго друга человѣчества, которому нечѣмъ другимъ пособить благу своихъ согражданъ, какъ только одними желаніями. Отвернемъ же и мы наши взоры отъ могилы человѣчества въ Ливоніи на встрѣчу будущему. Постараемся отгадать, когда же, наконецъ, просіяетъ великій день воскресенія къ человѣческому достоинству для мертвыхъ, кажется, осужденныхъ сдѣсь на вѣчное тлѣніе. Наблюдаю, сравниваю и содрогаюсь! Мое отечество, любезное отечество! И для тебя прійдутъ болѣе счастливые дни; но страшныя потрясенія будутъ ихъ предтечею. Они уничтожатъ тебя, можетъ быть, на цѣлые вѣка, или навсегда, если мудрости Русскихъ Государей не будетъ угодно отвратить ихъ.

«Перемѣна и возвращеніе назадъ»—въ этѣхъ словахъ содержаніе исторіи міра, такъ же, какъ и отдѣльныхъ людей и на-

родовъ. Народы выбираются изъ пропасти самаго непроходимаго невѣжества на яркій свѣтъ образованности, и, ослѣпленные, съ самой высокой степени просвѣщенія спускаются опять въ полуночную тьму. Они опрокидываютъ своихъ порочныхъ боговъ съ алтарей, ищутъ духа вселенной въ храмѣ природы путемъ разсудка, ограниченнаго только самимъ собою,—и опять простираются передъ образами сумазбродныхъ святомъ. Они куютъ себѣ оковы, ломаютъ ихъ, воюютъ со всѣмъ свѣтомъ, для защиты своей свободы, а потомъ опять съ равнодушною шутливостью даютъ обвить себя пригнетающимъ ихъ цѣпямъ. Нѣтъ ни одного народа, который не былъ бы рабомъ [1] и не будетъ имъ когда ни будь. Нѣтъ ни одного рабскаго народа, который когда бы то ни было, въ чувствѣ гордости, не считалъ себя самымъ благороднымъ, по тому что былъ всѣхъ свободнѣе, и который опять когда ни будь не надѣлаетъ за независимость великихъ дѣлъ, способныхъ удивить міръ, или навлечь на него проклятіе.

Чтобъ доказать это, мнѣ не нужно указывать на могилы Брутовъ и Тарквиніевъ, Аристогитовъ и Пизистратовъ. Это одинъ и тотъ же урокъ, повторяемый для насъ каждымъ столѣтіемъ. Не видалъ ли даже и нашъ вѣкъ, какъ самый многочисленный народъ въ Европѣ смѣнилъ свою терпѣливую глупость овцы, прыгающей даже въ хлѣву у мясника, на дикое бѣшенство тигра, и по грудѣ труповъ проложилъ себѣ дорогу къ свободѣ? Не видѣлъ ли, наоборотъ, самый свободный Европейскій народъ, какъ побѣги его народныхъ правъ одинъ за другимъ блекли и сохли? Не видѣлъ ли и самый неподатливый народъ, какъ край его обращался въ пашалыки неограниченной Монархіи? Стало быть, и Латышскій народъ ожидаетъ пора переворота, когда онъ со славою можетъ поднять изъ своего ничтожества, изъ праха рабства, и точно паутину разорвать оковы своихъ жестокихъ Дворянъ. Онъ найдетъ себѣ Тимолеоновъ, которые выбьютъ своихъ царьковъ изъ страны, если этѣ сами не перестанутъ быть такими.

---

[1] Можетъ быть, кромѣ Американскихъ дикарей. Говорю: можетъ быть, по тому что мы не знаемъ ихъ исторіи.

Сами Дворяне не отвергаютъ, что положеніе Латышей перемѣнится когда ни будь. Пусть унижаютъ ихъ, сколько угодно, все же составляютъ они одинъ народъ, одно цѣлое, дремлющая сила котораго когда ни будь должна будетъ развиться съ страшною дѣятельностью, если не дадутъ ей направленія до той поры, пока она сама отыщетъ себѣ дорогу. Дворяне также утверждаютъ, что хотятъ даже образовать Латыша на столько, чтобы онъ не годился въ рабы къ нимъ. Хотя они и сожалѣютъ, или надѣются, что это время еще далеко, только хотятъ подготовлять его, разумѣется, по своему и какъ для нихъ выгоднѣе. Дѣти ихъ примутъ изъ рукъ ихъ это важное дѣло и опять оставятъ своимъ потомкамъ такой же случай къ благодѣянію. Хотятъ работать вѣчно надъ этѣмъ дѣломъ, въ пріятной надеждѣ, что оно никогда не состоится. Отъ того-то больше и стараются задерживать ходъ народа, нежели ускорять. По тому что, говорятъ, всего полезнѣе непробудный сонъ рабства только по немножку измѣнять въ легкую утреннюю дремоту, и потомъ уже обратить въ веселое пробужденіе.[2] Глупая затѣя! Народный духъ въ его возстаніи точно такъ же нельзя водить на по мочахъ, какъ и стихіи. Онъ можетъ взволноваться и раздражиться ни изъ чего, и точно бушующій ручей сломаетъ ребяческія препоны, которыя поставятъ противъ его теченія. Посовѣтуемся съ исторіей: она научитъ насъ, близко ли такое пробужденіе для Латышей, и каковы будутъ его послѣдствія.

Народъ не тогда созрѣваетъ для переворотовъ и отчаянныхъ предпріятій, когда его несчастіе дойдетъ до самой крайней степени, но когда живѣе чувствуется существующая сумма этого несчастія: это пора, не всегда совпадающая съ первой порой, но обыкновенно слѣдующая за нею, и по причинамъ, весьма понятнымъ. Самое крайнее несчастіе притупляетъ мужество и ошеломляетъ. Всякаго такъ занимаютъ свои настоящія бѣды и нужды, что ему нѣтъ возможности взглянуть на всеобщее горе, или на будущность. Но въ первое промежуточное время, дозволяю-

[2] Положимъ, вы правы; но не уже ли еще не пора спугнуть домоваго съ постели спящаго, чтобы, вмѣсто того, прилетѣли утреннія грезы?

щее мыслящему существу перевести духъ и одуматься, онъ ободряется и строитъ планы, чтобы обезопасить себя на случай возвращенія бѣды. Въ одно мгновеніе подмѣчаетъ онъ, какъ разгарается сердце у тысячи его собратій, и эта горячность увлекаетъ ихъ къ дѣламъ, возможности которыхъ они не могли и понять до сихъ поръ. Отъ того-то Римскіе патріоты точатъ кинжалы не на свирѣпаго Суллу, а на человѣчнаго Цезаря. На гильотину повлекли не XIV ложно великаго Людовика, при которомъ Франція чуть не умирала съ голоду во время войны за наслѣдство, да и не XV же, который барышничалъ первыми потребностями своего народа, а человѣколюбиваго, но слабаго, XVI. Въ самой Ливоніи всякое возстаніе зачиналось въ болѣе зажиточныхъ крестьянскихъ общинахъ, когда приходило имъ въ голову, что надобно опасаться новаго притѣсненія. [3]

Исторія учитъ насъ, что всякой народъ, въ усовершенствованіи своего гражданскаго устройства и развитіи своего духа, достигаетъ трехъ степеней, на которыхъ всего искреннѣе чувствуетъ свое бѣдствіе, а также и свою силу, и, слѣдовательно, не перестаетъ никогда искать лучшаго положенія себѣ въ успѣшныхъ, или неудачныхъ, стремленіяхъ. Согласно съ тѣмъ, только три рода настоящихъ возстаній, а именно: возстаніе народа, или лучше его Дворянства, противъ одного тирана; возстаніе одной части народа на другую, т. е., притѣсненныхъ сословій на ихъ притѣснителей; возстаніе всего народа противъ недостаточнаго Государственнаго устройства, при чемъ за недостатки его, разумѣется, должны бываютъ расплачиваться лица, облеченныя властью, какъ представители этого устройства. [4]

---

[3] Что же изъ того слѣдуетъ? «Что надо угнетать крестьянъ такъ жестоко, чтобы они обезсилѣли?» Надѣюсь, что моими читателями будутъ люди, а не дьяволы. Да и теперь это будетъ только средствомъ ускорить взрывъ отчаянія. Нѣтъ, изъ того научаются, что всякое частное улучшеніе—потерянный трудъ. Состояніе крестьянъ надо преобразовать вполнѣ, и думаю, что пора ужь наконецъ.

[4] Французская революція, которая, собственно, вся принадлежитъ къ послѣднему разряду, представляетъ, однако жь, намъ всѣ три рода въ обратномъ порядкѣ: обращеніе созванныхъ Чиновъ въ народное собраніе, уничтоженіе и изгнаніе

Всѣ безъ исключенія народы, разумѣется, не представляютъ намъ страшной картины всѣхъ трехъ родовъ переворотовъ. Одни, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, послѣ переворота перваго рода, достигаютъ цѣли послѣдняго, республиканскаго образа правленія; нѣкоторыхъ благоразуміе правителя направило на истинный путь съ первой, или второй, степени; иные послѣ перваго внезапнаго переворота были уничтожены внѣшнею силой. Но если такія волненія вспыхиваютъ не всегда, или не однимъ и тѣмъ же образомъ, то, однако жъ, каждое само по себѣ коренится также прочно въ человѣческой природѣ, какъ и землетрясеніе въ природѣ нашей планеты. Не будетъ излишнимъ разсмотрѣть путь, ведущій къ каждой изъ означенныхъ степеней.

Только что потребность возникшаго недавно гражданскаго общества отдала власть надъ нимъ и соблюденіе закона одному лицу, это лицо научается уже употреблять во зло и то и другое. Оно—верховный судія народа; но высшій законъ, которому онъ слѣдуетъ—его воображеніе и прихоть. Онъ—верховный вождь, но ведетъ свой народъ къ тому только, чтобы успѣть въ своихъ самолюбивыхъ замыслахъ. Для него нѣтъ ни чего святаго и драгоцѣннаго, только бы осуществить ихъ. Отдѣльный человѣкъ и весь народъ въ его глазахъ совсѣмъ не самостоятельный; они только члены не Государства, а заведеннаго механизма его властолюбія. Онъ смѣло говоритъ имъ обоимъ, какъ Греческіе вожди передъ Троей:

Οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ ἐναρίθμιος οὐτ' ἐπὶ βουλῇ.

Значащимъ ты никогда не бывалъ ни въ бояхъ, ни въ совѣтахъ.

Такъ тащитъ онъ народъ на бой, для отмщенія за похищеніе жены, или для расширенія своего поприща, или только для снисканія славы. Напоминаніе о первоначальномъ договорѣ между

Дворянства, паденіе тирана Робеспьера. Впрочемъ, очевидно, что я слово «возстаніе» употребляю въ самомъ благородномъ значеніи—«великое соединеніе народа для общаго благо.»

[5] Въ теченіе тысячелѣтій одно и то же положеніе приноситъ опять одинъ и тотъ же образъ дѣйствій.

народомъ и Государемъ для него ужь непростительное преступленіе. Ему хочется, чтобы все имѣло одну цѣль, одну волю, одинъ духъ и одинъ желудокъ, а именно волостельскій. Таковы самыя раннія времена Греціи и Рима и всѣхъ древнихъ народовъ стараго міра. Но отдѣльный человѣкъ живетъ еще слишкомъ разрозненно въ малолюдномъ царствѣ; у него слишкомъ еще мало растлѣвающихъ удовольствій и разсѣянія, по случаю небольшаго развитія искуствъ; такъ часто бываетъ еще нужна ему личная тѣлесная и духовная сила, что не всѣ же приходятъ въ безсиліе подъ своимъ игомъ и не совсѣмъ позабываютъ свое достоинство и право. Только что жестокій властитель обидитъ какого ни будь вельможу, этотъ берется за саблю, и электрическій ударъ прохватываетъ весь народъ. Одно мгновеніе рѣшаетъ судьбу Ромуловъ, Тарквиніевъ, Фаларисовъ, Христіерновъ, и сводитъ ихъ съ престола, если еще не въ могилу, а страшная власть переходитъ въ руки другого.

Такой переворотъ рѣдко имѣетъ другой исходъ, по тому что онъ не дѣло умственнаго развитія народа, а минутное возвращеніе чувства его силы. Великая толпа свирѣпствуетъ обыкновенно, какъ безумная, не сознавая своей цѣли. Она ликуетъ, точно Шекспировы Римляне вокругъ трупа Цезаря, и все еще кричитъ: «На будущее время Брутъ—Цезарь!» Она на столько опомнилась, чтобы чувствовать себя несчастною, но еще не такъ образована, чтобы открыть источникъ несчастія. Отъ того-то такое изгнаніе тирана созидаетъ свободу только при появленіи особенныхъ обстоятельствъ. Римъ обратился въ Республику, благодаря только характеру Юнія Брута и, можетъ быть, презрѣнію, въ которомъ онъ находился прежде и которое не дозволяло ему надѣяться мѣста Тарквинія. Гельвеція сдѣлала одинъ исполинскій шагъ, помимо всѣхъ будущихъ переворотовъ, къ республиканскому образу правленія по тому только, что первый союзъ въ Швейцѣ заключили крестьяне, не годившіеся въ Государи, да, можетъ быть, въ краю у нихъ и не было ни одного сильнаго человѣка, который могъ бы навязаться имъ въ покровители.

Мы сказали, что народъ сокрушаетъ свое страшилище обыкновенно за тѣмъ только, чтобы поставить себѣ другое еще

отвратительнѣе. Скипетръ переходитъ изъ рукъ въ руки, пока не достанется такому, у кого хватитъ на столько лукавства, чтобы пріучить народъ къ цѣпямъ, и кто пріобрѣтетъ себѣ на столько власти, чтобы повергнуть народъ въ состояніе отупѣвшей глупости.

Уловка для полученія такой власти въ древнія времена состояла въ раздѣленіи народа на непріязненныя части и въ безнаказанности Царскихъ приверженцевъ. Позднѣе достигали той же цѣли посредствомъ раздѣленія народной толпы на разряды или сословія, а особливо съ помощію феодальной системы. Похитители народныхъ правъ щедро дѣлили свою добычу съ пособниками своего хищенія, и создали себѣ въ Дворянахъ и Духовныхъ тѣлохранителей отъ народа, которому обѣщались быть искренними друзьями, отцами его. Но это учрежденіе уже въ самомъ себѣ носило начало разрушенія.

Разумѣется, сначала все шло по желанію. Не только народъ ослабѣлъ уже самъ собою, благодаря раздробленію на сословія; но такъ какъ всякое сословіе получило отдѣльныя выгоды и несло особенныя повинности, то и не принимало ни какого участія въ страданіяхъ другихъ сословій и помогало гнести ихъ. Крестьянинъ находилъ справедливымъ, что горожанинъ, котораго льготамъ онъ завидовалъ, задавленъ податями; горожанинъ же считалъ крѣпостное состояніе крестьянъ оказаннымъ ему благодѣяніемъ, по тому что оно ограждало его отъ ихъ соперничества въ ремеслахъ и торговлѣ; Дворянство гнело оба этѣ сословія, а Духовенство приводило и подчиняло себѣ всѣхъ ихъ.

Такъ и думалось Властителю вооружить одну часть народа на другую и быть общимъ деспотомъ всѣхъ. Но онъ не зналъ цѣны тому, что уступилъ обоимъ высшимъ сословіямъ. А они забрали себѣ еще больше противъ позволеннаго, и вскорѣ стали такъ сильны, что вынудили себѣ независимость и даже протянули руку къ вѣнцу. Ихъ стремленія—мятежъ, а не возстаніе. Мнѣ такъ же мало было бы надобности говорить о нихъ, какъ и о вѣроисповѣдныхъ раздорахъ, если бъ они не имѣли особенно ужасныхъ послѣдствій.

Съ одной стороны возмущенія заставили Государей обратить вниманіе на ихъ ошибку. Они рѣшились уничтожить свое дѣло—феодальную систему, сколько станетъ у нихъ на это возможности. Чтобы получить пособіе низшихъ сословій и отнять средства къ неповиновенію у своихъ мятежныхъ вельможъ, они старались сколько ни будь уравновѣсить сословія и собственно народу возвратить опять все, взятое у него противозаконно. Такъ уничтожено рабство въ Англіи, Франціи, большей части Германіи и т. д., и нѣкоторые народы миновали вторую степень переворотовъ, не замѣтивъ ея.

Гдѣ Государь не могъ такъ дѣйствовать, или, однако жь, не поступилъ такъ, тамъ низшія сословія опять получаютъ воинское мужество и уваженіе къ себѣ въ феодальныхъ смутахъ,—и это второе послѣдствіе тѣхъ возмущеній. Низшія сословія пріучаются видѣть, что у нихъ столько же, и даже больше, личной силы, какъ и у высшихъ сословій, и что этѣ немного сдѣлаютъ безъ нихъ: этого урока они ужь не забываютъ.

Слѣдовательно, межъ тѣмъ какъ вельможи, съ пышнымъ военнымъ крикомъ: «За отечество!» бьются изъ за того, кому покорить его, народъ приходитъ въ зрѣлость. Безпокойные дни пролетаютъ, Государство опять приходитъ въ равновѣсіе, Государь невозбранно пользуется своими правами, и обезсиленное Дворянство пускается въ сластолюбивую жизнь, либо, не думая о своемъ воинственномъ назначеніи, въ мирную промышленность. Отъ прежняго величія ему осталось одно только отношеніе къ низшимъ сословіямъ. Оно ненавидитъ и прикидывается, что презираетъ гражданина, по тому что не можетъ уже больше гнести его; оно жестоко обходится съ своими подданными, чтобы вознаградить себя за всѣ свои потери и достать способы къ довольству въ жизни. Межъ тѣмъ его подданные знакомятся съ свободою и довольствомъ не по собственному наслажденію, а изъ образа жизни разгульныхъ Дворянъ. Они видятъ, что этѣ наслаждаются разнообразнымъ счастьемъ; видятъ, что сами устранены ото всего, что только можетъ дѣлать жизнь пріятною,—и грызущая зависть беретъ ихъ. Они чувствуютъ, что ихъ употребляютъ во зло, и что ихъ бѣдствіе—источникъ пышности и

довольства ихъ жестокихъ господъ: горькая ненависть вспыхиваетъ у нихъ въ сердцѣ. Они замѣчаютъ, какъ погрязнули въ порокахъ этѣ Дворяне, какъ они стали незначительны въ Государствѣ, благодаря своей слабости и невѣжеству, и часто бываютъ посмѣшищемъ просвѣщеннаго, нравственнаго гражданина; они презираютъ Дворянъ,—и вдругъ ихъ узы становятся для нихъ несносными. Безразсудно идутъ они на перекоръ несправедливости, которую сносили прежде съ безчувствіемъ отупѣнія, навлекаютъ ее на себя еще въ большихъ размѣрахъ и дѣлаются еще ожесточеннѣе. Словно раненый волъ, который, чувствуя боль, не знаетъ отъ нея ни какого средства, они кидаются на все, при первомъ раздраженіи: грабятъ, жгутъ, убиваютъ безъ плана, даже безъ цѣли; но то, чего они не умѣютъ потребовать, наконецъ отдается имъ само собою. Они побѣждены, но какъ нельзя же истребить ихъ, то уступаютъ имъ все, что можетъ сохранить ихъ отъ будущаго раздраженія, точно такъ же, какъ тигръ получаетъ цѣпь длиннѣе, когда, оборвавъ очень короткую, убѣжитъ, примется опять душить, и потомъ снова попадается въ сѣти.

Всѣ почти страны въ Европѣ испытали, что народъ на этой степени полуобразованности чрезвычайно побуждается къ возстанію, а потомъ и къ самымъ страшнымъ безчинствамъ противъ притѣсняющихъ сословій. Упомяну здѣсь только объ ужасной крестьянской войнѣ въ Германіи, вспыхнувшей въ Швабіи въ 1525 году и стоившей жизни великому множеству Дворянъ, но ужь, конечно, и 50,000 крестьянъ, и о возстаніи въ Ирландіи на Англичанъ при Карлѣ I. По описанію Юма, это послѣднее далеко оставило за собою всѣ ужасы, происходившіе во время Французской революціи, и при первой вспышкѣ стоило жизни больше, чѣмъ 40 тысячамъ Англичанъ; однако жь этѣ совсѣмъ не играли тамъ такой роли, какъ Нѣмцы въ Ливоніи.

Миновали и этѣ смятенія. Побѣдоносный, или побѣжденный, народъ получаетъ все больше выгодъ. Онъ приходитъ опять въ спокойное положеніе, а власть снова возвращается Правителями, но уже удвоенной.

Впрочемъ, они научились бояться, и цѣни самовластія мѣняютъ на несокрушимыя узы политики. Они видятъ, что Дворянство и Духовенство очень слабая оборона отъ раздраженнаго народа. Отъ того-то и продолжаютъ дѣло народа: все ниже ставятъ знатныхъ, все независимѣе дѣлаютъ народъ. Они заискиваютъ его расположенія, изъявляя къ нему отеческую любовь и снисходительность и прикрывая оковы подъ розовой гирляндой. Съ другой же стороны стараются быть и страшными строгимъ, но правосуднымъ, употребленіемъ своей, дарованной отъ Бога, власти. Одной рукой ласкаютъ у своихъ ногъ толпу, а другой взмахиваютъ надъ ея головой всегда поднятою булавой: я разумѣю постоянныя войска. Стараются привести свое Государство въ цвѣтущее положеніе, чтобы быть сильнѣе. Покровительствуютъ земледѣлію, наукамъ, искуствамъ, торговлѣ, а подданные постоянно выигрываютъ въ чувствѣ собственнаго достоинства. Взаимное отдаленіе сословій постепенно исчезаетъ. Крестьянинъ равняется по образованности горожанину, или соперничаетъ съ нимъ, горожанинъ дорастаетъ до Дворянина, благодаря образованности и просвѣщенію, и вскорѣ перерастаетъ его, по тому что просвѣщеніе для него единственное средство достигнуть преимуществъ, которыя Дворянамъ достаются по наслѣдству. Самая лучшая часть Дворянства старается оправдать и сохранить оставшіяся еще за нимъ преимущества истинною человѣчностью и личною полезностью; даже духовный, уже безсильный на то, чтобы стращать сказками, или властвовать съ помощію предразсудковъ, становится просвѣтителемъ и народнымъ проповѣдникомъ. Весь народъ, съ его образомъ мыслей, неодолимо сливается въ единство и зрѣетъ для переворота послѣдняго рода, который—общенародное дѣло, по тому что второй принадлежалъ только отдѣльнымъ сословіямъ, а первый отдѣльнымъ личностямъ. Впрочемъ, подробнѣе разсказъ объ этомъ послѣднемъ великомъ, но и ужасномъ, явленіи природы, по тому что это уже переворотъ въ самомъ дѣлѣ, выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, которые я назначилъ себѣ. Возвращаюсь къ Латышамъ.

Если когда ни будь какой бы то ни было народъ созрѣвалъ для переворота втораго рода, когда одно сословіе возстаетъ съ оружіемъ въ рукахъ на другое, то это Латыши. Перемежающіеся

періоды благоденствія и несчастія, кротости и безчеловѣчія, и проблески образованности у Латышей—просвѣщеніе еще далеко отъ нихъ—хоть и не дали имъ благороднаго чувства достоинства, тѣмъ болѣе, однако жь, они дали имъ чувство ихъ несчастія. Въ изданныхъ для нихъ законахъ они узнали, что должны имѣть права, и увидали очень ясно, по чьей винѣ они не пользуются ими. Ихъ пригласили искать защиты въ Судахъ, а послѣдствія учатъ, что только насмѣялись надъ ними. Прежде многіе изъ нихъ, въ качествѣ казенныхъ крестьянъ, пользовались законно кроткимъ обхожденіемъ, и, въ слѣдствіе пожалованій, подверглись игу, которое несутъ ихъ братья. [6] Такъ же, какъ и тѣ, которые прежде могли нажить себѣ довольство у благомыслящихъ господъ, они видятъ, что ихъ изнуряютъ, разоряютъ въ конецъ, и что нигдѣ не видать имъ спасенія отъ гарпій и когтей, ихъ схватившихъ. Имъ надо было бы прійти въ отчаяніе; а какіе совѣты даетъ оно? Въ другое время, когда гнетъ становился невыносимъ, они убѣгали въ Куронію, или Литву, но теперь это убѣжище закрыто для нихъ, по тому что этѣ страны заняты Русскими. Это обстоятельство, по случаю котораго Дворяне въ торжествѣ, можетъ быть самымъ пагубнымъ для нихъ. Оно сосредоточиваетъ пламя озлобленія въ той точкѣ, гдѣ оно принялось горѣть, дѣлаетъ для страдальцевъ невозможнымъ прибѣгать къ вспомогательнымъ средствамъ трусости и слабости, вынуждаетъ ихъ искать спасенія въ ихъ силѣ, въ неестественныхъ напряженіяхъ. Такія усилія возможны, чуть ли не очень близки: не станутъ пренебрегать ими, если подумаютъ, что весь многочисленный Латышскій народъ [7] теперь вмѣстѣ и будетъ дѣйствовать за одно.

Эта пора, можетъ быть, ближе, нежели хотѣли бы думать. Много напрасныхъ попытокъ заявленія своихъ правъ на закон-

---

[6] При всякомъ пожалованіи помѣстьями въ Ливоніи одинъ получаетъ награду, а тысячи его согражданъ лишаются своихъ правъ и покровительства законовъ. Правда, что это не извѣстно человѣколюбивой и мудрой Государынѣ. Она навѣрное полагаетъ, что всѣ крестьяне одинаково пользуются ея благотворными учрежденями.

[7] Въ Ливоніи, Куроніи, Жмуди и Литвѣ крестьяне составляютъ одинъ народъ (eine Nation), какъ показываетъ это языкъ и нравы ихъ.

номъ основаніи поселили между Латышами странное расположеніе къ рѣшимости выносить все: оно тѣмъ еще опаснѣе, чѣмъ скорѣе смѣняется покорностью и безсильной уступчивостью, а слѣдовательно, подстрекаетъ къ злоупотребленію. Такъ, въ 1795 году одинъ крестьянинъ въ Шуенѣ, когда его собратія хотѣли подать жалобу на своего арендатора, уговорилъ ихъ бросить это. Онъ разсказывалъ объ этомъ Дворянину, съ такимъ прибавленіемъ: «Гдѣ ужь намъ сдѣлать что ни будь противъ васъ, нашего милостиваго государя! Лучше все перенести терпѣливо.» Въ гордости, что за нимъ признавали такую возвышенность надъ закономъ, Дворянинъ вездѣ хвасталъ этѣмъ отзывомъ. Дуракъ не думалъ, либо не зналъ, что человѣкъ, безъ самаго сильнаго ожесточенія, никогда не признаетъ за другимъ неограниченнаго всемогущества на несправедливые съ нимъ поступки. Онъ не понималъ, что такой отзывъ всегда и необходимо долженъ имѣтъ страшное заключеніе, затаенное говорящимъ въ сердцѣ.

Такое же явленіе видѣлъ я самъ. Къ помѣщику С..... въ Москву надобно было отправить для прислуги нѣсколько дѣвушекъ. Арендаторъ выбралъ ихъ, и взялъ дочку одного старика, у котораго единственный сынъ не задолго до того умеръ, и дочь была ему необходима, по тому что кормила его. Напрасно выдавалъ онъ ее больною и глупою; напрасно старался пробудить состраданіе плачемъ. Приговоръ, отнимавшій навѣчно у него дочку, остался не отмѣненнымъ. Напослѣдокъ старикъ сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Послушайте же моихъ словъ: Богъ взялъ у меня одно дѣтя; вы берете другое: такъ пусть же будетъ господская воля!» прибавилъ онъ, тихо скрипя зубами, и вышелъ съ низкимъ поклономъ.

Эта равнодушная покорность, эта спокойная сдержанность, при всѣхъ проказахъ произвольной власти, какъ уже и сказали мы, не то, чѣмъ считаютъ ее Дворяне: это не глупое самоотверженіе, а затаенная злоба, самый важный признакъ величайшаго отчаянія, которое близко и очень близко. Народъ ужь пересталъ быть дворовой собакой, которая даетъ себя погонять ударами на цѣпь. Онъ тигръ, скрипящій зубами, съ молчаливымъ бѣшенствомъ, въ своихъ цѣпяхъ, и выжидающій только минуты, когда можно

будетъ разорвать ихъ и омыть свой позоръ въ крови. Явленія, возвѣщающія это, безчисленны, точно подземный шумъ при началѣ землетрясенія. Я самъ въ одномъ изъ своихъ путешествій съ ужасомъ слышалъ, какъ одинъ Ново-Лайценскій крестьянинъ говорилъ въ кабакѣ толпѣ, слушавшей съ одобреніемъ вокругъ его: «Что, господа? Тотъ, что вверху на небѣ, да которые въ Петербургѣ—вотъ это законные господа. А другіе стоятъ того, чтобы пришибить ихъ дубинами, да бросить по краямъ дороги, на съѣденье псамъ.» [8]

Для доказательства, что это не похвальба какого ни будь одного пьяницы, а голосъ народнаго броженія, мнѣ надобно только воскресить воспоминаніе смятеній изъ за подушной подати.

При обнародованіи Указа о томъ, одинъ Пасторъ ясно отозвался о свойствѣ и цѣли этого налога, и подалъ поводъ къ недоразумѣнію, вѣроятно, умышленному, будьто крестьяне съ этѣхъ поръ будутъ принадлежать одной казнѣ. Тотчасъ же выборные Роннебургскихъ Латышей начали рыскать по странѣ и вездѣ приглашали народъ поддерживать свои новыя права. Согласно съ тѣмъ, многія общины отказали своимъ господамъ въ повиновеніи. Въ С. . . даже дворовая челядь и поваръ объявили, что пусть господа сами готовятъ себѣ кушанье, а они вольные. Въ Д....., община заперла для Пастора кирку, по тому что онъ, по ея словамъ, прочиталъ Указъ въ переиначенномъ видѣ и хочетъ обмануть ее вольностью. Крестьяне вездѣ грозили пожаромъ и убійствомъ, если не окажутъ имъ справедливости. Въ Раппинѣ они сопротивлялись даже Судамъ, да и самое войско могло ихъ разсѣять не прежде, пока пятеро изъ нихъ не были убиты и многіе ранены. Въ Смильтенѣ они на самомъ дѣлѣ подняли руку на Генералъ-Губернатора—доказательство, до какой крайности дошло

---

[8] Не лучше ли бы поступилъ я, если бы умолчалъ объ этомъ отзывѣ? Не знаю. Мое чувство запрещало мнѣ быть обвинителемъ бѣдняка, давшаго просторъ своей скорби. Во всякомъ случаѣ, я исполняю какъ нельзя лучше свою обязанность этѣмъ сочиненіемъ. За скорбь не наказываютъ, а перестаютъ причинять ее. Впрочемъ, этѣ страшныя слова были мнѣ первымъ вызовомъ къ изученію положенія Латышей, и, слѣдовательно, первымъ поводомъ къ этому труду.

ихъ бѣшенство. Тысячами стремились они въ Уѣздный городъ, Вольмаръ, и чрезвычайно буйно требовали, чтобы Суды тотчасъ же приняли отъ нихъ самихъ поголовную подать, чтобы имъ не имѣть больше дѣла съ Дворянами. Такъ какъ сдѣлать того было нельзя, то, не смотря на поспѣшное вооруженіе гражданъ, городъ сдѣлался бы жертвою ихъ неистовства, если бы Генералъ-Губернаторъ не прислалъ туда войска. Мятежники были разогнаны, а изъ коноводовъ ихъ иные осуждены въ крѣпостную работу, иные къ ссылкѣ въ Сибирь, а другіе къ всенародному наказанію плетьми. Во многихъ помѣстьяхъ, однако жь, крестьяне упорно стояли на томъ, чтобы имъ самимъ платить подушныя, чтобы не обсчитывать себя на будущее время. Между прочими помѣстье Диккельнъ показало, какой общій духъ одушевлялъ крестьянъ. Слишкомъ четыре недѣли крестьяне этого помѣстья выдержали экзекуціонную команду изъ 50 человѣкъ съ однимъ Офицеромъ, давали ей жалованье, скотъ и другое содержаніе, прежде нежели рѣшились выдать спрятанныхъ своихъ коноводовъ.

Уже при этихъ смятеніяхъ Дворянство погибло бы, если бъ, по счастію, въ области не было достаточно войска. Но положимъ, что войска бы не случилось; что близко къ границамъ подошла бы война, или и перешла бы за нихъ; что сосѣднее Государство рѣшилось бы извлечь свою выгоду изъ настроенія крестьянъ; что поднялся бы весь Латышскій народъ, котораго сочлены теперь такъ близко придвинулись другъ къ другу: [9] что заявленія послѣдовали бы тогда! Всѣ ужасы Швабскаго и Ирландскаго возстаній ни что въ сравненіи съ тѣми, которые совершились бы здѣсь. Нѣмецкіе крестьяне воевали только съ сильными людьми изъ своего собственнаго народа. Ирландцамъ надо было мстить за несправедливости къ цѣлому ихъ народу, а не за личныя. Они свирѣпствовали противъ чужеземцевъ, которые стѣсняли ихъ льготы и про-

[9] Что новое поколѣніе не уступаетъ въ раздражительности Ливонскимъ Латышамъ, оно показало въ то время, когда Костюшко боролся за свою отчизну. Даже въ Куроніи, которой не было ни какого дѣла до революціи, крестьяне Герцогскаго помѣстья подпялись было, чтобы взять приступомъ замокъ. Разумѣется, Герцогское войско, къ которому присоединилось еще нѣсколько Казаковъ, вскорѣ усмирило волненіе; но, вѣдь, это было только одно помѣстье.

мышленные способы, а не противъ помѣщиковъ, разорявшихъ и оскорблявшихъ ихъ, позорившихъ ихъ женъ и дочерей. Напротивъ, сдѣсь народная ненависть и личное мщеніе, подобно Ангеламъ истребителямъ, сообща подали бы знакъ къ убійствамъ. Произошли бы безчинства, при мысли о которыхъ содрогается воображеніе. Всѣ помѣщичьи усадьбы и города были бы ограблены и пылали въ огнѣ. Помѣщики увидали бы опозоренными свои семейства и потомъ были бы замучены съ ними до смерти; лучшіе изъ нихъ въ общемъ смятеніи тоже не могли бы ожидать себѣ лучшей участи. Всѣ Нѣмцы были бы убиты, и сами Латыши, унизившись до звѣрскаго состоянія, извелись бы въ своихъ лѣсахъ отъ голода и меча. На грудахъ тѣлъ своихъ притѣснителей уничтожился бы весь народъ, и Русскіе съ самымъ напряженнымъ усиліемъ покорили бы себѣ пустыню.

Что за картина!.. И, однако жь, господа земляки мои, она совсѣмъ не пустое созданіе воображенія. Разсмотрите безъ предубѣжденія всѣ приведенныя обстоятельства, и вы найдете, что такая развязка хоть не совсѣмъ возможна, но чрезвычайно вѣроятна. Не полагайтесь на то, что одной трусости Латышей уже достаточно, чтобы остановить всякой сильный взрывъ вскипѣвшаго озлобленія, котораго вы, однако жь, не отвергаете. Правда, что трусливъ всякой рабъ, но только до тѣхъ поръ, пока не захочетъ вынудить небольшаго улучшенія своему рабскому положенію. Онъ обратится въ богатыря, только бы душа его возвысилась до рѣшимости разорвать свои цѣпи и быть вполнѣ свободнымъ. Тогда отъ прежней трусости у него останется только жестокость, и сдѣлаетъ его тѣмъ страшнѣе, чѣмъ больше боялся онъ самъ. А такое превращеніе—спросите-ка Исторію, какъ быстро мѣняетъ народъ свой характеръ. Отвѣтъ напугаетъ васъ. Швейцарцы, ходившіе съ непокрытыми головами передъ шапкой Геслера, сражались въ битвахъ при Земпахѣ и Моргартенѣ, какъ только что появился межъ ними какой-то Телль. Неаполитанцы еще утромъ дрожали передъ палкой полицейскихъ, а въ полдень обратили въ бѣгство многочисленное войско, когда во главѣ ихъ находился Мазаніелло.

Даже новѣйшія событія могутъ васъ поучить въ этомъ. Не тотъ ли же самый народъ, который когда-то бѣжалъ при Рос-

бахѣ съ такимъ позоромъ, что трусость его вошла въ пословицу, который обожалъ своихъ Королей, тревожитъ теперь Европу и осквернилъ себя казнью добродушнаго Государя? Негры, опустошающіе Американскія поселенія, можетъ быть, еще въ день возстанія терпѣливо сгибались подъ бичемъ поселенца.[10] Стало быть, очень возможно, что и ваши рабы, дрожащіе теперь при видѣ вашей плети, вскорѣ кинутся на обнаженные штыки, чтобы пролить вашу кровь. Да если вы и избѣгнете убійственнаго ножа, что будетъ вашею долей? Либо нищими вы убѣжите изъ края, который добыли ваши предки путемъ преступленія противъ человѣчества, либо нищими же воротитесь наконецъ на пепелища вашихъ теперешнихъ жилищъ, и найдете себя принужденными отдать все то, въ чемъ отказъ вашъ и собралъ всю эту грозу. Такъ пожалѣйте же вашего отечества, вашихъ дѣтей, самихъ себя! Спасайте себя и народы Ливоніи отъ близкихъ ужасовъ отчаянія! Разорвите узы, которыя только и старались вы прикрывать до сихъ поръ!

Но страшныя Эриніи, кажется, ослѣпляютъ мелкихъ Ливонскихъ Дворянъ, составляющихъ, какъ и вездѣ, большинство, чтобы внуки расплачивались за вину предковъ, а вмѣстѣ и за собственную. Напрасно хотѣть пробудить въ нихъ чувство; кто въ состояніи сказать мертвецу: «Встань и дѣлай!» Они такъ просвѣщенны, что всякую жалобу на нихъ человѣчеству объявляютъ чувствительнымъ вздоромъ. Напрасно обращать ихъ вниманіе на необходимыя послѣдствія ихъ несправедливыхъ и жестокихъ поступковъ. У нихъ слишкомъ много благоразумія, или хладнокровія, или чего угодно, чтобы пугаться самыхъ дѣйствительныхъ золъ, пока они еще не настали.

Не смотря на то, господа земляки мои, мнѣ должно просить васъ обратить взоры на другой еще предметъ. Если вашъ Ангелъ-

---

[10] Для предупрежденія всякихъ умышленныхъ и ложныхъ примѣненій, необходимо замѣтить, что Мулаты и Негры возмутились не по тому, что имъ дали льготы, но по тому, что бѣлые отказывали имъ въ опредѣленныхъ уже льготахъ и гражданскихъ правахъ.

Хранитель вызоветъ благопріятныя обстоятельства, которыя отсрочатъ взрывъ еще на десять, или на много, лѣтъ, то, съ другой стороны, вамъ надобно бояться все еще очень многаго.

Рабство составляетъ такую противоположность съ духомъ вѣка и здравой политикой, что оно ни въ какомъ Государствѣ не должно быть терпимо долѣе, нежели требуетъ необходимость. Межъ тѣмъ какъ съ одной стороны всѣ мыслящіе люди гнушаются имъ, какъ униженіемъ человѣчества, въ Кабинетахъ чувствуютъ живо, что крестьянское сословіе — самое важное, и что на сколько оказываютъ ему покровительства и поощренія, на столько можно считать на вѣрномъ основаніи и Государственное могущество. Отъ того-то и уничтожены остатки рабства въ Силезіи, Чехіи, Даніи; отъ того-то и Пруссія, даже Австрія, до такой степени смягчили его въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ, что оно близко подходитъ къ свободѣ, а скоро должно будетъ и переродиться въ свободу. [11]

Русскій Кабинетъ такъ мудръ, что не отсталъ бы отъ другихъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, если бъ легко угадываемыя обстоятельства въ Государствѣ не останавливали его дѣйствій. Но теперь, когда народное расположеніе и сосѣдство съ предпріимчивымъ Государствомъ дѣлаютъ необходимыми важныя мѣры для внутренняго спокойствія, теперь на вѣрное найдутъ способы измѣнить упомянутыя обстоятельства и сдѣлать великій шагъ, который съ уничтоженіемъ всякаго рабства доставитъ Россіи гражданъ 20-ю милліонами больше.

Что я говорю? Всякому обстоятельству внутри Государства можно оказать пощаду, и стало быть, и положеніе Латышей пере-

---

[11] «А въ Мекленбургѣ, въ Лужицахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вестфаліи, оно все еще существуетъ?» Кто съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочелъ предыдущія страницы и знаетъ положеніе крѣпостныхъ въ названныхъ областяхъ, тотъ не сдѣлаетъ такого возраженія. Права тамошнихъ господъ состоятъ въ требованіи неизмѣнно положенныхъ и очень снисходительныхъ повинностей и въ легкомъ наказаніи какого ни будь непослушнаго. Крестьяне — истинные владѣльцы своей земли и проч. Извѣстно, что въ Вестфаліи многіе продаются въ крѣпостное

дѣлать. Хоть и Русскій крестьянинъ тоже рабъ, но Прибалтійскія и Литовскія области далеко отстали въ этомъ отношеніи отъ собственной Россіи. Тамъ почти совсѣмъ нѣтъ помѣщичьихъ усадебъ, и крестьянинъ, вмѣсто всякихъ повинностей, платитъ своимъ, проживающимъ въ столицѣ, помѣщикамъ небольшой подушный оброкъ, обыкновенно по 5 рублей съ каждой мужской души, по тамошнему выраженію. [12] Этотъ небольшой оброкъ, по случаю плодородія всѣхъ тамошнихъ областей и свободы отъ барщины, даетъ крестьянамъ возможность наживать себѣ часто большое состояніе. Нерѣдко они селятся въ какомъ ни будь городѣ, даже въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, и въ купеческомъ званіи имѣютъ очень важныя дѣла, не отыскивая себѣ свободы. Даже изъ проживающихъ въ своихъ деревняхъ многіе за 500 рублей выкупаютъ своихъ сыновей, взятыхъ въ рекруты. Какая разница съ Ливонскими крестьянами! Правительство никогда не имѣло и надобности входить въ посредничество между Русскими крестьянами и ихъ господами. А что оно находитъ это нужнымъ въ Ливоніи, показываютъ частые, хотя и напрасные, Указы ко благу Латышей; объ этомъ же сказываютъ потомъ и постановленія о воспитаніи крестьянскаго юношества; это же означаетъ и уничтоженіе Дворянскихъ Чиновъ, отъ чего Дворянское Собраніе обратилось изъ Сейма въ Дворянскіе выборы, и Правительству были развязаны руки для улучшеній. Мнѣ не трудно было бы привести еще больше указаній на благотворныя намѣренія Правительства, но въ Монархическомъ Государствѣ предначертанія Двора принадлежатъ къ Священнымъ тайнамъ.

Что за препятствіе могло бы представиться Правительству, если бъ оно рѣшилось оброкъ или поголовную подать ввести также и въ Ливоніи, вмѣсто всякой барщинной повинности? Ни съ какой стороны ни малѣйшаго, по тому что даже и полное осво-

---

состояніе, и что въ Лужицахъ свободный человѣкъ съ удовольствіемъ поселяется на условіяхъ крѣпостнаго. Въ Ливоніи.....

[12] По тому-то, если кому пожалована будетъ тысяча душъ, то это значитъ не болѣе того, что онъ имѣетъ право собирать по 5 р. съ такого количества крестьянъ.

божденіе крестьянъ не представило бы опасности, какъ и всякое мудрое нововведеніе ко благу большинства. Но положимъ, что Правительство ограничится упомянутымъ поступкомъ, даже, подобно Императору Іосифу въ Галиціи, введетъ общія оброчныя книги, которыя должны служить неизбѣжнымъ образцомъ повинностей, что станется тогда съ двумя третями Ливонскихъ помѣщиковъ? Они заплатили помѣстья гораздо дороже цѣны ихъ, съ явнымъ расчетомъ, чтобы вознаградить себя притѣсненіями крестьянъ: они придутъ въ разореніе, только отнимите крестьянъ у ихъ корыстнаго произвола. Послѣдуютъ безчисленныя банкротства, пострадаютъ и самыя осторожныя лица, а съ разстроеннымъ благосостояніемъ падетъ и послѣдняя знатность и значеніе, какія остались еще за Дворянствомъ: оно погибнетъ. Но не уже ли же изъ за такаго уваженія Правительство остановится сдѣлать справедливое дѣло? Не говоря уже о томъ, что люди, построившіе планъ своего счастія на разореніи своихъ сограждан, не заслуживаютъ совсѣмъ ни какого уваженія, да можно ли ожидать, чтобы награбленное благосостояніе 3, или 4, сотъ семействъ изъ потребляющаго сословія предпочтено было счастію такого множества сотенъ тысячъ семействъ изъ производящаго сословія? Этому не бывать, если только возвышенная Екатерина по правдѣ заслуживаетъ названіе Мудрой и Правосудной, такъ же, какъ и Великой; если по правдѣ славится самымъ просвѣщеннымъ и наше столѣтіе. Со времени настоящаго царствованія Петербургскій Дворъ такъ часто заявлялъ свое высокое благоразуміе, что можно питать вѣрную и правдивую надежду, что, при первомъ выпавшемъ случаѣ, будетъ ли это возстаніе, или предложеніе честнаго человѣка, cui vis et voluntas, онъ изгладитъ въ Государственномъ устройствѣ такое опасное пятно, какъ рабство, особливо въ пограничныхъ областяхъ.

Читатели видятъ, что самъ ли народъ поднимется теперь изъ своей грязи, или подниметъ его правосудная рука Государя, рѣшительное улучшеніе его судьбы все же близко, и разореніе большей части Дворянства будетъ послѣдствіемъ того. Очень хорошо тоже знаютъ и помѣщики эту неизбѣжную: «vita rusticі, mors nobilis,» но съ этимъ знаніемъ бываетъ точно такъ же, какъ и съ пророчествами Касандры. Называютъ ихъ основательными,

однако жъ ими не пользуются. Дворяне нарочно закрываютъ глаза, чтобы не видать грозящей опасности. Въ надеждѣ, что неизбѣжная буря застанетъ только ихъ потомковъ, имъ не хочется ни на локоть уступать изъ своего положенія, занятаго съ такою вопіющею неправдою. Вмѣсто того, чтобы уклоняться отъ опасности и отвращать ее, уничтожая ея начала, все еще силятся отдалять ее, сколько можно, либо сдѣлать безвредною лукавствомъ и силою. Смѣшная борьба съ рѣшительной необходимостью.

Нѣтъ, господа! Ваши прежнія уловки скоро откажутся служить вамъ, и гроза разразится надъ вами съ неодолимой силой если не изберете единственно возможнаго для васъ пути къ спасенію, только бы стало у васъ силы рѣшиться на это. Все приглашаетъ васъ посвятить на благодѣяніе остатокъ вашихъ рыцарскихъ преимуществъ, чтобы ихъ у васъ не отняли. Такъ не ссылайтесь же больше на будущее и на потомство. Если вы не оставите ему примѣра справедливыхъ и благородныхъ дѣлъ, точно такъ же и случая къ нимъ, надобно очень бояться, что вы ему ни чего не оставите. [13]

Единственное средство, оставшееся для предупрежденія великихъ потерь, здѣсь есть осужденіе себя на малыя.

Ступайте на встрѣчу будущему, предупредите его. Согласитесь по доброй волѣ на то, что вырвутъ когда ни будь у васъ безъ пощады; согласитесь безъ вызова къ тому, и отъ васъ примутъ это, какъ подарокъ, и съ охотой позволятъ тѣ измѣненія, которыя вы сдѣлаете для вашей пользы.

Есть одно безошибочное средство для обращенія Латышей, безъ всякихъ потрясеній, въ совершенно свободный и вмѣстѣ съ тѣмъ зажиточный и образованный народъ. Только прежде, чѣмъ

---

[13] Ливонское Дворянство часто со славою отличалось въ Кабинетахъ и на поляхъ сраженій; не надобно только видѣть его на родинѣ, въ его помѣстьяхъ, если хотятъ уважать его вообще.

я скажу объ этомъ средствѣ, при которомъ Дворянство не потеряетъ ни чего законнаго, а, напротивъ, можетъ еще много выиграть, мнѣ надо опровергнуть коекакіе предразсудки, которые отчасти въ самомъ дѣлѣ есть въ Ливоніи, отчасти только нарочно говорятъ, что они есть. Пока они господствуютъ, нечего и ожидать чего ни будь отъ Дворянства, и человѣчество только къ Престолу можетъ поднимать свои заплаканные глаза съ какой ни есть надеждой.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

МОЖЕТЪ ЛИ БЫТЬ ВРЕДНО УНИЧТОЖЕНІЕ РАБСТВА?

L'industrie ne craint rien tant que la servitude. Le génie s'eteint lorsqu'il est sans éspérance, sans émulation, et il n'y a ni éspérance, ni émulation, et il n'y a ni ésperance, ni émulation où il n'y a point de propriété. Rien ne fait mieux l'éloge de la liberté et ne prouve mieux les droits de l'homme, que l'impossibilité de travailler avec succès, pour enrichir de maitres barbares.

Raynal.

Имѣть рабовъ значитъ пользоваться случаемъ, или недостаточнымъ гражданскимъ устройствомъ, для удержанія у своихъ согражданъ важнѣйшаго и лучшаго ихъ права, а это ужь навѣрное ни кто не сочтетъ благороднымъ. Но хотя это и неблагородно, но все же остается Дворянскимъ. Ливонскій Дворянинъ (говорю о большинствѣ) такъ тѣсно сросся съ помѣщикомъ, что не можетъ и вообразить себя одного безъ другого. [1] Слѣдовательно,

[1] Одна Ливонская Госпожа спросила своего двоюроднаго брата, только что воротившагося изъ Англіи, велики ли повинности (Gehorch) несутъ Англійскіе крестьяне? Она очень удивилась, услыхавши, что тамъ нѣтъ ни работъ, ни барщины. «Великій Боже (вскричала она нѣсколько разъ къ ряду)! Что же это за жалкіе Дворяне, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ крѣпостныхъ людей! Нѣтъ, Востокъ и Западъ! Дома гораздо лучше.» —Для васъ, разумѣется, милостивая Государыня!

со стороны Дворянства, которое, какъ извѣстно, очень отлично отъ благородства, нечего и надѣяться многаго, точно также и со стороны права, по тому что подъ этѣмъ всякая неправая личность разумѣетъ все, что можно вынудить себѣ тяжбою. Если сказать помѣщику: «Вѣдь это незаконно, что твой собратъ принадлежитъ тебѣ, точно волъ и лошадь,» намъ, вѣроятно, дадутъ посмотрѣть купчую крѣпость и т. д. Стало быть, ни чего не остается больше, какъ вмѣшать въ это дѣло пользу самихъ Дворянъ, и открыть имъ глаза на истинныя ихъ выгоды.

Я разобралъ по справедливости неизбѣжныя послѣдствія въ томъ случаѣ, если рабство все еще будетъ продолжаться. Теперь постараюсь еще сорвать завѣсу необходимости, подъ которую прячутся корыстолюбіе и властолюбіе. Мнѣ надо опровергнуть нелѣпые предразсудки, которыми защищаютъ рабство. Я упоминалъ о нихъ слегка уже во многихъ мѣстахъ, но необходимо пересмотрѣть ихъ въ подробности. Это, можетъ быть, важнѣйшая часть моей книги. Слѣдовательно, читатели извинятъ, если я войду въ подробности объ этомъ предметѣ и даже долженъ буду повторить коечто изъ сказаннаго. Въ сочиненіи подобнаго рода не возможно строго держаться извѣстного правила: «Relinque, quae desperas tractata nitescere posse.»

«Латышъ не созрѣлъ для свободы.» Вотъ обыкновенная поговорка, которая слышится со всѣхъ сторонъ, и съ нею-то считаютъ для себя возможнымъ отвергнуть всякое требованіе свободы Латышамъ. Мнѣніе, подобно безчисленному множеству другихъ, звучитъ сильно, по тому что оно также и пусто. Разберемъ же его, чтобы открыть смѣшную его ничтожность.

Что это значитъ быть не зрѣлымъ для свободы? Свобода точно такъ же въ природѣ человѣка, какъ дыханіе и ощущеніе: такъ можетъ ли же быть такое состояніе, въ которомъ бы онъ не могъ еще созрѣть для нихъ, не переставая быть человѣкомъ?

Это положеніе, съ какой бы строгостью его ни разбирали, не можетъ имѣть другого смысла, кромѣ того, что Латышъ или совсѣмъ не въ состояніи жить свободнымъ человѣкомъ, или не чувствовалъ бы себя счастливымъ на свободѣ, или, наконецъ, не

имѣлъ бы на столько разсудка, чтобы соединить гражданскую свободу съ гражданскими отношеніяни: онъ бросилъ бы свое мѣсто земледѣльца въ Государствѣ, началъ бы не исполнять своихъ обязанностей и отказалъ бы въ покорности законамъ. Нелѣпость во всякомъ значеніи.

«Латышъ не могъ бы жить.» Какъ! Развѣ язычникъ, дикій Каракалпакъ, Башкиръ, Ирокезъ, Новозеландецъ и проч., стоятъ на высшей степени зрѣлости, нежели Христіянинъ, живущій въ Государствѣ, Латышъ? Не былъ ли онъ даже еще зрѣлѣе, когда пришли въ его край Нѣмцы и слушали, какъ онъ молился грозѣ? При всемъ томъ онъ пользовался свободой и умѣлъ храбро защищать ее. Такъ не безпокойтесь, Милостивые Государи: Латышъ съумѣетъ сохраниться, если бы и лишили его вашей благотворной плети.

«Онъ не чувствовалъ бы себя счастливымъ, будучи свободнымъ человѣкомъ.» Если быть зрѣлымъ для какого ни будь состоянія значитъ быть счастливымъ въ немъ, то Латышъ созрѣлъ для свободы, а не для рабства. Получивъ случайно свободу, онъ казался бы достойнымъ зависти, а въ рабствѣ онъ несчастенъ до отчаянія. Чтобы считать себя счастливымъ въ качествѣ свободнаго человѣка, на это не много надо самостоятельности. Вотъ, чтобы быть рабомъ, такъ для того надобно имѣть или образованность Эпиктета, или придворнаго, чтобы всею парящею силой ума подняться выше всѣхъ неудобствъ своего положенія, либо цѣловать свои узы, по тому что они назывались когда-то Орденскими лентами. Избравъ любое изъ двухъ, мои земляки Дворяне, и вы гораздо больше Латыша созрѣли для рабства. Надѣюсь, что вы будете такъ снисходительны, что примете за любезность это положеніе, по тому что, какъ я сказалъ уже, быть зрѣлымъ для рабства предполагаетъ или очень высокую утонченность ума, или характера.

Трудно упоминать о такихъ смѣшныхъ вещахъ, не дѣлаясь насмѣшливымъ. Но въ 3-мъ значеніи это положеніе важнѣе, хоть и неосновательнѣе.

«Латышскій крестьянинъ бросилъ бы свое мѣсто въ Государствѣ.» Что удерживаетъ низшія народныя сословія другихъ странъ на ихъ мѣстахъ? Что дѣлаетъ ихъ трудолюбивыми въ ихъ промыслахъ, мирными гражданами, покорными подданными? Добрыми геніями называются нужда и страхъ, а не рабство, или образованность. Но первые только и ручаются теперь за прочность рабскихъ узъ. Ихъ власть не сократилась бы, если бы законодательная власть сказала когда ни будь Латышу: «Съ этой поры ты принадлежишъ одному Государству. Надѣйся отъ его законовъ покровительства въ честномъ промыслѣ, но также и наказанія за всякое преступленіе. Одно трудолюбіе будетъ твоею помощью; но твое поле со всѣми его плодами принадлежитъ тебѣ, пока ты вѣрно будешь исполнять законныя требованія своего прежняго владѣльца. Твои дѣти наслѣдуютъ нажитое тобой. Они могутъ подняться и выше, и проч.» Ужь разумѣется Латышъ остался бы на своемъ мѣстѣ и сталъ бы строго исполнять свои обязанности, развиваться, обогащать себя. О мое отечество! Скоро ли счастливая весна зацвѣтетъ на твоихъ поляхъ? Перестанутъ ли наконецъ девять десятыхъ частей изъ числа твоихъ сыновъ быть добычею остальныхъ? Сердечный трепетъ говоритъ да! но опытность печально покачиваетъ головой, если этому счастью надобно прійти отъ Дворянства.

Но оставимъ самихъ защитниковъ рабства отстаивать свое дѣло.

Характеръ Латышей, говорятъ они, дѣлаетъ необходимымъ самое строгое обхожденіе съ ними и рабство. Они только и удерживаютъ Латышей сколько ни будь въ предѣлахъ порядка и нравственности. «Латышъ чрезвычайно лѣнивъ по природѣ.» Всякую работу, при которой смотритель помахиваетъ палкой, справляетъ онъ медленно и плохо. Ту же недѣятельность обнаруживаетъ онъ не только въ работѣ на барскій дворъ, но даже и на себя. Есть крестьяне, которые нарочно не засѣютъ половину своихъ полей, дадутъ околѣть съ голоду своему скоту и развалиться жилью, ежели самъ помѣщикъ не позаботится объ ихъ хозяйствѣ.

Потомъ «онъ до крайности небережливъ.» Только что обмолотитъ жнитво, и уже затѣваетъ пирушки, варитъ себѣ пиво,

печетъ каждый день пироги вмѣсто хлѣба, продаетъ за половинную цѣну свою пшеницу, свое сѣно и солому, все на бражничанье въ кабакахъ. Отъ того и его запасы выходятъ еще до Рождества. Онъ принужденъ бы былъ умереть съ голоду, если бы господа не могли наказывать его, какъ раба, и не пособляли ему для своей собственной пользы.

«Онъ безъ исключенія преданъ пьянству.» Многіе проводятъ въ кабакѣ цѣлыя недѣли; многіе напиваются замертво. «Если бы не удерживалъ ихъ страхъ господина и его плети, то скоро весь народъ потонулъ бы въ водкѣ.»[2]

«Онъ вороватъ.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Латыши считаютъ за честь обмануть господъ, и часто самые зажиточные изъ нихъ самые наглые плуты. Гумно, амбаръ, винокурня, стадо, птичникъ, все обкрадывается. Если бы Латыши были свободны, всякое воровство изслѣдовалось бы судебнымъ порядкомъ, а въ какомъ положеніи находились бы тогда господа! Теперь безъ околичностей можно вознаградить себя, или, по крайней мѣрѣ, велѣть наказать на мѣстѣ, а близкое, хоть и легкое, наказаніе пугаетъ необразованныхъ людей сильнѣе большаго, угрожающаго только издали.

«Онъ неугомоненъ и звѣрски свирѣпъ въ гнѣвѣ.» Родители и дѣти, братья и сестры, мужья съ женами, хозяева и рабы, бросаются иногда другъ на друга съ топорами и рубятся до крови. Случалось бы безчисленное множество убійствъ, если бы нравственный законъ Латышей, плеть, не висѣла у нихъ всегда надъ спиною. Въ особенности это видно въ казенныхъ деревняхъ, гдѣ крестьяне совсѣмъ разнуздываютъ свое звѣрство, въ надеждѣ на большую безнаказанность. Но только что сдѣлаются частною собственностью, характеръ ихъ становится лучше: они дѣлаются кроче, смирнѣе, трезвѣе и послушнѣе.

---

[2] Это собственныя слова Дворянина, да и вообще всѣ эти доводы вѣрно собраны съ голоса помѣщиковъ.

Главный порокъ Латышей еще непокорность. Только что мелькнетъ для нихъ надежда на свободу, либо на избавленіе отъ власти однихъ господъ, чтобы принадлежать другимъ, они дѣлаются упрямы, строптивы и отказываются отъ всякаго повиновенія. Это оказалось въ смятеніяхъ за подушную подать; это же оказывается, какъ скоро посулятъ слугѣ вольную, наконецъ при исходѣ аренднаго срока, или при передачѣ проданныхъ помѣстьевъ. Особливо же это бываетъ замѣтно въ казенныхъ деревняхъ. «Не восемь ли разъ, [3] говорилъ мнѣ одинъ Дворянинъ, сдѣлавшій нѣкоторыя изъ тѣхъ возраженій, жаловались на меня въ Казенную Палату Ш—скіе крестьяне, пока еще принадлежали Коронѣ? Нѣтъ, нѣтъ! плеть и рабство крестьянамъ необходимѣе хлѣба. Если они будутъ свободны, тогда помилуй, Господи, всѣхъ насъ!» Тутъ онъ съ силою поднялъ сложенныя руки къ Небу. Мнѣ подумалось, ужь не вижу ли я хлѣбнаго барышника, умоляющаго о градобитіи отеческую милость Неба.

«Наконецъ, говорятъ, и самое положеніе Латышей стало бы очень невѣрнымъ и горестнымъ въ слѣдствіе освобожденія.» Теперь господа должны входить въ положеніе обнищавшаго, даже распутнаго, крестьянина, и стараться пособить ему добровольно, или по принужденію. Самое худшее зло, какое только можно сдѣлать самому испорченному, состоитъ въ томъ, что отнимаютъ у него домохозяйство и отдаютъ его самого въ рабство другому. Свободнаго человѣка въ такомъ случаѣ вытолкаютъ и прогонятъ на свѣтъ Божій. Ему больше ни чего не останется дѣлать, какъ ходить по міру, или грабить. [4] Обыкновенная судьба отпущенныхъ на волю, говорятъ, доказываетъ это. Они бродяжничаютъ безъ родины и крова, ищутъ вездѣ пропитанія, и нигдѣ его не находятъ. Такимъ образомъ они принуждены вести непозволительныя ремесла, и рады, рады, если гдѣ ни будь опять пристроятся на условіяхъ собственниковъ. Латыши по

---

[3] Я не стою за правильность этого показанія, по тому что этотъ (Ehrenmann) человѣкъ извѣстенъ мнѣ за хвастуна.

[4] Или быть порядочнымъ человѣкомъ и работать, Г. Фонъ.....!

хожи на дворовый скотъ, который совсѣмъ пропадетъ, если не извлекать изъ него пользы, а, стало быть, и ухаживать за нимъ. [5]

У защитниковъ рабства, по видимому, нѣтъ недостатка въ доводахъ, которые, по крайней мѣрѣ, звучатъ пріятно. Да и какъ же безъ этого? Въ нашъ вѣкъ, когда правила справедливости и человѣколюбія стали модными разговоромъ у нѣкоторыхъ сословій, у всякаго, знающаго эти правила въ подробности, но не желающаго имъ слѣдовать, нѣтъ другого дѣла необходимѣе того, какъ бы отыскать благовидные предлоги своему поведенію, особливо въ такомъ важномъ случаѣ, въ которомъ давно уже рѣшилъ голосъ всѣхъ мыслящихъ безпристрастныхъ людей. Мы пробѣжимъ предыдущія положенія каждое порознь, особливо для тѣхъ, которые, не смотря на пустоту этихъ положеній, принимаютъ ихъ на честное слово, не имѣя возможности хорошенько повѣрить ихъ.

«Латышъ лѣнивъ по природѣ.» По природѣ? Да! На самомъ дѣлѣ это значитъ вотъ что: какія-то причины производятъ лѣность въ его человѣческой природѣ, точно также, какъ произвели бы онѣ тоже явленіе и въ Дворянской природѣ. [6] Онъ лѣнивъ отъ того же, отъ чего, употребляя argumentum ad hominem, многія Дворянскія госпожи, большія хозяйки, держатъ нечисто свой домъ, отъ изнуренія. Мальчика, иногда еще по 13-му году, употребляютъ на самыя суровыя работы. Онъ долженъ молотить, пахать, рубить дрова или на господъ, или на собственный домъ, по тому что господа угоняютъ всѣхъ взрослыхъ на работу всѣмъ міромъ. Разумѣется, что слишкомъ рано изнуренное тѣло никогда не получитъ совершенной полноты силъ, а тѣмъ менѣе живости и бодрой дѣятельности. [7] Да и что бы такое могло

---

[5] Опять собственныя слова Дворянина, у котораго нѣтъ недостатка ни въ остроуміи, ни въ образованности: ему недостаетъ только чувства человѣчности и скромности. «Etre superbe et dedaigneur, qui méconnois tes freres, ne verras tu jamais, que ce mépris rejallit sur toi? говоритъ Рейналь.

[6] Смотр. мнѣніе Монтескьё, приведенное выше.

[7] Привожу одно только наблюденіе въ доказательство разрушительной силы слиш-

заставить Латыша живѣе поднимать топоръ, или цѣпъ, для человѣка, который его разоряетъ, а часто и бьетъ къ тому же? Сами обвинители его станутъ ли работать скорѣе на своего помѣщика?

«Но Латышъ и для себя не трудолюбивѣе.» Да съ чего же это взяли? Не съ того ли, что онъ, вовсе не имѣя времени какъ слѣдуетъ обработывать свое поле, не можетъ позаботиться и о внѣшнемъ видѣ довольства въ жилищѣ и платьѣ? Но пусть это и правда; что же можно заключить изъ того? Ни чего, кромѣ того, что у него отняты мужество и охота къ жизни. Господа, принужденные разузнавать, засѣяны ли у крестьянъ поля и скошены ли ихъ луга, ужъ вдоволь доказали имъ, что считаютъ ихъ одушевленными орудіями своего прибытка, и только изъ своекорыстія желаютъ ихъ благосостоянія. Для неоспоримаго доказательства, что служитъ началомъ лѣни, въ которой упрекаютъ Латыша, я напомню моимъ Ливонскимъ читателямъ явленіе, которое всегда у нихъ передъ глазами. Крестьяне въ Адіамюндѣ, Юргенсбургѣ и Роннебургѣ, славились даже торговою и ремесленною дѣятельностью. Съ тѣхъ поръ, какъ попали они въ руки теперешнихъ своихъ владѣльцевъ, они отчасти ужь совсѣмъ погрязли въ бездѣйствіи, лѣни и бѣдности, отчасти приближаются къ тому же замѣтно быстрыми шагами. [8] Навѣрное ни кто не

комъ ранняго изнуренія. Въ зажиточныхъ, особливо казенныхъ, имѣніяхъ почти сплошь встрѣчаются высокіе, хорошо сложенные, мущины; въ разоренныхъ помѣстьяхъ почти сплошь малорослые и плохаго сложенія. Эта противоположность нигдѣ такъ не бросается въ глаза, какъ въ одномъ помѣстьѣ Шуйенскаго прихода. Тамошніе крестьяне, лѣтъ 30 тому назадъ, принадлежали къ числу самыхъ зажиточныхъ въ Ливоніи, а потомъ попали въ руки одного корыстолюбиваго и безчеловѣчнаго владѣльца. Всѣ, остающіеся еще отъ той счастливой поры, высокорослы и крѣпки, живаго характера; за то другіе широкоплечіе карлики и отличаются глупостью, лѣностью и грязностью.

[8] Роннебургскіе ткачи славятся своею способностію. Одинъ изъ самыхъ способныхъ и зажиточныхъ между ними, подъ страхомъ своего отцовскаго проклятія, запретилъ сыновьямъ учиться какому ни будь ремеслу. «За чѣмъ, говорилъ онъ, хотите двойную веревку тащить?» Однако жь было бы совсѣмъ другое, если бы его отецъ выучилъ его какому ни будь ремеслу.

скажетъ: «Отъ чего жь это?» зная теперешнее состояніе этѣхъ крестьянскихъ общинъ. Есть другія помѣстья, на прим., Линденгофъ, Диккельнъ, Кульсдорфъ, гдѣ бѣдныя хижины обратились въ удобные домы, пустыри въ плодородныя нивы. Кто же виною такого превращенія? Довольство и господская кротость.

«Латышъ мотоватъ.» Въ мѣстахъ побѣднѣе, да! Въ мѣстахъ побогаче, на прим., въ Трикатенскомъ, онъ очень домовитъ. Въ иныхъ странахъ обыкновенно мотовство родитъ бѣдность, а здѣсь наоборотъ—доказательство, что и этотъ порокъ, въ случаѣ основательности такого порицанія, раждается изъ одного только положенія Латыша.

Послѣ девятимѣсячныхъ лишеній у крестьянина наконецъ опять полная житница. Съ своимъ запасомъ онъ, можетъ быть, и дотянулъ бы до весны, если бы у него достало рѣшимости быть только въ проголодь и въ послѣдніе три мѣсяца, какъ въ предшествовавшіе, и если бы ему ни чего не было нужно отдавать и уплачивать. Это очень убавляетъ его скудный запасъ, такъ что и при самомъ суровомъ постѣ ему не хватитъ его, безъ новаго займа. Отъ чего жь бы ему и не отдаться своей потребности веселья? По окончаніи годичныхъ работъ, желаніе насладиться плодами ихъ такъ естественно, особливо, когда еще надобно выстрадать ихъ въ несчастіи. Такъ чрезвычайно необходимо, чтобы за днями заботъ слѣдовало нѣсколько веселыхъ часовъ, если только это во власти человѣка. Слѣдовательно, кто же поставитъ въ вину бѣдному Латышу, что онъ пользуется своимъ мнимымъ избыткомъ, какъ дѣйствительнымъ; что осенью, въ ту пору года, когда все проповѣдуютъ объ отрадномъ наслажденіи благами природы, онъ варитъ себѣ бочку пива, печетъ дѣтямъ пироги и съ добродушною необдуманностью сверхъ мѣры задастъ корма своему домашнему скоту. Всѣ они вмѣстѣ съ нимъ чувствовали горечь недостатка, многіе дни и ночи испытывали мученія голода, не будучи въ состояніи утолить его. Вы, которыхъ жизнь проходитъ въ постоянномъ довольствѣ; вы, не знающіе другого недостатка, кромѣ того, что порождается изобиліемъ, недостатка въ способности къ наслажденію, никогда не видавшіе голода, его впалыхъ, потухшихъ глазъ, по-

влекшихъ и сморщенныхъ щекъ и высохшихъ губъ, и, однако жь, часто воображающіе себя несчастными, если встрѣтится неудача вашему честолюбію, или вашимъ соблазнительнымъ желаніямъ! Какъ, должно быть, легко для васъ, послѣ роскошнаго обѣда, давать на диванѣ правила, какъ надо бѣдности рѣзать свои скупые куски, чтобы весь круглый годъ терпѣть нужду, не надоѣдая вамъ своими просьбами! О, не завидуйте бѣдняку, достающему ваше довольство въ потѣ своего лица, не завидуйте ему въ мимолетномъ забвеніи минувшаго горя, въ короткомъ подкрѣпленіи себя на новое, которое неизбѣжно воротится, и уже подслушиваетъ у его двора! Дайте же и ему, по крайней мѣрѣ, осенью потѣшить себя! Жизнь въ безпрерывномъ страданіи.... Вы, должно быть, ужасно злы, если въ состояніи доставить такую жизнь даже и вашимъ врагамъ. Только сбившаяся съ толку сила воображенія выдумала такое состояніе и назвала его адомъ.

Да и къ чему бережливость-то Латышу въ бѣдныхъ мѣстахъ? Что за выгоды могутъ приневолить его къ тому? У жестокихъ господъ ему ни чего нельзя уберечь. Единственно возможною выгодою добровольнаго голода была бы меньшая необходимость въ займахъ, такъ чтобы ему меньше приходилось платить процентовъ; но что ему за дѣло до того? Чѣмъ больше убудетъ у него запаса, тѣмъ раньше Барскій дворъ долженъ будетъ помогать ему. Если же онъ не сдѣлаетъ того, Латышъ продастъ свою лошадь, или рогатый скотъ, и потомъ все же принуждены будутъ наконецъ пособить ему.

Впрочемъ, я не оправдываю поведенія крестьянина. Но осенью онъ стоитъ передъ скирдомъ своей пшеницы, точно жестоко голодный передъ богато уставленнымъ столомъ. Чтобы при первой подачѣ кушанье не уплетать ему слишкомъ жадно, надобно имѣть слишкомъ важныя побужденія къ умѣренности. Пусть доставятъ ему такія побужденія, подадутъ надежду на важныя выгоды и свободу сбереженія для себя и для дѣтей, даже обезпечатъ за нимъ возможность сбереженія и владѣнія, тогда и онъ будетъ строгимъ хозяиномъ: такъ это уже и сталось у человѣколюбивыхъ господъ.

Латыши безъ исключенія преданы пьянству. Да, къ сожалѣнію, да! Но чтобы отъ того чувствовать болѣе состраданія, чѣмъ презрѣнія къ нимъ, прошу моихъ читателей припомнить сказанное мной во 2-мъ Отдѣленіи.

Латышъ вороватъ, неугомоненъ, звѣрски свирѣпъ въ гнѣвѣ. Пойду еще дальше моихъ противниковъ: онъ способенъ и расположенъ ко всѣмъ порокамъ безъ исключенія, только бы имѣлъ влеченіе къ которому изъ нихъ и надежду на какую ни будь прибыль, даже только на безнаказанность при томъ. Но отъ чего же съ нимъ это? Еще Римляне признавали, что кто лишается свободы, теряетъ половину человѣчности. Они были правы. Кто сталъ ex lex (внѣ закона), кто принужденъ отказаться отъ возможности снискать себѣ добродѣтелью честь, уваженіе, довольство, короче сказать, что ни будь изъ обыкновенныхъ ея наградъ, изъ чего же тому и быть добродѣтельнымъ, если онъ не Философъ на столько, чтобы упражняться въ добродѣтели для нея самой? Но что Латыши не приверженцы ни Эпиктета, ни Канта, это еще нельзя толковать въ худую сторону для нихъ. Но недостаточно ли будетъ Вѣры, чтобы остановить его отъ пороковъ? Вѣра, по крайней мѣрѣ, необразованнаго похожа на резинковые пояса, которые приходятся по тѣлу всѣмъ. Она учитъ его гнушаться всякаго порока, къ которому онъ самъ не имѣетъ расположенія; а для собственныхъ недостатковъ онъ найдетъ причину къ снисхожденію въ долготерпѣніи Бога и благодатныхъ средствахъ Вѣры.

Вѣра, на сколько извѣстна она Латышу, по самой большей мѣрѣ, можетъ не дать ему упасть еще ниже, чѣмъ онъ уже упалъ. Катихизическіе уроки могутъ такъ же мало облагородить его, какъ и плеть, всегда поднятая для побоевъ. Если отъ того онъ становится смирнѣе и покойнѣе, причина та, что онъ сталъ малодушнѣе и тупоумнѣе. Это шагъ не впередъ, а назадъ. На самомъ дѣлѣ улучшить и облагородить его можно только съ помощію самой свободы. Только пользуясь ею, можно сдѣлаться ея достойнымъ. Какъ скоро можно будетъ Латышу имѣть чувство чести и самоуваженія, его характеръ очистится отъ дрязговъ рабства. Итогъ тотъ, что теперешніе народные недостатки Латыша

освобожденіе не сдѣлаетъ для него опаснымъ, а уничтожитъ ихъ,[9] кромѣ одной непокорности. Только намъ надо будетъ разобрать, что зовется покорностью въ Ливоніи. Покорными называются тѣ крестьяне, которымъ никогда не приходитъ на умъ, что права ихъ господъ могутъ имѣть границы; слѣдовательно, когда они всякое новое требованіе исполняютъ безъ ропота, даже безъ кислаго взгляда, и за всякіе побои цѣлуютъ у господъ сапоги съ глубочайшею покорностью. Это дѣлаютъ они въ помѣщичьихъ деревняхъ, что и очень естественно, пока продолжается власть ихъ господъ во всей ея полнотѣ, и отказываютъ въ томъ, лишь только гнѣвъ господъ не можетъ ужь больше назначать розогъ, это еще естественнѣе. Такая-то грубость, къ сожалѣнію, еще усилится, благодаря освобожденію. Хотя закона все еще будетъ достаточно на то, чтобы заставить ихъ исполнять свои обязанности и не тревожить общественной безопасности, однако жь, они ни чего уже не станутъ дѣлать даромъ больше того, къ чему обязаны. Всякое приказаніе ставить работниковъ втрое, пахать удвоенное количество полей, нести двойной извозъ на барина, будетъ отвергаться съ протестомъ. Вспышки дурнаго расположенія духа, пощечины, побои палками и проч., они ужь не станутъ принимать съ благодарностью, по тому что, не приведи Богъ! господа ужь больше не будутъ смѣть давать розги. Крестьяне станутъ тогда не съ рабскимъ сокрушеніемъ, а это всего чувствительнѣе, но съ покойною совѣстью поднимать глаза на большаго барина и большую матушку,[10] и разговаривать съ ними, не думая о поцѣлуяхъ въ сапогъ, или въ кефтанъ. Ну, а кому захочется получать особенные знаки учаженія, тому ужь надобно будетъ принять на себя трудъ заслужить ихъ.

---

[9] Les ésclaves sont bornés, parceque l'ésclavage brise tous les ressorts de l'ame. Ils sont méchans: pae assés avec vous. Ils sont fourbes, parcequ'on ne doit point la vérité à ses tyrans. Vous n'avez rien negligé, pour dégrader ces malheureux, et vous leur réprochés ensuit d'être vils.

Raynal.

[10] Названіе помѣщицы.

Такъ какъ человѣческое сердце столько испорчено, что въ одномъ счастливомъ положеніи получаетъ чувство собственнаго уваженія, я не умѣю ни чѣмъ другимъ уладить этѣ затрудненія, кромѣ настоятельной просьбы, чтобъ вы, благородные господа и госпожи, рѣшились пожертвовать родинѣ и человѣчеству своимъ высокогосподскимъ величіемъ и хозяйственными спекуляціями. Подумайте только, что не такъ значительные доходы, которыми пользуются съ покойною совѣстью, доброю славой и безопасностью, имѣютъ гораздо больше цѣны, нежели самые огромные, которыми обязаны притѣсненіямъ, такъ же какъ почтительное и любезное привѣтствіе человѣка, которому сдѣлали добро, хотя онъ могъ бы и не снимать шляпы, приноситъ больше чести, нежели подличанье раба, проклинающаго васъ въ своемъ сердцѣ.

Перехожу наконецъ къ послѣднему, очень часто повторяемому, возраженію, которое только слѣдствіе прежнихъ, что положеніе Латыша будетъ очень невѣрное и жалкое, какъ скоро освобожденіе передастъ его собственному руководству. Отъ лица Латышей приношу самую обязательную благодарность Дворянамъ, за ихъ человѣчное спасеніе, но принужденъ имъ сказать, что оно совсѣмъ безполезно.

Въ сущности Латыши нѣчто большее дворовыхъ животныхъ. Замѣчали даже, что въ извѣстномъ возрастѣ они получаютъ нѣкоторую умственную зрѣлость и послѣдовательность въ выводахъ и поступкахъ, и именно въ ту пору жизни, когда тѣ же явленія начинаются и у Дворянъ, хотя и не всегда, но, по крайней мѣрѣ, должны бы начаться. Отъ того я могъ бы почти полагать, что Латыши созданія, по меншей мѣрѣ, очень схожей породы съ Дворянами, и также хорошо, какъ и этѣ, чувствуютъ такую потребность, чтобъ прекратилось наконецъ обхожденіе съ ними, какъ съ ребятами, и постороннее руководство. Разумѣется, 60-тилѣтній Латышъ такъ же рѣдко бросаетъ водку, какъ и 60-тилѣтній Дворянинъ игру въ карты, гораздо вреднѣе водки; но оба они рано знакомятся съ благороднѣйшими наслажденіями и ведутъ себя разсудительнѣе.

Будучи очень далекъ отъ того, чтобы находить печальнымъ будущее состояніе освобожденнаго Латыша, я думаю, что оно,

должно быть, гораздо выгоднѣе положенія людей, рожденныхъ въ свободномъ и Дворянскомъ званіи. Всякой безъ исключенія крестьянинъ выучился работать; а сколько встрѣтится въ числѣ Дворянъ такихъ, которые только и умѣютъ быть Дворянами. Разумѣется, крестьянинъ больше ужь не бралъ бы въ заемъ пшеницы, но могло ли бы и случиться, чтобы самъ земледѣлецъ имѣлъ надобность въ хлѣбныхъ займахъ, если у него будетъ время работать на себя. При неурожаяхъ съ нимъ не было бы хуже свободныхъ крестьянъ всѣхъ другихъ странъ, а несомнѣнно лучше теперешняго въ большей части деревень. Безпутный безъ всякой спасенія долженъ бы былъ выселяться: отъ того-то 19 двадцатыхъ частей и перестали бы быть безпутными. Кто проживетъ свою недвижимость, съ тѣмъ случалось бы тоже, что и съ мотышками въ Швейцаріи, Германіи, Голландіи и вездѣ. Онъ принужденъ бы былъ сдѣлаться рабомъ, какъ и нынѣ, но тогда ужь могъ бы самъ выбирать себѣ господина.

Наконецъ, приводимая въ примѣръ участь отпущенныхъ уже на волю отлѣльныхъ крестьянскихъ личностей совсѣмъ ни чего не доказываетъ. Больше всего это лакеи, не научившіеся ни чему полезному, которымъ на старости лѣтъ дали свободу причесывать и прислуживать, гдѣ имъ угодно; либо такіе безнравственные негодяи, что ихъ ужь выгнали и изъ рабскаго-то званія. Что жь за диковина, если такіе люди нищіе, или воры? Въ другомъ случаѣ, нѣтъ ли и недостаточныхъ Дворянъ такихъ же? Еще и теперь бродитъ по странѣ одинъ молодой, здоровый Дворянинъ, Г. Ганенфельдъ, проситъ милостыни по господскимъ дворамъ и крестьянскимъ избамъ, и радехонекъ, если кто изъ крестьянъ пріютитъ его у себя сутки на двои. Въ Вейсензее сватался онъ къ дочери одного крѣпостнаго, но ему тотчасъ же указали двери. Въ Планупѣ одинъ старый Графъ Дугласъ живетъ въ крестьянской банѣ и шляется по кабакамъ за милостыней. Подъ Нитаномъ [11] одинъ Дворянинъ, не понимавшій ужь по Нѣмецки,

---

[11] Прошу извиненія у будущихъ моихъ читателей въ Германіи, въ томъ, что называю такія незначительныя мѣста. Мнѣ особенно необходимо показать своимъ землякамъ, что я не выдумалъ ни одного, ни самаго малѣйшаго, случая.

былъ цѣловальникомъ, а наконецъ его и прогнали. Изъ того можно, пожалуй, заключить, что Дворянству будетъ лучше, если его сдѣлаютъ крѣпостнымъ сословіемъ? Со всѣмъ нѣтъ; но такъ же мало можно судить и о Латышахъ по отдѣльнымъ случаямъ. Дайте-ка хоть одному трудолюбивому семейству свободу, да оставьте за нимъ, на снисходительныхъ условіяхъ, землю; назовите вольнымъ молодаго человѣка, научившагося чему ни будь полезному, хотя бы только чтенію и письму, да и посмотрите, что изъ нихъ выйдетъ.

Впрочемъ, эта задача рѣшена давно. Близъ Риги и внутри страны есть много свободныхъ Латышей, которые живутъ прилично и зажиточно садоводствомъ, рыбною ловлей и ремеслами. Нѣкоторые вольноотпущенные дворовые осѣдлые купцы; другіе занимаютъ гражданскія должности; одинъ Латышъ свободнаго званія Пасторъ, однако жь, тщательно скрываетъ свое происхожденіе. Такъ можно ли же утверждать по этѣмъ примѣрамъ, что Латыши неспособны, или, выражаясь мягче, не созрѣли для свободы? Да и можетъ ли это быть для какого бы то ни было народа? [12] Только одинъ помѣщикъ можетъ отважиться на такое нелѣпое мнѣніе: такъ и вѣрить ему? Относительно рѣдкихъ умственныхъ калѣкъ оно, можетъ быть, отчасти и основательно; но произносить его обо всемъ народѣ, значитъ порочить человѣчество; жестокое безуміе отказывать сотнямъ тысячъ человѣкъ въ ихъ правахъ, по тому только, что десятеро, пожалуй, употребятъ ихъ во зло.

Несравненно важнѣе опровергнутыхъ предразсудковъ другой, не по тому, чтобы онъ былъ основательнѣе, а по тому, что онъто собственно и есть причина сохраненія рабства, такъ какъ первые по большей части только предлоги. Опасливо остерегаются сознаваться въ немъ, по тому что онъ основывается на своекорыстіи. Въ частыхъ разговорахъ моихъ о крѣпостномъ состояніи только два раза удалось мнѣ навести на этотъ предметъ своихъ Дворянскихъ противниковъ, и всякой разъ слѣдовалъ отзывъ, или

---

[12] Пусть вспомнятъ что я говорю о личной, а не политической, свободѣ.

лучше взрывъ, съ такою силой, что мнѣ надобно было прерывать бесѣду.

Вообразили себѣ, что освобожденіе крестьянъ рѣшительно погубитъ Дворянство. «Огромная цѣна помѣстьевъ, говорятъ, не дозволяетъ ни чего больше, какъ довести до крайности экономію для извлеченія выгодъ, но при этомъ надобно безо всякой помѣхи подниматься на прибыльныя предпріятія. Свободныхъ крестьянъ и такихъ, которыхъ повинности поступили подъ охраненіе судовъ, нельзя будетъ принудить къ исполненію всякаго замысла, съ которымъ помѣщикъ купилъ деревню. Слѣдовательно, цѣна помѣстьевъ упадетъ; частые конкурсы совсѣмъ уронятъ Дворянство, и вся поземельная собственность перейдетъ въ руки зажиточныхъ гражданъ. Тогда разорятся даже и свободные отъ долговъ помѣщики, если при роскоши, возрастающей ежедневно, они не въ состояніи будутъ увеличивать доходовъ наравнѣ съ потребностями своихъ семействъ. Въ первые годы большая часть ихъ подвергнутся опасности не сдѣлать ровно ни чего изъ своихъ деревень, по тому что первое употребленіе, сдѣланное Латышами изъ свободы, будетъ то, что они покинутъ свою родину. Латыши станутъ жаться въ хлѣбородныхъ мѣстахъ, а въ менѣе урожайныхъ пашни такъ и останутся. Помѣщикъ принужденъ будетъ или бросить свое помѣстье, или отдать свои земли, на какихъ бы то ни было условіяхъ, всякой сволочи.»

Не должно такъ препебрегать этѣми доводами, какъ бываетъ обыкновенно, по тому что въ нихъ больше правды, чѣмъ въ какомъ ни будь изъ другихъ, приводимыхъ въ защиту рабства. Да, Дворянство разорится, какъ скоро Латыши сокрушатъ свое иго, или Правительство поступитъ безпощадно справедливо. Но Дворянство рѣшается ити на встрѣчу неизбѣжной долѣ; если оно само откажется отъ того, чѣмъ не можетъ дольше владѣть, то внушающія страхъ невзгоды будутъ такія затрудненія, которыя могла бы уничтожить самая малая осторожность.

Правда, что освобожденіе Латышей ограничитъ спекуляціи. Но справедливость, человѣчность, благоразуміе не требуютъ ли настоятельно такого ограниченія? Правда, что разсчеты жадныхъ

скупателей деревень разстроятся; но это еще самое мягкое наказаніе, какого заслуживаютъ ихъ постыдныя спекуляціи. Убытокъ прочихъ будетъ не великъ. Хоть нынѣшнія обыкновенныя повинности нельзя будетъ принять за образецъ, если желаютъ сдѣлать крестьянъ зажиточными, однако все же этѣ послѣдніе могутъ выносить очень много, при получаемыхъ ими кое какихъ выгодахъ. Подъ строгимъ хозяйствомъ я разумѣю такое, которое старается сберечь что ни будь благоразумнымъ управленіемъ, а не то общепринятое, которое всякую новую потребность наверстываетъ новыми притѣсненіями. Кто хочетъ наживаться, не отказывая себѣ ни въ чемъ, а только на счетъ другихъ, тотъ ужь не хорошій хозяинъ, а разбойникъ. Строгаго хозяйства будетъ достаточно для покрытія небольшихъ убытковъ въ первое время, если какіе и окажутся. За то освобожденіе Латышей скоро доставитъ выгоды, до неопредѣленной высоты превышающія всѣ возможные убытки. Приведу только нѣкоторыя изъ нихъ, и при томъ сначала отрицательныя.

Всякой рабъ, по своему качеству, неминуемо завѣдываетъ какою ни будь частью барскаго имущества. Когда онъ изведетъ свой хлѣбъ, барину надобно содержать его. Падетъ ли у него рогатый скотъ, или лошадь, или онъ продастъ ихъ, барипъ все это долженъ опять давать ему, либо новому домохозяину. Не говорите, что крестьянинъ долженъ уплачивать долги. Чѣмъ больше онъ уплатитъ ихъ, тѣмъ необходимѣе ему новое пособіе, и на послѣдокъ все же проигрываетъ господскій дворъ. Во всякомъ помѣстьѣ съ бѣдными крестьянами черезъ нѣсколько лѣтъ обыкновенно бываетъ необходимо формальное погашеніе долговъ.

Если крестьянинъ отъ несчастнаго случая, отъ распутства, или умышленно, чему есть также примѣры, становится не способнымъ къ работѣ, тогда проигрываетъ господскій дворъ, а крестьянинъ выигрываетъ болѣе покойную жизнь. Прямо или не прямо, но все же кормятъ его господа. Ихъ же прежде всего поражаетъ и судебное наказаніе самыхъ жестокихъ преступниковъ. Рабъ, осужденный въ ссылку, или въ крѣпостную работу, терпитъ немного, такъ какъ ужь онъ привыкъ къ плохой жизни, а у господской усадьбы однимъ работникомъ меньше. Отъ

того-то сколько можно и избѣгаютъ дѣлать что ни будь по суду. Не давно, на примѣръ, въ одномъ помѣстьѣ двое дворовыхъ пытались вломиться въ спальню своего барина, и такъ какъ они знали, что онъ тутъ, то, вѣроятно, хотѣли сдѣлать не одно воровство. Намѣреніе не удалось, и виновники были найдены. Благоразуміе не дозволяло жестокимъ домашнимъ наказаніемъ еще больше озлоблять людей, оказавшихся способными на такой умыселъ. А если предать ихъ суду, тогда надобно будетъ лишиться двоихъ работящихъ людей: это запрещала скупость. Такимъ образомъ помѣщикъ отпустилъ ихъ съ барскаго двора и посадилъ въ крестьяне, что пришлось имъ очень по вкусу. Слѣдовательно, сподручное домашнее наказаніе помогаетъ нравственности и безопасности?

Помѣщичье право такъ же мало даетъ и возможности вознагражденія за украденную, или поврежденную, вещь. Господскій дворъ возьметъ у преступника все, что ни есть у него. Онъ разжалуетъ его въ дворовые, но тогда все же ему надобно содержать его съ семьею, да еще взятое у него отдавать новому хозяину, чтобы этому было чѣмъ жить.

Освобожденіе крестьянъ и наслѣдственное ихъ владѣніе недвижимымъ имуществомъ измѣнило бы всю картину. Тогда ужь не нужно бы было давать имъ грязнуть въ распутствѣ чрезъ снисхожденіе къ пороку и погашеніе долговъ. Да не имѣли бы и надобности дѣлать имъ ни малѣйшей ссуды, и стали бы неограниченными владѣльцами всей своей жатвы, чѣмъ не бываетъ на самомъ дѣлѣ ни одинъ помѣщикъ.[13] Убытокъ отъ крестьянъ былъ бы совсѣмъ не возможенъ. Если бы они были мотоваты, нерадивы, всѣ въ долгу, то ихъ земля, хлѣбъ и всѣ пожитки продавались бы человѣку, болѣе порядочному, и господскій дворъ получилъ бы уплату долга. На всякаго безпутнаго онъ вымѣнивалъ бы одного зажиточнаго и трудолюбиваго крестьянина. Оче-

[13] Нечего приводить, что многіе стали теперь такими, благодаря обманамъ, сдѣланнымъ ими съ повѣрщиками, и жестокосердію съ крестьянами. Принимать за надлежащее правило обманъ и жестокость было бы обидою для Дворянства.

видно, что при такомъ положеніи цѣна помѣстьевъ поднялась бы значительно.

Мало того. Если помѣщики далеко не въ состояніи отказаться отъ увеличенія своихъ господскихъ полей и проч., то уничтоженіе крѣпостнаго состоянія могло бы послужить средствомъ къ тому. Три четверти помѣстьевъ въ Ливоніи имѣютъ большіе участки негодной земли, либо служившіе для сельскаго хозяйства сбѣжавшихъ крестьянъ, либо состоящіе изъ болотъ, лѣсовъ и негодныхъ кулигъ. Они или совсѣмъ не приносятъ ни какого дохода помѣщику, или очень немного. Когда бы объявили крестьянамъ свободу, по первому приглашенію собрались бы туда для поселенія тысячи семействъ, вмѣсто того, чтобы уходить имъ теперь въ Херсонъ, или въ Америку. Съ радостью стали бы они платить кортомную плату и работать на владѣльца, только бы обезпечили имъ личную свободу. Въ нѣсколько лѣтъ помѣщики удвоили бы свое состояніе, а Государство выиграло бы чрезвычайно много.

И тѣ немногія помѣстья, въ которыхъ вовсе нѣтъ мѣста для новыхъ поселенцевъ, поднялись бы въ цѣнѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы они не могли уже увеличивать усадебныхъ пашенъ. Промышленность похожа на рѣку: запруженная плотиной, она не меньше прежняго катитъ воды, но получаетъ глубже русло. Какъ скоро стало бы нельзя увеличивать барщину и оброки, отыскались бы и пошли въ пользу многія отрасли сельскаго хозяйства, которыя лежатъ теперь и сохнутъ въ землѣ. Дегтярные заводы, пчеловодство, овцеводство, [14] садоводство и полотняныя фабрики, втрое вознаградили бы всякую потерю. Въ большихъ помѣстьяхъ не остановились бы и на этомъ. Благодаря большей населенности, скоро были бы въ состояніи устроить кожевенные, клеевые, поташные и мыльные заводы. [15] Тысячи ви-

---

[14] Можетъ быть, не отыщется и двухъ помѣщиковъ въ Ливоніи, которые извлекали бы доходъ изъ воска и шерсти; а какъ немного понадобилось бы на это траты времени и денегъ! Большая часть покупаютъ медъ и проч. у своихъ крестьянъ.

[15] Кромѣ стеклянныхъ заводовъ, въ Ливоніи не шли почти ни какія фабрики: это

довъ промышленности зародились бы подъ благодатнымъ вліяніемъ свободы. Торговый сбытъ, большія потребности края, привели бы въ цвѣтущее состояніе города, а большая потребительность этѣхъ послѣднихъ, на оборотъ, оказала бы дѣйствіе на земледѣліе. Короче сказать, преобразится весь край, перестанетъ быть на половину пустыней, какъ скоро Дворянство откажется отъ своихъ помѣщичьихъ правъ.

Но не бредни ли это, въ родѣ тѣхъ, которыми пользуется всякой выдумщикъ для одобренія своихъ предпріятій и которыя, точно туманныя картины, распускаются въ воздухѣ, только что хочешь схватить ихъ Не пройдетъ ли, по крайней мѣрѣ, очень много столѣтій, прежде чѣмъ осуществятся этѣ выгоды? Не слишкомъ ли ужь населятся одни мѣста и не обезлюдѣютъ ли другія?

Отвѣчаю на послѣднее: только злая совѣсть можетъ внушать такой страхъ. Правду сказать, надобно, чтобы надѣлалъ очень много зла тотъ помѣщикъ, котораго крестьяне всего скорѣе позабудутъ всякую любовь къ родинѣ, и лучше бросятся въ широкой свѣтъ на невѣрное, нежели захотятъ получать себѣ вѣрный доходъ съ отеческаго поля. Какъ скоро Латышъ будетъ съ хлѣбомъ, да станутъ обходиться съ нимъ кротко, онъ такъ же точно не подумаетъ о перемѣнѣ, какъ и всякой другой, съ такимъ же ограниченнымъ умомъ. Давайте только не розги ему, если онъ убѣжитъ, а поземельную собственность, чтобы онъ остался. Въ слѣдующемъ Отдѣленіи предложу средства для предупрежденія всѣхъ золъ, которыхъ такъ опасаются. Впрочемъ, упрекъ въ излишней идеальности моихъ мнѣній, я ни чѣмъ не могу опровергнуть лучше, какъ опытомъ, который составляетъ вовсе не старый еще примѣръ.

не возраженіе на мое мнѣніе. Причины неуспѣшности такихъ попытокъ очевидны: это недостатокъ въ людяхъ и дороговизна хлѣба. Первый зависитъ отъ недостаточнаго устройства гражданскаго, которое должно отучивать всѣхъ иноземцевъ отъ поселенія въ Ливоніи; вторая основывается на томъ, что одни только Дворяне, а не крестьяне, могутъ продавать хлѣбъ, и большею частію курятъ изъ него вино. Стало быть, единственная причина зла въ Ливоніи— крѣпостное состояніе.

Когда Фридрихъ единственный (II-й) завоевалъ Силезію, рабство царило тамъ почти въ такомъ же страшномъ видѣ, какъ и теперь въ Ливоніи.[16] Крестьянинъ, какъ и здѣсь, былъ бѣденъ, невѣжественъ, тупъ, пороченъ. Дворяне разоряли его, какъ хотѣли, отнимали у него домъ и дворъ, чтобы обращать ихъ въ мызы и били его такъ же безчеловѣчно, какъ и здѣсь. Они должны были ежегодно помогать ему и, какъ у насъ же, употребляли пособіе на то, чтобы дѣлать крестьянина съ каждымъ годомъ бѣднѣе.[17] Не знаю, говорили ли они при томъ о любви къ человѣчеству, и сожалѣли ли о незрѣлости народа для свободы, какъ бываетъ въ Ливоніи. По крайней мѣрѣ, это вѣроятно.

Безсмертный Государь понималъ хорошо, что въ народѣ, духъ котораго давно убитъ рабствомъ, было бы смѣшно дѣйствовать съ помощію этого самаго духа на внѣшній народный бытъ. Онъ зналъ, что этотъ духъ надобно пробудить сначала внѣшнею жизнію, по тому что нельзя же научиться жить, не живя дѣйствительно. И вотъ, не позволяя себѣ и думать о желаніи образовать крестьянъ для свободы училищами и пѣсенника пѣснями, и подготовлять такую мѣру, которой подготовка не кончится никогда, онъ принялся за дѣло, самое лучшее въ его славной жизни, хотя о немъ-то именно и говорятъ всего меньше.[18]

Въ нижней Силезіи удалось ему вразумить Дворянъ, въ чемъ заключается ихъ настоящее благо; тамъ-то сначала и было уничтожено рабство. За два червонца выкупа со всякой мужской и одного съ женской личности, крестьянинъ получилъ право уходить изъ деревни, если въ другихъ мѣстахъ находилъ лучшіе

---

[16] Смотр. «О Силезіи до 1740 года и съ этого времени.» Ч. II, стр. 305.

[17] Только они не вели торговли невольниками. Выселенные крестьяне, по свѣдѣтельству приводимой книги, сгоняли свой скотъ и безпрепятственно уходили въ Польшу. Въ Ливоніи ихъ стали бы открыто выставлять на продажу, если бы не нашли, гдѣ помѣстить.

[18] И хотя необходимость такого дѣла очевидна для самаго ограниченнаго разсудка.

способы доставать себѣ пропитаніе промысломъ, или сельскимъ хозяйствомъ. Остающіеся въ деревнѣ получили опредѣленныя повинности, и суды, состоявшіе не все изъ однихъ помѣщиковъ, и находившіеся подъ строгимъ наблюденіемъ Короля, охраняли ихъ отъ притѣсненія и обиды. Крестьянскія земли отданы въ наслѣдственную собственность домохозяевамъ; даже дворы, обращенные въ мызы, возвращены назадъ и получили способныхъ владѣльцевъ. Всякой крестьянскій дворъ показанъ въ чрезвычайно низкой цѣнѣ, и, вмѣстѣ съ этою цѣною, выше которой онъ никогда не могъ продаваться съ конкурса, записанъ въ Судебномъ мѣстѣ. Очень замѣчательный законъ, тѣмъ крѣпче привязывавшій крестьянина къ его родинѣ и званію, чѣмъ больше онъ разживется тамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминавшій нерадивому хозяину будущій исходъ его оплошности.

Такимъ образомъ многія сотни тысячъ рабовъ съ разу обратились въ настоящихъ гражданъ Государства. А какія были послѣдствія? Пускай подумаетъ о нихъ хорошенько всякой, приходящій въ содроганіе отъ послѣдствій уничтоженія рабства. Ни какія смятенія, ни даже безпорядки, не осквернили праздника мудрой человѣчности, и обѣ стороны выиграли. Мысль о правѣ, свободѣ, собственности, пробудила въ крестьянинѣ честолюбіе, любовь къ труду и образованности. Онъ сталъ зажиточенъ, и чѣмъ обильнѣе становилась его земля, тѣмъ прилѣжнѣе старался онъ справлять барщину и оброки и обходиться безъ всякихъ вспоможеній,[19] чтобы его имѣнье досталось дѣтямъ, а не отошло бы отъ него за половинную цѣну къ другому лицу, честнѣе его. Если гдѣ ни будь случалось крестьянину надѣлать долговъ въ уровень съ показанною цѣнностью его земли, эта продавалась: низкая цѣна ея привлекала много покупателей, изъ которыхъ можно было выбирать. Изъ денегъ, вырученныхъ за нее, сначала удовлетворялся помѣщикъ, и, стало быть, у него ни чего не могло пропадать на крестьянахъ. Ему не нужно было ни мирволить имъ, ни помогать. Онъ неограниченно рас-

[19] А при несчастныхъ случаяхъ, которыхъ не былъ виною онъ самъ, ему обезпечено было пособіе изъ Королевской казны.

полагалъ своими доходами и могъ увеличивать ихъ болѣе человѣчными и прибыльными оборотами, нежели притѣсненіе крестьянъ. Самая цѣна Дворянскихъ усадебъ могла повышаться, благодаря заведенію фабрикъ и проч., и никогда не падала по случаю нищеты крестьянъ. Большее благоденствіе края оживилось городской промышленностью. Короче сказать, Силезія стала, чѣмъ она есть и теперь,—лучшимъ сокровищемъ, главною силою Прусскаго Государства, сдѣлалась стоющею 7-ми лѣтней войны съ Европой.

Въ Верхней Силезіи, [20] гдѣ и теперь еще образованность всѣхъ сословій не отстала отъ образованности ихъ въ Нижней Силезіи, Король нашелъ менѣе разсудительныхъ людей, которые были бы въ состояніи понять благотворность его намѣреній. Его осадили просьбами и представленіями, [21] говорили о насильственномъ вмѣшательствѣ въ право собственности. Государь уступилъ, чтобы дать близорукимъ почувствовать слѣдствія ихъ упрямства. Крестьяне остались крѣпостными; но какъ они все же вещь (res), также принадлежащая Государству, какъ и помѣщику, то ихъ повинности опредѣлены были самымъ строгимъ образомъ. Въ случаѣ неисполненія ихъ обязанностей, помѣщики могли ихъ сѣчь, отбирать у нихъ собственность, обращать въ дворовыхъ рабовъ. Первое не вознаграждало убытка, а все отобранное у ссаженнаго съ тягла хозяина надо было отдавать новому. Велѣно было, чтобы господскій дворъ давалъ всякому посаженному такъ хозяину скотъ, земледѣльческія орудія и все нужное для жизни и барщины, также пособіе при неурожаѣ и во всякой нуждѣ. Если онъ не дѣлалъ того добровольно, его принуждали Судомъ.

Этѣ распоряженія были самое меньшее изъ того, что предписывала Королю его правительственная обязанность. Впрочемъ, доказанная уже истина, что помѣщичье право болѣе вредно,

---

[20] Пишу со словъ очевидца, одного ученаго, который родился и воспитывался въ Силезіи, стало быть, могъ самъ наблюдать, и наблюдалъ въ самомъ дѣлѣ.

[21] Въ которыхъ навѣрное заключалось все то же, что и Лифляндскіе Дворяне приводятъ въ защиту рабства.

чѣмъ выгодно, если оно неограниченно. Это и процвѣтающее благосостояніе, такъ скоро достигнутое Нижней Силезіей, убѣдило Верхнихъ Силезцевъ въ ошибкѣ, какую они сдѣлали, отказавшись отъ Королевскаго благодѣянія. Такъ же настойчиво они желали теперь уничтоженія рабства, какъ прежде шли наперекоръ ему. Но Король былъ неумолимъ, и въ продолженіи длиннаго ряда лѣтъ они должны были переносить послѣдствія своей непокорности.

Предоставляю моимъ землякамъ сдѣлать сравненіе и поразмыслить о послѣдствіяхъ, которыя можно вывести изъ этой современной намъ исторіи. Сама она говоритъ сильнѣе, нежели было бы возможно для самого меня.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СРЕДСТВО ДОСТАВИТЬ ЛАТЫШУ СВОБОДУ И ОБРАЗОВАННОСТЬ.

Sanabilibus aegrotamus malis, ipsaque natura nos, in rectum genitos, si emendari velimus, juvat.

Seneca.

Точно свѣтлаго восхожденія солнца послѣ бурной ночи, или лучше, наступленія весны, которая опять оживитъ природу, всякой Ливонскій другъ отечества съ веселыми видами ожидалъ Дворянскаго съѣзда въ 1795 году. Общій духъ вѣка, такъ открыто произнесшій приговоръ надъ притѣсненіемъ и рабствомъ; боязливость, съ какою самые жестокіе помѣщики ведутъ теперь свои темныя дѣла; ихъ старанія считаться кроткими и мягкосердечными, и даже въ разговорѣ оправдывать самые несправедливые поступки; распространившійся повсюду слухъ, что самымъ главнымъ занятіемъ Дворянства будетъ улучшеніе крестьянскаго устройства; наконецъ, воспоминаніе о томъ, какъ благородно подвизался почтенный Баронъ Шульце за нашихъ Латышскихъ собратій: все приглашало предаваться самымъ лучшимъ надеждамъ. Одинъ извѣстный другъ людей, полный самыхъ горячихъ желаній добра человѣчеству, начальникъ Губерніи, Сиверсъ, находился во главѣ Дворянства и, какъ извѣстно, съ нимъ соединились нѣкоторые изъ самыхъ благородныхъ людей его сословія, чтобы выхлопотать очень много хорошаго для страждущаго человѣчества: это подняло ожиданія еще выше, и первые поступки Дворянства отвѣчали имъ.

Главный пасторъ Зонтагъ, въ качествѣ оратора и человѣка достойный того высокаго общественнаго уваженія, которымъ онъ пользуется, при открытіи Съѣзда, говорилъ проповѣди объ общественномъ духѣ. Съ самымъ теплымъ чувствомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ явился онъ защитникомъ разсудка и человѣческаго долга, и сообщилъ очень ясныя указанія на то, чего ожидаютъ себѣ отъ Дворянства, которое вездѣ хочетъ быть лучшею частію народа. [1] Дворянство положило послать ему золотую табакерку съ надписью: «Общественный духъ,» а проповѣдь была напечатана на Дворянскій счетъ.

Нѣкто подбирался къ должности Уѣзднаго Предводителя, и былъ выбранъ. Другой, Г. Уѣздный Предводитель, Бокъ, снискавшій общее уваженіе своимъ благороднымъ образомъ мыслей, объявилъ, что отказывается отъ своего мѣста, только бы не стоять на одной ступени съ человѣкомъ, который, между другими извѣстнаго рода поступками, засѣкъ двоихъ крестьянъ до смерти. Выборъ перваго Предводителя тотчасъ же былъ отмѣненъ, и съ лютымъ человѣкомъ обошлись такъ презрительно, что онъ скрылся, да ужь опять и не показывался въ домѣ Собранія.

Вездѣ передавали другъ другу съ радостью этѣ происшествія и ожидали закрытія Съѣзда съ чуткимъ предчувствіемъ очень благородныхъ вещей. Онъ былъ закрытъ, и увы! Дворянство, по обыкновенію, наговорило себѣ любезностей на счетъ своей человѣчности, увѣрило людей въ своей преданности и оставило все по старому. Хоть и положены были условія относительно крестьянъ, но послушайте! [2]

Первое условіе: «Всякой помѣщикъ долженъ объявить вторично, какихъ повинностей онъ будетъ требовать отъ своихъ крестьянъ. Это объявленіе надобно обнародовать крестьянамъ, и ужь не нарушать его.»

---

[1] Положило и обнародовало. Спустя потомъ 4 мѣсяца, этого еще не было исполнено: дальше не простираются мои извѣстія. Для кого близко сердцу благо человѣчества, тотъ съ восхищеніемъ прочтетъ эту, отдѣльно напечатанную, проповѣдь: «Поощреніе духа общественности.» Рига, 1795.

[2] Слѣдую здѣсь общему показанію многихъ Дворянъ, хваставшихъ благомъ, ко-

Ясно видно, что это условіе опять вышло отъ Дворянства, которое страдало мыслью неограниченнаго полновластія. Лучше ли будетъ отъ того Латышамъ, если притѣсненія, которыя, какъ противозаконныя, дѣлались до сихъ поръ съ нѣкоторымъ опасеніемъ, сдѣлаются законными? Развѣ безстыдство, съ которымъ сознаются въ этѣхъ притѣсненіяхъ, дѣлаетъ ихъ законными? Если разбойникъ, прежде чѣмъ раздѣть дорожнаго человѣка, сначала скажетъ ему, что хочетъ съ нимъ дѣлать, несчастный меньше отъ того замерзнетъ? А что, если какіе ни будь помѣщики объявятъ повинности еще выше тѣхъ, которыхъ осмѣливались они требовать до сихъ поръ? Надобно бы не спрашивать Дворянъ, сколько они хотятъ выжимать, а предписать имъ, сколько смѣютъ они требовать.

Какое довѣріе вообще можетъ вызвать это условіе, когда оно, существуя еще съ 1765 года, совсѣмъ не мѣшаетъ угнетенію? Хоть и говорятъ, что плата подушныхъ виною вторичнаго распространенія произвольныхъ повинностей, но это ложно. Онѣ не переставали никогда, а подушный окладъ подалъ только случай назвать и на словахъ не дѣйствительнымъ первое обнародованіе повинностей, какъ давно уже случилось на дѣлѣ.

Вообще всякое постановленіе, значенія котораго не оберегаетъ ни кто, не приноситъ вовсе ни какой пользы. Оно озлобляетъ страдальцевъ, не пособляя имъ. Меньше ли крѣпостной подвергнется мщенію стоего властелина, если пожалуется на нарушеніе этѣхъ условій? Да и кто вступится за него, если онъ не посмѣетъ жаловаться? Развѣ ужь больше не могутъ сѣчь его до полусмерти, выгонять изъ дома и продавать по одиночкѣ? Очевидно, что думали сдѣлать хоть что ни будь, только бы отдѣлаться отъ требованій какого ни есть благороднаго человѣка и ожиданій свѣта. Но изъ благоразумія остереглись позволить что ни будь такое, которое хоть мало мальски могло бы измѣнить положеніе дѣлъ.

торое они хотѣли выхлопотать для крестьянъ. Формально ни чего не приведено въ извѣстность, по тому что, благодареніе Богу! ни какія Дворянскія опредѣленія не имѣютъ законной силы, пока не будутъ утверждены Императрицей.

Второе условіе: «Должны быть наряжены двѣ Дворянскія Коммисіи, одна въ Ригѣ, другая въ Дерптѣ, для рѣшенія крестьянскихъ жалобъ на ихъ помѣщиковъ.»

И въ этомъ постановленіи нельзя не признать добраго намѣренія его виновника, но также и тщетность его. Мнѣ кажется, что вижу орла, который такъ и хочетъ подняться вверхъ, но падаетъ, по тому что у него ослабли крылья.

Коммисія, или лучше, Судъ, который только бы и занимался крестьянскими жалобами, былъ бы очень полезенъ, даже неминуемо необходимъ. Но если ему должно состоять изъ Дворянъ, то я не вижу, за чѣмъ отнимать это судопроизводство у Уѣздныхъ Судовъ, составленныхъ такимъ же образомъ. Если они когда ни будь рѣшали слишкомъ строго, или неправо, по тому что сочлены ихъ были помѣщики, то все же и отъ этѣхъ нельзя ожидать болѣе кротости и правосудія, хоть они ужь больше и не называются ассесорами, а сочленами, особливо, когда имъ не надобно будетъ толковать законы, а поступать по собственному усмотрѣнію. Къ тому же оба названные города въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ внутренней страны, что крестьяне будутъ еще безпомощѣне, нежели были до учрежденія Намѣстничества.

Дворянская Коммисія, не подчиненная, какъ судебное мѣсто, надзору высшихъ Присутственныхъ Мѣстъ и, однако жь, располагающая счастіемъ крестьянъ, на будущее время можетъ сдѣлаться величайшимъ бѣдствіемъ для нихъ. Кто поручится, что она всегда будетъ состоять изъ такихъ людей, у которыхъ человѣчность не только на языкѣ, но и въ сердцѣ, и которые видятъ въ Латышѣ малолѣтняго брата, а не существо низшаго разряда, не вьючное животное? Если подумать еще, что такая мѣра беретъ Латышей изъ подъ защиты ихъ собственнаго Правительства, ставитъ опять подъ судебную власть однихъ Дворянъ и, слѣдовательно, опять на дальнее разстояніе отодвигаетъ ихъ отъ настоящихъ Гражданскихъ правъ, то у всѣхъ истинныхъ патріотовъ не будетъ другого желанія сильнѣе того, чтобы Правительство не принимало этого предположенія. [3] Крестьянство такое же Государственное со-

[3] По случаю этого условія, разсказывалъ мнѣ Г. Уѣздный Предводитель, Транше,

словіе, какъ и Дворянство, и съ тѣмъ же правомъ, какъ и это, можетъ требовать рѣшительной защиты Судебнымъ мѣстъ. Не будетъ ли это несправедливо, безчеловѣчно, и не воротитъ ли назадъ то время, когда Дворяне, благодаря составленной изъ нихъ Коммисіи, присуждали крестьянъ къ смертной казни, такъ какъ одно сословіе отдано было въ полную волю другого, котораго выгоды были совсѣмъ противоположны выгодамъ перваго? Нѣтъ, человѣколюбивая маска стала ужь слишкомъ повседневною, чтобы могла обмануть кого ни будь, когда подъ нею прячется голова гарпіи. Если бы Дворянство въ Ливоніи на самомъ дѣлѣ рѣшилось поднять своихъ согражданъ, которыхъ оно подавляло; если бъ оно дѣйствительно перестало навлекать на себя и заслуживать ненависть и отвращеніе всего свѣта, оно приняло бы совсѣмъ другія мѣры. Оно не стало бы облекать помѣщичью власть въ другую форму, и не старалось бы такимъ образомъ увеличивать ее, а отказалось бы отъ этой неправой власти, и изъ благодарности къ крестьянину, который его кормитъ, возвратило ему права и вполнѣ поставило его подъ покровительство закона.

Третье условіе: Такъ какъ крестьяне, по явному сознанію Дворянскаго собранія, во многихъ мѣстахъ получили такъ мало пособія, что многіе умерли съ голоду, «въ продолженіе 6-ти лѣтъ со времени этого постановленія во всѣхъ помѣстьяхъ должны быть заведены крестьянскіе магазины, о которыхъ я и упоминалъ уже въ прежнихъ Отдѣленіяхъ, и начальники каждаго Уѣзда обязываются имѣть надзоръ за ними.»

И здѣсь, не знаю только кто заявилъ доброе желаніе, и оно было обмануто, опять не могу знать, кѣмъ. Приведенная жалоба

предложенъ на Дворянскомъ Съѣздѣ старинный Указъ, слѣдующаго содержанія: «Что всякой крестьянинъ, осмѣлившійся жаловаться на своихъ господъ, подвергается наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь.» Ex ungue leonem! Этотъ Указъ давно уничтоженъ благотворными постановленіями 1765 и 1784 годовъ. Такъ чего же хотѣли съ этимъ Указомъ? Дворянская Коммисія не будетъ ли впередъ средствомъ, чтобы поставить опять все на старую ногу? Sancta humanitas! Sancte Schoulz, ora pro patria tua!

Надобно ли напоминать здѣсь, что я говорю не объ отдѣльныхъ Дворянахъ, а объ ихъ правахъ и обыкновенномъ пользованіи этими правами?

уже слишкомъ основательна, но средство противъ нея вредно. Выше описывалъ я устройство такихъ магазиновъ и показалъ, что они не благодѣяніе, а только уловка, чтобы лукавымъ образомъ свалить съ себя, съ небольшими издержками, пособіе крестьянамъ, и, слѣдовательно, взвалить его на нихъ же самихъ. Но это условіе надѣлаетъ еще больше вреда. Такъ какъ предоставляется на волю помѣщикамъ заводить магазины, то нѣкоторые сдѣлаютъ очень незначительные вклады хлѣба, другіе и совсѣмъ ни какихъ, а крестьяне принуждены будутъ дѣлать большіе взносы. Правда, что для нихъ впередъ уже обезпечено пособіе, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, только они должны будутъ покупать слишкомъ дорого, новою податью, слѣдующее имъ безъ всякихъ податей, по тому что одинъ недостатокъ времени для работы заставляетъ ихъ нуждаться въ пособіи. А за чѣмъ же взваливаютъ на нихъ этѣ подати? За тѣмъ, что многіе помѣщики довольно безсовѣстны, что нарушаютъ свой священнѣйшій долгъ и заставляютъ умирать съ голода своихъ кормильцевъ! Вмѣсто того, чтобы принуждать строгостью несправедливыхъ людей къ исполненію ихъ обязанности,[5] ихъ еще награждаютъ, освобождая отъ этого долга! Чтобы сдѣлать безвредною ихъ жестокосердую суровость, не нашли лучше средства, кромѣ того, что взвалили на страдальцевъ новую обузу! Правду сказать, это значитъ поступать съ преступниками ужь слишкомъ вѣжливо.

Такъ вотъ послѣдствія Съѣзда, отъ котораго обѣщали себѣ, однако жь, столько великихъ дѣлъ! Вотъ благородныя пожертвованія, на которыя могло рѣшиться собранное Дворянство! Великій Боже! Вмѣсто того, чтобы согласиться на облегченія, дѣлаютъ законными притѣсненія; вмѣсто доставленія крестьянамъ болѣе дѣйствительной защиты законовъ, хотятъ еще ихъ лишить ее; вмѣсто обезпеченія пособія, заставляютъ ихъ отдавать еще больше изъ ихъ убогой жатвы, чтобы только господину было свободно располагать своею!

---

[5] Очень хорошо знаю, что Дворянское собраніе само по себѣ не имѣетъ ни какой карательной власти надъ своими сочленами. Оно могло, однако жь, представлять свои приговоры Правительству.

Чтобы не увлекаться до колкостей, я воздержусь отъ всякихъ дальнѣйшихъ замѣчаній объ этѣхъ промахахъ отчасти, можетъ быть, и добраго намѣренія: по чему жь и не полагать того? Но мнѣ должно обратить вниманіе на то, что исторія этого Съѣзда рѣшила нѣсколько очень важныхъ вещей.

Разсужденія на Съѣздѣ были откровеннымъ сознаніемъ, что крестьянинъ опустился въ самое глубокое бѣдствіе, и что причиною того—неограниченный произволъ.

Потомъ они показываютъ, что собственно разумѣетъ большинство Дворянъ подъ улучшеніемъ крестьянскаго устройства, и именно: не облегченіе повинностей, а только предохраненіе, чтобы несчастные совсѣмъ не пали подъ ихъ тяжестью, да и въ такой еще мѣрѣ, въ какой помѣщикъ можетъ выиграть чрезъ это предохраненіе.

Наконецъ, они показываютъ неоспоримо, какъ мало въ большинствѣ настоящаго старанія о томъ, чтобы вести крестьянъ къ свободѣ, да даже и о томъ, кабы бы хоть сколько ни будь облегчить ихъ ярмо. Они доказываютъ—и это всего ужаснѣе—самымъ яснымъ образомъ, что никогда нечего и надѣяться отъ Дворянства возвращенія гражданскихъ правъ крестьянину. Люди поблагороднѣе будутъ вѣчно слабы, чтобы поставить на своемъ, а большинство всегда останется такимъ же злымъ, что не покинетъ своей добычи. Наконецъ, если не вмѣшается Правительство, въ качествѣ завершителя этой страшной драмы, или окровавленная рука отчаянія не расправится сама, Ливонское Дворянство еще цѣлыя столѣтія все такъ и будетъ хвастать человѣколюбіемъ, и дѣлать безчеловѣчныя дѣла, защищать свои права и отказывать крестьянамъ въ ихъ правахъ, заявлять о своемъ желаніи образовать Латыша для свободы, и все круче и круче сжимать его въ тѣсномъ кругу крѣпостнаго состоянія, а между тѣмъ похваляться любовью къ Отечеству.

Мои братья по чувству! Вы, свободные отъ удушливаго себялюбія, сохранившіе на столько чистоты чувства, чтобы вспыхнуть сильнымъ негодованіемъ при видѣ несправедливости и гнета,

которымъ не достать васъ самихъ; вы, которымъ выпала на долю возможность всей душею привязаться къ самому высокому долгу—содѣйствія благу человѣка, и отъ чистаго сердца гнушаться всѣхъ, мѣшающихъ тому, всякаго жестокаго человѣка, точно вашего врага; не будемъ несправедливыми, — а это такъ человѣчно сдѣсь. Не станемъ осуждать всего сословія, по тому что оно состоитъ изъ людей. Большинство всякаго общества всегда чернь, хоть «фонъ» и красуется впереди ея именъ. Въ какомъ же еще большинствѣ она окажется въ такомъ собраніи, которое составилось не по выбору, а по случайному рожденію? И такъ, если Дворянство никогда не уплатитъ своего долга человѣчеству, мы не почувствуемъ отъ того негодованія, смѣшаннаго съ изумленіемъ. Голоса людей поблагороднѣе перекричитъ толпа, а эта толпа.... гдѣ ужь ей приносить справедливую жертву благу человѣчества? Это останется преимуществомъ лучшихъ людей.

Мы не ненавидимъ Дворянство, но ни чего больше и не ожидаемъ отъ него. Только къ Престолу поднимаемъ глаза съ надеждою, и поблагодаримъ Промыслъ, что Ливонія принадлежитъ къ Монархическому Государству. Въ немъ только можно еще привести въ границы угнетающую сторону народа и поднять угнетенную. Неограниченная Монархія вездѣ была средствомъ, благодаря которому повѣйшія Государства перешли къ гражданской свободѣ. Кто смотритъ съ этой стороны на вещи, тотъ благословитъ Великую Екатерину, что она нашла способы къ покоренію своей Монархической, но кроткой, власти столько Государствъ, существовавшихъ среди ужасовъ Феодализма.

Мы видѣли, что Правительство не нашло еще благопріятной, по его мнѣнію, поры дѣйствовать въ качествѣ освободителя крестьянскаго сословія въ Ливоніи. Осмѣливаюсь предложить ему чертежъ для того, болѣе съ тѣ ъ намѣреніемъ, чтобы пересчитать потребности Латышей и необходимыя мѣры, нежели изъ честолюбиваго стремленія быть преобразователемъ моего Отечества. Пускай повѣрятъ мой чертежъ обсудятъ, и потомъ отринутъ его, коли угодно. Почту себя счастливымъ, если онъ послужитъ только поводомъ къ составленію лучшаго, который приведенъ бы былъ въ исполненіе. Тогда я снесу терпѣливо, если мои про-

тивники успѣютъ причислить меня къ смѣшной толпѣ Езоповыхъ хвастуновъ, какъ бы ни мало заслужилъ это человѣкъ, отказавшійся отъ всего, что могла предложить ему родина, и покинувшій ее за тѣмъ только, чтобы изъ добровольной ссылки говорить ей необходимыя истины. Замѣчу, впрочемъ, что мысли въ слѣдующемъ чертежѣ большею частію принадлежатъ людямъ, которые гораздо выше меня въ пониманіи, чтобы то ни было, и которымъ обязанъ я немаловажною долей сообщенныхъ мною извѣстій.

Главныя бѣдствія Латышей: грубость, бѣдность, крепостное состояніе, со всѣми его печальными послѣдствіями. Эти бѣдствія въ самой тѣсной взаимной связи и составляютъ такую неразрывную цѣпь, что легче будетъ уничтожить ихъ всѣ, нежели вырвать одно какое ни будь. Грубость происходитъ отъ бѣдности, и, на оборотъ, поддерживаетъ эту самую бѣдность. Основа обѣихъ — помѣщичій произволъ въ требованіяхъ и наказаніяхъ, который опирается на недостатокъ въ собственно крестьянскихъ судахъ, и взаимно, въ соединеніи съ крестьянскою грубостью и бѣдностью, дѣлаетъ безполезными даже и существующіе суды, да очень ограничитъ пользу и будущихъ, по совершеннѣе настоящихъ.

Слѣдовательно, нельзя достичь одной какой ни будь цѣли возможнаго улучшенія образованности, благосостоянія и свободы крестьянъ. Законному употребленію свободы научаетъ одна образованность, [6] а эта послѣдняя рождается отъ благосостоянія, которое возможно только при свободѣ и образованности. Стремленіе къ благосостоянію никогда не будетъ общимъ въ народѣ, которому образованность не указываетъ наслажденій, достойныхъ его усилій, а свобода не обезпечиваетъ ему добраго успѣха въ томъ. До какого развитія вообще отважится возвыситься человѣкъ, пока онъ рабъ, да даже и безъ всякихъ видовъ на свободу? Стало быть, кто станетъ добиваться этѣхъ цѣлей по одиначкѣ, тотъ приметъ на себя напрасный трудъ. Надо подходить ко всѣмъ къ нимъ, либо отказаться отъ достиженія одной какой

[6] Разумѣется подъ этѣмъ не чтеніе и письмо, а чувство достоинства, любовь къ дѣятельности и нравственность.

ни будь. По крайней мѣрѣ, для чрезвычайно неполнаго временнаго достиженія одной, надо будетъ потратить столько же времени и старанія, сколько будутъ стоить всѣ онѣ вмѣстѣ.

Но при учрежденіяхъ ко благу одного сословія все же остается справедливымъ обращать вниманіе на то, чтобы другое отъ него не погибло. Слѣдовательно, благосостояніе Латышей надо будетъ устроить такъ, чтобы Дворянство не поплатилось исключительнымъ пользованіемъ своими помѣстьями. Свобода не должна подстрекать крестьянъ дѣлать безпорядки въ Государствѣ, хотя бы и на короткое время. Съ этою цѣлью полезнѣе будетъ подать имъ вѣрное средство въ полученію выгодъ, нежели уступить имъ этѣ выгоды безусловно.

Вотъ правила, руководившія меня въ моемъ начертаніи. Можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, не откажутъ имъ въ умѣренности и вѣрности.

Основою всякаго гражданскаго устройства должно быть установленіе власти, которая наблюдала бы за сохраненіемъ его. Если надо поднять Латыша на степень человѣка и Государственнаго гражданина, прежде всего необходимо вырвать его изъ причиняющихъ ему насиліе рукъ, которыя до сихъ поръ сжимали его. Ежели все не должно кончиться опять однимъ обманомъ, то сперва надобно обезпечить за Латышемъ пользованіе правами, да потомъ и вводить его во владѣніе ими. По правилу мудрой Екатерины, пусть дадутъ ему судить всякаго изъ его сословія, подъ защитою Судебнаго мѣста, котораго сочлены отчасти состоятъ изъ его же собратіи.

Это будетъ первою и необходимою мѣрою, такъ какъ она всего легче. Крестьянскіе Суды уже есть; нужно только приказаніе привести ихъ въ болѣе полезную дѣятельность. Судебныя Управы, съ которыми мои читатели познакомились въ прежнемъ Отдѣленіи, теперь имѣютъ очень мало занятій и вскорѣ сдѣлаются совсѣмъ излишними, по тому что казенныхъ помѣстьевъ ста-

новится годъ отъ году меньше. Чтобы сдѣлать ихъ самыми благодѣтельными Судами Русской Имперіи, надобно устроить такъ, чтобы засѣдатели выбирались не попрежнему изъ однихъ казенныхъ крестьянъ, изо всего народа, и рѣшали не однѣ тяжбы между крестьянами, а и жалобы каждаго изъ нихъ на своего помѣщика. А что ни какое пристрастіе не причинитъ вреда послѣднему, за то ручается учрежденіе тѣхъ Судовъ, въ которыхъ Предсѣдателями Дворяне. Впрочемъ, это обстоятельство все же не помѣшаетъ тому, чтобы выгоды Латышей охранялись ихъ собратами совсѣмъ уже не такъ, какъ могла дѣлать это Дворянская Коммисія. Чтобы найти имъ настоящихъ защитниковъ въ своихъ Судьяхъ, этѣ должны быть знакомы съ ихъ нуждами, образомъ мыслей, однимъ словомъ, должны быть изъ ихъ же собственной среды. Незнакомство такихъ судей съ законами не можетъ быть возраженіемъ, такъ же какъ не было оно и въ отношеніи Дворянскихъ, гражданскихъ Судахъ,[7] даже и самыхъ Управъ.

Но чтобы крестьяне имѣли возможность пользоваться этѣмъ благодѣяніемъ, господскій дворъ не долженъ уже трогать ихъ за жалобы въ Судѣ: надобно непремѣнно отнять у него власть произвольнаго наказанія. А для принужденія крестьянъ безъ дальняго къ ихъ обязанностямъ, для рѣшенія ихъ частныхъ споровъ и доставленія имъ представителя для защиты ихъ правъ, необходимо было бы составить изъ, такъ называемыхъ, деревенскихъ старостъ и попечителей деревенскіе Суды, приговоры которыхъ помѣщикъ всегда могъ бы смягчать, но никогда измѣнять ихъ. Разумѣется, что свободное избраніе крестьянами, а не помѣщиками, будетъ давать этѣмъ судьямъ ихъ званіе на опредѣленное время.

Учрежденіе такихъ судовъ тоже не встрѣтитъ ни какихъ затрудненій, такъ какъ они отчасти уже есть въ многихъ помѣстьяхъ, отчасти когда-то были тамъ. Чтобы сдѣлать ихъ вполнѣ

---

[7] Изъ обоихъ сословій почти всегда выбираются въ судьи не правовѣды. Дворянскимъ Засѣдателемъ надобно быть только землевладѣльцу, а гражданскимъ сочленомъ — купцу 1-й, или 2-й, гильдіи.

полезными, недостаетъ только утвержденія Правительства. А пока они будутъ обязаны своимъ невѣрнымъ существованіемъ одной только волѣ помѣщика, до тѣхъ поръ останутся комедіей, которая къ тому же еще рѣдко переживаетъ вводъ новыхъ господъ во владѣніе.

Благосостояніе крестьянъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ они крѣпостные, зависитъ отъ ихъ отношенія къ помѣщику. Крестьяне могутъ быть зажиточны только тогда, когда требованія помѣщика ограничиваются однимъ должнымъ. Слѣдовательно, Управы должны начать свое распространенное поприще дѣятельности повѣркою повинностей въ каждомъ помѣстьѣ. Онѣ должны изслѣдовать, сколько приносятъ барщина и оброки, и въ законномъ ли они отношеніи къ цѣнѣ крестьянскихъ имѣній? Увеличенія барщины, сдѣланныя подъ предлогомъ уплаты подушной подати, и другихъ, такъ называемыхъ, пособій крестьянамъ, не превышаютъ ли цѣны этѣхъ выгодъ? Какихъ особенныхъ повинностей необходимо требуютъ физическія условія помѣстья, а особливо, какія притѣсненія наиболѣе водились до сихъ поръ въ каждой деревнѣ? Всѐ прошлое можно предать забвенію, но на будущее время опредѣлить неизмѣнно всѣ крестьянскія повинности.

Такъ какъ Уѣзды не велики и могутъ быть подчинены общимъ правиламъ, которыя потребуютъ измѣненій только по мѣстнымъ условіямъ каждой деревни; такъ какъ дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы исчислить сначала новыя повинности, а уничтожить несправедливыя старыя, то все это устройство потребуетъ одного года, много, много двухъ зимъ.

Послѣ этѣхъ необходимыхъ мѣръ, справедливость и человѣколюбіе требуютъ, чтобы даны были законы, отчасти новые, отчасти извлеченные изъ забвенія.

1. Чтобы помѣщикъ не смѣлъ ни одного домохозяина удалять отъ владѣнія его землей и избой, по крайней мѣрѣ, безъ разрѣ-

шенія деревенскаго Суда, и не поселивъ на мѣсто удаленнаго его сына.

2. Чтобъ онъ не смѣлъ продавать людей ни семьями, ни въ розницу, а слѣдовательно, тѣмъ менѣе торговать рекрутами.

3. Чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не увеличивалъ ни повинностей, ни оброковъ, даже и не измѣнялъ бы ихъ безъ крестьянскаго согласія.

4. Чтобы онъ никого не исторгалъ силою изъ его состоянія, и не дѣлалъ дворовыхъ, по тому что такіе люди обыкновенно становятся негодяями, погибшими для Государства и ихъ общины.

5. Чтобы сваты обращались на будущее время только къ родителямъ невѣсты, которыхъ однихъ согласія и достаточно для замужства.

6. Чтобы наслѣдства дѣлились не какъ прежде, по произволу господскаго двора, а хозяйство умершаго всегда переходило бы къ старшему сыну, или ближайшему родственнику, если только деревенскій Судъ не найдетъ его распутнымъ. Особливо же

7. Чтобы не помѣщикъ, а деревенскій Судъ, опредѣлялъ тѣлесныя наказанія, и

8. Такъ какъ каждый крестьянинъ самъ при всякомъ притѣсненіи, при всякомъ насиліи, со стороны господина, можетъ искать защиты въ Управѣ, то если дѣло его пойдетъ и дальше, онъ могъ бы, по праву бѣдности, [8] получать стряпчаго, или просить для себя защиты Совѣстнаго Суда. [9]

Этѣ законы, а также и перечень обыкновенныхъ повинностей, должны быть обнародованы Управою крестьянамъ каждаго

---

[8] Всякому, принявшему присягу въ томъ, что у него нѣтъ на 500 рубл. состоянія, право бѣдности даетъ Стряпчаго, который служитъ ему безплатно.

[9] Совѣстные Суды не рѣшаютъ тяжебныхъ дѣлъ, а по тому и не бываетъ тамъ ни какой переписки. Они стараются уговорить къ примиренію ссорящихся, обязанныхъ являться лично, или уладить ихъ споръ чрезъ посредника. Но такая сдѣлка имѣетъ силу высшаго судебнаго приговора.

помѣстья и въ качествѣ Законника сохраняться въ деревенскихъ Судахъ. Въ извѣстные сроки ихъ надобно будетъ прочитывать всенародно, чтобы они всегда оставались въ свѣжей памяти, а Латышъ пріучался считать себя гражданиномъ Государства и чувствовать уваженіе къ себѣ.

Наконецъ свобода Латышей и можетъ, и должна, быть послѣднею цѣлью всѣхъ улучшеній, которыя ее одну и должны имѣть своимъ началомъ. Но чтобы не сдѣлать, по видимому, какого ни будь опаснаго скачка, чтобы свобода досталась только достойнымъ лицамъ, т. е., была бы наградою гражданскихъ добродѣтелей, трезвости, прилежанія и миролюбія, надобно будетъ назначить извѣстное время, на пр., пять лѣтъ, какъ срокъ для приготовительныхъ работъ. Когда же онъ минетъ, помѣщики обязываются возвратить свободу каждому Латышу, съ его семьей, если онъ заплатитъ отъ 30 до 40 талеровъ, и если, въ продолженіе 5-лѣтняго срока, не сдѣлалъ ни какого преступленія. Буде онъ домохозяинъ, то съ этою свободою соединяется для него вѣчное и отчуждаемое, хотя и обязанное барщиною, право собственности на его недвижимое имѣніе.

Возможность уплаты такой суммы, очень значительной для Ливонскаго крестьянина, однако жь не чрезвычайной же при нестѣсняемомъ ни чѣмъ трудолюбіи, будетъ пробнымъ камнемъ и самымъ вѣрнымъ доказательствомъ будущаго прилежанія и хозяйственности Латыша, а не замѣшанность его въ какомъ бы то ни было уголовномъ преступленіи докажетъ безукоризненность его образа жизни.

Благодаря такимъ добродѣтелямъ, вѣрная надежда на доставленіе себѣ и дѣтямъ свободы и поземельной собственности вдохнетъ въ цѣлый народъ духъ неутомимой дѣятельности и честности, и вскорѣ разовьется разнообразная промышленность. Не чего будетъ бояться, что какой ни будь крестьянинъ покинетъ свою родину: врожденная привязанность къ ней, поземельная собственность, право на учрежденные магазины, все это поможетъ прико-

валъ Латыша къ одному мѣсту. Ни кто, по крайней мѣрѣ, не уйдетъ безъ того, чтобы не оставить помѣщику трудолюбиваго и исправнаго хозяина въ томъ лицѣ, которое будетъ имѣть возможность купить его землицу. Сами Дворяне получатъ значительное вознагражденіе за преимущества, большею частію, воображаемыя. Ихъ помѣстья станутъ давать дохода не меньше того, сколько они получали съ нихъ, не нарушая человѣколюбія, а безопасность ихъ будетъ непоколебима.

Если можно и нужно образовать Латыша для свободы, и возвратить ее ему съ осторожностью и безъ вреда для помѣщиковъ, то и то и другое можетъ состояться такимъ только способомъ. Только въ самомъ дѣлѣ выставленная на видъ награда можетъ заставить его заслужить ее, а безъ нея всѣ другіе способы образованности—«сказки, разсказанныя глухому ослу,» сказалъ бы Горацій. Въ этомъ убѣжденіи я и не предлагаю ни учебныхъ, ни промышленныхъ школъ, ни новыхъ молитвенниковъ.

Они имѣютъ значеніе для народа, который уже можетъ ими пользоваться, но такая возможность у всѣхъ народовъ—плодъ свободы и благосостоянія, а не средство къ тому. Сначала посадите деревцо, да дайте приняться ему, потомъ оно ужь не останется безъ цвѣтовъ, а вотъ на сухомъ полководческомъ жезлѣ Агамемнона едва ли ужь когда увидите зеленые листья. Да и что толку-то для раба въ ученомъ образованіи? Оно дѣлаетъ его зрѣлымъ для одного отчаянія. И къ чему высшая промышленность народу, у котораго нѣтъ времени для обработки своей пашни? [10]

Вотъ мѣры, которыя надо принять, по моему убѣжденію, если только дѣйствительно хотятъ поднять крестьянина на ту степень, которая ему слѣдуетъ. Въ моемъ начертаніи не найдутъ ни совершенно новыхъ мыслей, ни глубокомысленныхъ сужденій; за то у него то преимущество, что легко исполнить его. Я нарочно

---

10 «Сперва посѣ, а потомъ ужь очки,» говоритъ одна очень мѣткая Лифонская пословица.

избѣралъ всякихъ невѣрныхъ смѣлыхъ плановъ, нарочно дѣлалъ такія только предложенія, которыя приведены уже въ исполненіе въ другихъ мѣстахъ, потому что у меня совсѣмъ не было въ виду блеснуть философскими непримѣненными теоремами, а только принести пользу, посредствомъ тѣснаго сближенія возможнаго съ дѣйствительнымъ. Лучше выражаться правдиво, нежели возвышеннымъ слогомъ.

Впрочемъ, не смотря на такую разсчитанность, повѣрку и удобоисполнимость каждой статьи моего начертанія, я представляю его съ сомнительной, боязливой неувѣренностью. Кто-то изъ любви къ работающимъ людямъ приведетъ въ исполненіе мое начертаніе, или чье ни будь лучшее? Кто сжалится надъ обливающимся кровью бѣдствіемъ? Дворянство? Толкуйте волку про невинность ягненка, котораго онъ держитъ въ зубахъ! Императрица? Да, мудрая и великая, она сдѣлала бы это; но развѣ боги Олимпа отмщаютъ за несчастія жителей земли? Развѣ голосъ плачущаго человѣчества доходитъ до Ея слуха? Гдѣ ужь ему пробиться сквозь тѣсное сборище принятыхъ обыкновеній, корыстныхъ видовъ, лукавыхъ происковъ, короче сказать, всѣхъ отвратительныхъ дьяволовъ, облегающихъ не престолъ, а доступъ къ нему! Скоро ли же прогремитъ творческое слово, возвращающее мильономъ людей опять тотъ божественный духъ, который исторгнули у нихъ сограждане, запесшіе ноги на разможденныя ихъ шеи? Разсвѣтетъ ли наконецъ тотъ день, когда Ливонскія нивы будутъ давать свои благодатные урожаи не робкимъ и дрожащимъ животнымъ, а людямъ, свободнымъ и счастливымъ? Вы, благородные люди, изъ какого бы то ни было народа, составляющіе истинное человѣчество, возвысьте со мною вашъ голосъ! Не ищите за Океаномъ предметовъ вашего сострадания! Сдѣсь, въ Европѣ, посмотрите на сосѣдніе вамъ народы, которые на своей родинѣ несчастнѣе Африканцевъ, увлекаемыхъ корыстью въ Америку. Философія и человѣколюбіе говорили за этѣхъ послѣднихъ, и доля ихъ стала сноснѣе. Такъ превосходно, философы и гуманисты! Соберитесь всѣ вмѣстѣ сказать и Европейскимъ злодѣямъ о мерзости ихъ поступковъ; скажите во всеуслышаніе, не уставайте повторять это, чтобы унизившіе своихъ собратій и сами стали бы ниже самыхъ дикихъ звѣрей! Докажите ослѣплен-

нымъ корыстью людямъ, что собственная ихъ польза, безопасность ихъ и дѣтей ихъ, требуетъ отъ нихъ человѣчности. Услышатъ же васъ наконецъ, и духъ жестокосердія, совсѣмъ сгорѣвъ отъ стыда, провалится въ преисподнюю!

Впрочемъ, какой бы оборотъ обстоятельствъ ни рѣшилъ судьбу Латышей, я представляю свой трудъ человѣчеству, въ качествѣ письменнаго акта, для той ужасной тяжбы, которую рано ли, поздно ли, заведетъ будущность съ притѣснителями моей родины. Она будетъ судить когда ни будь. Такъ трепещите же, тираны вашихъ братій: судъ ея страшенъ и скоръ!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ЛИВОНІИ.

«Вы есте соль земли: аще же соль обуяетъ, чимъ осолится?»

Матѳ. V, 13.

Остатокъ стариннаго военнаго сословія, Дворянство, такъ чуждо, по своей природѣ, питающему его сословію, крестьянамъ, что можетъ на нихъ дѣйствовать только силою своей тяжести, гнетомъ. Это сочиненіе показало уже такой образъ его дѣйствій. Стало быть, на сколько нужно теперь, я и покончу совсѣмъ съ описаніемъ Дворянства, сказавъ, что на его сторонѣ утонченная образованность. Этого и довольно, по тому что, кому извѣстны образованнѣйшія сословія одного народа, тотъ знаетъ ихъ и во всѣхъ другихъ странахъ. Образованность никогда не въ состояніи создать добрыхъ людей, точно такъ же, какъ и самое совершенное искуство не можетъ обратить въ мраморную статую дубовый чурбанъ. Благодаря образованности, облагороживаются добрые отъ природы свойства, а дурные портятся, точно такъ же, какъ изъ одного и того же вещества здоровый желудокъ вырабатываетъ пищу, а испорченный—ядъ? [1]

---

[1] «Образованныя сословія представляютъ намъ чрезвычайно непріятную картину слабости и испорченности характера, которыя тѣмъ еще возмутительнѣе, что ихъ источникъ—сама образованность. Благородное всего гнуснѣе въ его разрушеніи. Изъ сына природы, при его распущенности, выходитъ бѣшеный, изъ питомца искуствъ гнусный человѣкъ. Просвѣщеніе ума, которымъ не совсѣмъ не справедливо хвалятся утонченныя сословія, вообще такъ мало обнаруживаетъ облагораживающаго вліянія на образъ мыслей, что укрѣпляетъ еще испорченость

Важнѣе Духовенство. Оно тамъ для того, чтобы дѣйствовать на народъ, межъ тѣмъ какъ Дворянство по тому только и дѣйствуетъ, что когда-то завелось тамъ. Духовенство—связующее звено народной массы. Вездѣ и во всѣ времена оно является орудіемъ, посредствомъ котораго двигаютъ народной толпой. Если оно въ изувѣрномъ упоеніи, то, вмѣстѣ съ нимъ, все Государство въ такомъ же состояніи. Если въ немъ почіетъ священный духъ терпимости и мира, спокойная разсудочность царитъ тогда въ чертогахъ и хижинахъ. Оно увлекаетъ за собой народъ къ безумнымъ, или богатырскимъ дѣламъ, оно же въ состояніи и лишить его нравственной силы, даже до тупоумной терпѣливости. Стало быть, о счастіи и просвѣщеніи народа справедливо заключаютъ по заслугамъ и образу мыслей его Духовенства, а по испорченности послѣдняго о народномъ несчастіи и суевѣріи. Это-то сословіе, источникъ народнаго духа, мнѣ еще надо будетъ описать въ томъ состояніи, въ какомъ находится оно въ Ливоніи, чтобы картина народа была сколько ни будь законченною.

Если эти, заявленныя мною, положенія, справедливы, или, по крайней мѣрѣ, ни одинъ духовный не станетъ даже и слегка ихъ оспаривать, что за понятіе надобно будетъ составить себѣ о Пасторахъ у Латышей! Жаль, жаль, что не будутъ несправедливы къ нимъ, если примутъ на вѣру, что здѣсь они совсѣмъ отступаютъ отъ своего назначенія, и отступаютъ нарочно. Ни одна Протестантская, да, можетъ быть, и ни какая страна не представляетъ примѣра такой всеобщей порчи въ этомъ важномъ сословіи, какъ моя бѣдная родина. Конечно, бываетъ и въ другихъ мѣстахъ, что сельскіе Пасторы перестаютъ быть учеными, нерадятъ о своемъ приходѣ, коегдѣ и усвоиваютъ себѣ

на основаніи правилъ. Мы отвергаемъ природу въ ея законной области, чтобы въ нравственной испытать ея жестокую власть, и, сопротивляясь ея впечатлѣніямъ, заимствуемъ у ней ея правила. Натянутое приличіе нашихъ нравовъ отказываетъ ей въ первомъ извинительномъ голосѣ, чтобы въ нашемъ матеріяльномъ нравственномъ ученіи уступить ей рѣшительный послѣдній голосъ.»

Die Horen, 1-я т. 795.

испорченные нравы; но гдѣ же видано, чтобы духовный пастырь смотрѣлъ съ такимъ отъявленнымъ пренебреженіемъ на ввѣренную ему паству? Гдѣ же соединяется онъ съ Дворянствомъ на жестокіе поступки противъ нея? Это преимущество Ливоніи. Это могло случиться только въ такой странѣ, гдѣ Дворянство обязано своимъ существованіемъ Духовенству.

Но прежде нежели я буду говорить о томъ, что такое Духовенство, пусть позволятъ мнѣ сказать, чѣмъ оно должно быть. Не стану представлять образцы воображаемаго совершенства: идеалы располагаютъ пустыя головы къ насмѣшкѣ, а лучшіе умы къ унынію. Чтобы приносить пользу въ дѣйствительномъ мірѣ, не должно простирать своего требованія за предѣлы возможнаго. Я же подлинно такъ счастливъ, что черты для своего описанія могу заимствовать у живыхъ еще людей.

Духовному лицу не нужно быть ни великимъ языковѣдомъ, ни совопросникомъ, ни Кантовымъ философомъ, ни словесникомъ. Ни одна, разумѣется, область учености не должна оставаться для него вовсе чуждою: только вообще ото всѣхъ ихъ получается самый вѣрный плодъ знанія—свободный отъ предразсудковъ и просвѣщенный образъ мыслей. Собственно же его область—нравственная философія на словахъ и на дѣлѣ. Онъ—органъ просвѣщенія, наставникъ въ человѣколюбіи и другихъ добродѣтеляхъ для толпы, у которой нѣтъ ни времени, ни случая, самой образовать свой умъ и сердце. Онъ долженъ быть образцомъ мыслей и поступковъ. На то онъ поставленъ, и изъ этого назначенія проистекаетъ тотъ образъ дѣйствій, какого въ правѣ ожидать отъ него. Превосходно, если онъ пишетъ приличныя, назидательныя, даже изящныя, проповѣди; но самою сильной риторической фигурой все же будетъ его собственная жизнь.

Согласно съ тѣмъ, духовный, исполняющій свое назначеніе, долженъ быть прямой, открытый, человѣкъ, который съ покойнымъ присутствіемъ духа становится передъ Княземъ, какъ и передъ нищимъ, и въ обоихъ видитъ только братьевъ, хотя и дѣлаетъ первому почтительную любезность, а послѣднему простое дружеское привѣтствіе. Онъ ходитъ во дворцы, когда потребуетъ

того обязанность, однако жь не гнушается и грязныхъ хижинъ нищеты, куда можетъ приносить помощь, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе и назиданіе. И тутъ, и тамъ, онъ съ безпристрастнымъ равнодушіемъ умѣетъ такъ держать себя, что никогда не перестаютъ признавать въ немъ вѣстника и защитника правды. Вотъ настоящее значеніе духовнаго лица; вотъ уваженіе, которое онъ долженъ снискать своему званію, чтобы его поведеніе заставляло знатнаго злодѣя бояться его взгляда и скрывать отъ него всѣ свои неправды, точно такъ же, какъ порочнаго простолюдина его распутства. Куда бы ни взглянулъ онъ, порокъ предчувствовалъ бы строгое порицаніе, страждущій—пособіе, впавшій въ заблужденіе—кроткое назиданіе.

Самымъ вѣрнымъ дѣломъ его жизни будетъ для него счастье его общины. Ему должно увѣрить ее, что ея благо—самое искреннее его желаніе. Всякой ея сочленъ найдетъ въ немъ родственнаго друга, дѣятельнаго покровителя, всегда готоваго на добро благодѣтеля. Будучи далекъ отъ того, чтобы собирать подарки и ссориться изъ за слѣдующей ему платы, онъ съ охотою станетъ помогать всякому въ нуждѣ. Не желая отпугивать отъ себя напыщенною сановитостью, подъ которою всѣ пустыя головы стараются прятать свою ничтожность, онъ постарается снискать довѣріе врученной ему паствы сострадательнымъ участіемъ и простотою нравовъ. Вовсе непричастный той мысли, что, сказавъ въ Воскресенье проповѣдь, онъ будто ужь и исполнилъ свой долгъ, онъ радъ будетъ всякому случаю въ откровенной бесѣдѣ повоевать съ предразсудками, по тому что дружескій совѣтъ дѣлаетъ впечатлѣніе гораздо прочнѣе самой витіеватой проповѣди. А чтобъ имѣть возможность давать разумные совѣты, ему необходимо короткое знакомство съ обстоятельствами и положеніемъ духовныхъ его дѣтей. Это знакомство должно быть главнымъ его стараніемъ. Пусть онъ разказываетъ между ними, навѣщаетъ ихъ какъ можно чаще, не только по однимъ, такъ называемымъ, обязанностямъ его сана. Пускай порочный человѣкъ никогда не будетъ увѣренъ, что онъ не нагрянетъ къ нему; пусть и страждущій никогда первый не потребуетъ его утѣшенія. Такимъ только образомъ онъ можетъ быть вождемъ и образователемъ народа; но онъ назначенъ еще и въ защитника ему. Пусть ни какія

людскія опасенія, ни какое себялюбіе, не помѣшаютъ ему вооружаться противъ всякаго притѣсненія крестьянъ, съ неустрашимостью невиннаго человѣка, призваннаго дѣлать добро. Пускай всякому плуту гремитъ онъ про его мерзость, уничтожаетъ его гордость, властолюбіе, жадность, тѣми плодотворными истинами, которыхъ распространеніе составляетъ его обязанность. Пусть призываетъ онъ помощь Правительства, когда усилія его напрасны: оно должно пособлять, и поможетъ ему. Но для того ужь разумѣется онъ самъ долженъ сознавать себя свободнымъ отъ всякихъ проступковъ, съ которыми надобно вести войну ему.

Наконецъ, въ собственномъ образѣ жизни онъ обязанъ служить своимъ духовнымъ дѣтямъ примѣромъ трудолюбія, хозяйственности и добродѣтели, а также и заботиться о своемъ собственномъ развитіи. Ему не должно разставаться съ ученостью и послѣ того, какъ она уже пособила ему достать хлѣбъ.

Такъ слѣдуетъ поступать духовнымъ лицамъ, таковы должны быть они. А отъ чего большая часть ихъ дѣлаютъ и представляютъ собою совсѣмъ противное, мои читатели легко узнаютъ сами изъ описанія ихъ положенія, должностныхъ обязанностей и доходовъ.

По очень древнему постановленію, Пасторовъ должны преимущественно избирать крестьяне, и потомъ уже попечитель прихода призываетъ его къ должности. Но, разумѣется, рабы могутъ хотѣть только того, что заблагоразсудятъ ихъ самодержавные господа. Такимъ образомъ хотя Пробстъ (Протопопъ) и спрашиваетъ у нихъ мнѣнія, но все же выбираютъ Пастора господа. Легко догадаться, что они выбираютъ только прежняго домашняго учителя своихъ дѣтей, или кого ни будь другого изъ лицъ, отъ нихъ зависимыхъ, либо отыщутъ такого, отъ котораго обѣщаютъ себѣ выгоды и надѣются на его сговорчивый нравъ, т. е., расположеніе всѣмъ быть довольнымъ, предоставлять крестьянъ на волю ихъ судьбы и поступать за одно кое съ кѣмъ.

Одинъ знакомый мнѣ Пасторъ получилъ свое мѣсто за то, что игралъ на скрыпкѣ и, стало быть, имѣлъ возможность помо-

гать попечителю въ его концертахъ. Другой опредѣленъ былъ въ приходъ помногочисленнѣе прежняго, по тому что въ прежнемъ заявилъ себя хорошимъ собесѣдникомъ. Двое другихъ еще до опредѣленія должны были обязаться воспитывать сыновей попечителя; разумѣется, есть дороги и гораздо соблазнительнѣе къ священному сану, и здѣсь бываетъ тоже «par tout comme chez nous;» но удержаніе у крестьянъ ихъ избирательнаго права нигдѣ не можетъ быть такъ вредно, какъ здѣсь, по тому что нигдѣ не поставлены они на столько ниже Дворянства.

Тѣсныя отношенія, которыя необходимо завязываются между новымъ Пасторомъ и лицомъ, опредѣлившимъ его, дѣлаютъ перваго почти совсѣмъ погибшимъ для паствы. Скоро становится онъ домашнимъ другомъ помѣщика, если еще не былъ такимъ; скоро заимствуетъ образъ его мыслей и дѣйствій и научается пренебрегать крестьянъ, которыхъ долженъ бы быть другомъ. Какъ будетъ неприлично для собесѣдника милостивыхъ господъ дружеское обхожденіе съ грязными ихъ рабами! Какая неблагодарность со стороны опредѣленнаго къ должности Пастора, если онъ сочтетъ неправедныхъ притѣсненіемъ какую бы то ни было мѣру того, кто опредѣлилъ его, и донесетъ на него въ Судъ по какой-то другой обязанности! Да съ другой стороны и Латышамъ-то придетъ ли въ голову сдѣлать себѣ пріятеля изъ довѣреннаго друга своихъ властелиновъ?

Другое обстоятельство еще больше отдаляетъ Пастора отъ крестьянъ и ставитъ его совершенно на сторонѣ Дворянина. Всякой Пасторатъ — настоящее помѣстье, въ которомъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, есть рабы, какъ и въ Дворянскихъ помѣстьяхъ. Это главный недостатокъ, камень преткновенія, о который спотыкается назначеніе большей части Пасторовъ. Благодаря тому, совсѣмъ сбиваются съ пути ихъ собственныя отношенія. Они ужь не безпристрастные друзья Латышей: они повелители, и точно такъ же, какъ и Дворяне, имѣютъ случай выжимать у крестьянъ свое благосостояніе. Вѣдь называютъ же ихъ церковными господами во многихъ мѣстахъ. Тщеславные изъ нихъ охотно дозволяютъ звать себя милостивыми церковными господами и цѣловать свое платье, однако жь и послѣ такой любезности все же не отваживаются быть дружелюбными!

Священная одежда только прикрываетъ людскую испорченность, не измѣняя ее. Высокопочтенный Евангельскій мужъ, въ качествѣ господина помѣстья, часто имѣетъ случай ходить по нечистой колеѣ міряпина, и дѣлаетъ это съ большой охотой. Многіе Пасторы причиняютъ крестьянамъ разныя притѣсненія и жестокости, отъ которыхъ должны бы были удерживать Дворянъ. Есть много Пасторатовъ, [2] которые на половину, или вовсе, пусты, по тому что суровое обхожденіе заставило крестьянъ бѣжать. Но какъ отъ того страдаетъ приходъ (по тому что надо же опять заселять земли, либо самимъ прихожанамъ обработывать Пасторскія поля для жизни новаго Пастора), то гораздо чаще случается, что попечители церквей останавливаютъ духовнаго пастыря отъ стрижки его стада, и предлагаютъ ему человѣколюбіе, нежели онъ Дворянамъ.

Пасторы измѣняютъ не только образу мыслей, свойственному ихъ званію, но даже и собственно обязанностямъ сана, не смотря на ихъ незначительность, а все это отъ двойной своей роли, въ качествѣ предрекающихъ будущее экономовъ. Большая часть ведутъ себя такъ, словно ихъ опредѣленіе къ мѣсту Пастора было настоящею отставкою изъ ученаго сословія. [3] Года два они все еще стараются быть въ состояніи говорить о литературной газетѣ, а по Субботамъ выжимать себѣ изъ головы что ни будь для угощенія своихъ многолюбезныхъ чадъ въ Воскресенье. Но скоро спускаются совсѣмъ на степень обыкновенныхъ деревенскихъ хозяевъ и смотрятъ на всякое Пасторское дѣло, какъ на досадную помѣху, на которую горько жалуются, и лишь бы привелось, предоставляютъ его школьному учителю. Такъ, не сами они воспитываютъ своихъ дѣтей (кромѣ двухъ очень честныхъ, почтенныхъ личностей), а почти сплошь держатъ домашнихъ учителей, которымъ платятъ отъ 50 до 100 червонцевъ.

---

[2] На прим.: Сунцель и Асгераденъ.

[3] Однажды высказалъ я Пастору, собиравшемуся переѣзжать въ новый его домъ, свое удивленіе, что онъ выбралъ своимъ ученымъ кабинетомъ самую нездоровую комнату. «Да много ли я буду сидѣть-то тутъ!» отвѣчалъ онъ очень простодушно. Другой увѣрялъ меня, что давно уже отказался отъ всякихъ ученыхъ вздоровъ, и выписываетъ только такія книги, которыя нужны его дѣтямъ въ училищѣ.

Ходъ жизни обыкновеннаго Ливонскаго духовнаго почти вотъ какой: лѣтомъ, если не слишкомъ разжирѣлъ,[4] съ утра Понедѣльника до вечера Субботы, онъ ходитъ съ трубкою, или безъ трубки, по полямъ и лугамъ, или по саду, бранится съ рабочимя, либо дѣлаетъ посѣщеніе своимъ сосѣдямъ по деревнѣ, либо же самъ принимаетъ ихъ, если онъ человѣкъ общительный. Въ зимніе дни какъ можно удобнѣе для себя ведетъ онъ метрическія книги[5] и экономическіе счеты. По вечерамъ читаетъ Вѣдомости, либо играетъ въ бостонъ, либо мотаетъ пряжу. Только по Воскресеньямъ праздничныя приготовленія его любезной жены напоминаютъ ему, что онъ духовный. За кофеемъ онъ справляется въ Календарѣ, о какомъ Евангеліи надобно будетъ ему по толковать сегодня, и съ полчасика перелистываетъ какой ни будь Сборникъ поучительныхъ текстовъ изъ Библіи, пока причесывается его парикъ, или его священная глава. Потомъ, облекшись въ плащъ и высокопастырскую сановитость, онъ садится въ коляску, или на дрожки, и ѣдетъ въ кирку. Ему и горя мало, о чемъ онъ будетъ говорить: Господь ужь пошлетъ своимъ служителямъ, что надобно сказать. Послѣ проповѣди, крестинъ, благословенія и причащенія, онъ приглашаетъ своихъ слушателей Дворянскаго происхожденія на обѣдъ къ себѣ, либо самъ ѣдетъ къ кому ни будь изъ нихъ, и часокъ, другой, между виномъ и жаренымъ, бесѣдуетъ о трудностяхъ Пастырскаго сана, о полѣ и стадѣ, объ испорченности Французовъ, которые, что за ужасъ! что за ослѣпленіе! больше ужь не хотятъ празднаго духовенства. Такъ незамѣтно для него тянется его жизнь, и проживя такъ 30, или 40, лѣтъ, онъ воображаетъ себя немаловажнымъ дѣлателемъ въ вертоградѣ Господнемъ и въ Государствѣ.

Такъ какъ гражданское устройство въ Ливоніи поставило вообще Пастора такъ близко къ Дворянину, то легко можно пред-

---

[4] Очень обыкновенное неудобство у господъ сельскихъ Пасторовъ.

[5] Не сплошь же всѣ Пасторы. Есть много такихъ, которые ни разу не брали на себя этой работы.

ставить себѣ, что первый не станетъ жить хуже послѣдняго, только бы имѣлъ способы на то. Деревенскіе Пасторы въ Германіи и другихъ странахъ очень удивятся, что между ихъ собратами по должности въ Ливоніи нѣтъ ни кого, кто не имѣлъ бы хоть одной коляски, и очень не много такихъ, которые по временамъ не задавали бы прихотливыхъ обѣдовъ для своихъ благороднаго званія прихожанъ. Но пусть бы они пользовались своими доходами, только бы это довольство не раздувало въ нихъ спеси—наслѣдственнаго грѣха духовенства, такъ же, какъ и Дворянства, до того, что они совсѣмъ перестали быть тѣмъ чѣмъ должны быть. Чтобы ни въ чемъ не отставать отъ своихъ сосѣдей, Дворянъ, на многихъ находитъ со спеси такая дурь, что они, не желая ни въ чемъ уступать Дворянамъ, покупаютъ себѣ Дворянскіе дипломы и съ соблазнительной навязчивостью продираются въ Дворянское званіе. А Латыши обогащаютъ людей, которымъ слѣдовало бы быть ихъ наставниками, друзьями и защитниками, за тѣмъ только, чтобы они пристали къ подавляющему ихъ сословію и сдѣлались для него столько же смѣшными, сколько для нихъ безполезными. [6]

---

[6] Замѣчательно въ психологическомъ отношеніи, что новопожалованные въ Дворяне Пасторы, кромѣ одного, или двоихъ, всегда сыновья сапожниковъ, портныхъ, бочаровъ и другихъ мелкихъ ремеслепниковъ. Чразвычайно смѣшонъ предлогъ, подъ которымъ они хотятъ спрятать свое тщеславіе. «Дипломъ, по ихъ словамъ, необходимъ для устройства ихъ сыновей.» Для устройства? Развѣ они не видятъ, что онъ еще заграждаетъ имъ доступъ ко всякому гражданскому промыслу? Или ужь Пасторскій сынъ унизитъ себя, если примется за торговлю, либо какое ни будь ремесло? Не уже ли все тянуться ему въ военную службу за своими сверстниками изъ Дворянскаго сословія? Да если ужь въ самомъ дѣлѣ прійдетъ ему охота къ военной службѣ, Пасторы въ Ливоніи имѣютъ почти всѣ преимущества Дворянства. По Указу Петра Великаго, они наравнѣ съ Дворянами могутъ записывать сыновей въ гвардію, или въ армію; да многіе изъ этѣхъ сыновей составили себѣ счастіе и безъ того, чтобы отцы ихъ дѣлали глупости для нихъ. Такъ отецъ покойнаго Генералъ-Лейтенанта Фонъ Транше былъ Пасторомъ въ Смильтенѣ, Генералъ Трейблютъ тоже сынъ Пастора. По 10 § священническихъ привилегій, Пасторы даже могутъ покупать помѣстье, не смотря, что какой ни будь Дворянинъ предъявитъ свои ближайшія права на это имѣніе. Правду сказать, только древній Адамъ, котораго не топитъ ни какое крещеніе водою, подстрекаетъ Пасторовъ къ такому Дворянскому бѣшенству.

Пасторы помоложе почти вездѣ отвѣчаютъ своему назначенію болѣе старыхъ, и это, какъ я догадываюсь, не въ одной Ливоніи. Легко отыскать и причины тому. Почти во всякомъ другомъ званіи упадокъ духовной силы и живой дѣятельности въ старыхъ лѣтахъ больше, нежели наверстывается навыкомъ (рутиною) и вѣрнымъ тактомъ, но въ этомъ санѣ, въ которомъ надо дѣйствовать духовной силой на такія же силы, этого ужь не бываетъ. Здоровый старикъ все еще можетъ не отставать отъ вѣка, только въ вожатые онъ уже не годится. Если прибавить еще къ тому деревенское хозяйство, запрещающее всякія ученыя занятія и требующее все больше и больше стараній, то нечего и удивляться, повстрѣчавши такихъ духовныхъ, которые главную свою дѣятельность и силу своихъ проповѣдей поставляютъ въ безприготовительныхъ ругательствахъ. Разумѣется, что при долголѣтнемъ упражненіи, ихъ достанетъ еще на то, чтобы при случаѣ разлиться въ потокъ словъ, но очень часто хватишься въ проповѣдяхъ у нихъ обдуманности, не оставляющей сомнѣній ясности, назидательности, пожалуй, еще и смысла.[1]

Другой, очень обыкновенный, недостатокъ въ Пасторахъ постарше тотъ, что они либо очень равнодушно исправляютъ всѣ обязанности своего сана, либо же, вѣрные обычаю, строго придерживаются правила и возстаютъ противъ всякаго, хоть и полезнаго, нововведенія. Если же у нихъ и бываетъ на столько разсудка, чтобы принять его, то все же недостаетъ смѣлости, чтобы вполнѣ примѣниться къ нему. Но это еще всего извинительнѣе въ нихъ. Общепринятый образъ мыслей и дѣйствій въ то время, когда они были молоды, состарѣлся вмѣстѣ съ ними: кто-же поставитъ имъ въ вину, что милые сверстники дороже для нихъ незнакомаго имъ потомства послѣднихъ? Скажу еще разъ, это извинительно, только отъ нихъ, оставшихся на одномъ мѣстѣ, нельзя ужь больше ожидать, чтобы они безостановочно

---

[1] Такъ одинъ разъ я слышалъ проповѣдника, который пользовался уваженіемъ, какъ витія, въ Ригѣ и Лейпцигѣ: на второй день Пасхи онъ съ большимъ умиленіемъ объяснялъ своимъ крестьянамъ, по чему одежда Ангела во гробѣ Спасителя была бѣлая.

вели впередъ ввѣренную имъ паству. Единственное средство, по крайней мѣрѣ, сохранить эту соль «отъ обуянія» было бы не вытряхивать ее на поле.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, Пасторы, очевидно, очень мало помогаютъ счастію и просвѣщенію крестьянъ. Будемъ, однако жь справедливы: исполненіе долга должно быть очень затруднительно и для хорошихъ, дѣятельныхъ, благоразумныхъ лицъ, извѣстныхъ мнѣ между ними. Приходъ изъ 5000 душъ, разсѣянныхъ на пространствѣ 8-ми, и даже 9-ти, квадратныхъ миль, принадлежитъ еще не къ самымъ большимъ въ Ливоніи. Какое же Апостольское рвеніе не охладѣетъ при такомъ обширномъ кругѣ дѣйствій, особливо, если еще никому нѣтъ и надобности подогрѣвать его? Пасторъ, которому предстоитъ сдѣлать цѣлый день пути для посѣщенія больнаго, или для испытанія дѣтей какой ни будь волости, ужь, разумѣется, не въ состояніи заботиться о подробностяхъ каждаго хозяйства въ его приходѣ и образѣ жизни каждаго духовнаго сына. Однако жь, совсѣмъ пренебрегать обязанностями изъ за того, что ихъ нельзя исправить вполнѣ, не значитъ еще выбрать лучшее изъ двухъ. Я слыхалъ очень часто, что сельскіе Пасторы, состарѣвшіеся въ своихъ приходахъ, спрашивали крестьянъ, ихъ ли они прихода, или другого, а это ужь изъ рукъ вонъ. Отъ чего бы духовному пастырю не имѣть снисходительнаго дружескаго знакомства хоть съ лучшими изъ своей паствы? Отъ чего бы не навѣщать ему иногда хоть ближнихъ, по крайней мѣрѣ, его собственныхъ крестьянъ? Какихъ спасительныхъ послѣдствій не принесло бы такое поведеніе? Дворянинъ побоялся бы дѣлать обиды и притѣсненія, зная, что человѣкъ, должность котораго въ томъ только и состоитъ, чтобы научать святости человѣческихъ обязанностей и защищать ее, пріятель его раба: онъ самъ сталъ бы уважать послѣдняго. Рабъ получилъ бы чувство собственнаго достоинства и самолюбія, видя, что собесѣдникъ его господина съ участіемъ заботится также и объ его судьбѣ. Онъ побоялся бы предаваться распутствамъ, которыхъ уже не могъ бы больше скрывать внутри своего дома, да при томъ же они лишили бы его уваженія духовнаго его друга. Онъ постарался бы жить пристойнѣе, чтобы не внушать ему отвращенія при его посѣщеніяхъ. Онъ сдѣлалъ бы его посредникомъ въ своихъ домашнихъ ссорахъ,

выдавалъ бы на убой ему свои предразсудки, собиралъ знанія изъ его словъ, прибѣгалъ къ нему во всякой крайности, любилъ бы его, какъ дѣтя. Пасторы! Какъ могли бы вы сдѣлать почтенною, даже святою, вашу должность! — «Вздоръ! Это противъ хорошаго тона, да и въ пригласительной повѣсткѣ въ новую должность не сказано о томъ ни слова.»

Обыкновенныя должностныя занятія Пасторовъ, составляющія собственно Пасторскій санъ, не требуютъ упоминанія, каковы: крестины, свадьбы, и т. п. Ихъ проповѣди, большею частію, проповѣди сельскихъ Поповъ, умныя, или нелѣпыя, смотря по человѣку, который говоритъ ихъ. Но въ Нѣмецкихъ проповѣдяхъ есть также и общая, хотя отрицательнаго свойства, отличительная черта. Онѣ разсуждаютъ о Св. Троицѣ, о бракѣ въ Канѣ, о нравственности, о чемъ угодно, только не о крестьянахъ и обязанностяхъ къ нимъ помѣщиковъ. Вотъ предметъ, который могли бы они сдѣлать истинно полезнымъ, но именно такой, котораго всего тщательнѣе избѣгаютъ, чтобы не видать нахмуренныхъ лицъ, или не потерять для себя надежды на лучшій приходъ. Да и какъ бы невѣжливо было портить тревогами совѣсти позывъ къ кушанью у того человѣка, съ которымъ станутъ обѣдать! «Нѣтъ! спокойно жить самимъ и такъ же давать жить другимъ,» думаютъ и исполняютъ большая часть послѣдователей того Премудраго, Который умеръ безстрашною смертію на Крестѣ, чтобы принести благо распространеніемъ истины. Я слыхалъ многія сотни проповѣдей, но три только разсуждали объ обязанностяхъ къ крестьянамъ: одна была въ городѣ, другая въ чужомъ приходѣ, третью сказывалъ молодой кандидатъ.

Надзоръ за воспитаніемъ крестьянскаго юношества тоже принадлежитъ къ Пасторскимъ обязанностямъ, только найбольшая часть Пасторовъ поступаютъ при томъ очень странно. Мы видѣли выше, что собственно обученіе предоставляется родителямъ, хотя вездѣ есть и Приходскія училища. Для узнанія успѣховъ дѣтей въ чтеніи и молитвѣ, по тому что это non plus ultra учебныхъ требованій, проповѣдникъ зимою назначаетъ во всякомъ помѣстьи одинъ день для испытанія. Дѣти, учившіяся чему ни будь, собираются на дворѣ, или въ какой ни есть крестьянской избѣ, а не

учившіяся остаются дома. Проповѣдникъ велитъ каждому ребенку прочитать строки двѣ, сказать одну заповѣдь, либо что ни будь другое, записываетъ его имя, и думаетъ, что исполнилъ свою обязанность за годъ. Такъ и идетъ это до тѣхъ поръ, пока дѣти не подрастутъ на столько, что могутъ уже ходить къ Причастію. Тогда собираютъ ихъ въ Пасторскомъ домѣ, и въ продолженіе недѣльнаго преподаванія Пасторъ наскоро раздаетъ имъ по долѣ вѣроученія и нравственности, которою они должны довольствоваться всю жизнь, и разомъ пріобщаетъ ихъ къ Христіанамъ à la centaine. Наконецъ въ третій разъ ихъ свѣдѣнія подвергаются испытанію, когда пожелаютъ они вступить въ бракъ. Всякая чета, еще до оглашенія, должна явиться къ Пастору и сказать маленькій Лютеровъ Катихизисъ; а если это сойдетъ плохо, отправляется къ Учителю для затверженія урока.

Я воздерживаюсь отъ всякихъ замѣчаній объ этихъ просвѣщающихъ мѣрахъ, которыми остался бы доволенъ самъ Г. Алоизій Гофманъ, и замѣчу только, что есть еще такіе честные люди, которые, чтобы не краснѣть передъ собою, по крайней мѣрѣ, часто учатъ Катихизису въ церкви.

Чтобы занять дѣятельность Пасторовъ, а также и поддерживать ее, Правительство издало два приказанія, которыя были бы очень спасительны, если бы потрудились пользоваться ими, какъ слѣдуетъ. Одно вмѣняетъ имъ въ обязанности посылать ежегодно Главному Попечителю церквей въ округѣ и Пробсту списокъ дѣтей и ихъ успѣховъ, и доносить, если кто изъ помѣщиковъ не заботится о воспитаніи юношества, или не каждаго юношу представляетъ къ Причастію, по требованію Пастора. Списки посылаются исправно, два раза въ годъ, и идутъ на бумажки для завивки волосъ, либо сваливаются въ архивъ, не читанные. Второе постановленіе приказываетъ, что «ежели въ какомъ ни будь Судѣ окажется 16-ти лѣтній преступникъ изъ Латышей, не бывавшій у Св. Причастія, или, по крайней мѣрѣ, не знающій грамотѣ, тогда Пастора его присуждать къ значительной денежной пенѣ.

Разумѣется, хорошо извѣстно, что чтеніемъ и Пріобщеніемъ духовные едва ли сдѣлаютъ честнымъ человѣкомъ плута. Но же-

лали сдѣлать ихъ дѣятельнѣе и поменѣе угодливыми къ Дворянамъ, которые даютъ очень многимъ дѣтямъ вырости безъ всякаго ученья, чтобы не потерять въ мальчикѣ подпрателя колосьевъ, или свинаго пастуха, а дѣвушекъ удерживаютъ отъ Пріобщенія, чтобы они не выходили за мужъ. Впрочемъ, мнѣ не извѣстно ни одного случая, когда бы примѣнялось это постановленіе къ дѣлу, слѣдовательно, когда бы Пасторъ обвинялъ Дворянина въ нерадивости касательно обученія крестьянъ. [8]

На духовныхъ тоже возложено доносить о всякомъ важномъ преступленіи въ ихъ приходѣ. Они были обязаны къ тому еще при старомъ устройствѣ, и сельскіе Суды передъ каждымъ засѣданіемъ призывали духовныхъ всего Уѣзда къ исполненію этой обязанности. При учрежденіи Намѣстничества это порученіе сдѣлано имъ вторично. А кабы пользоваться имъ, какъ слѣдуетъ, какое было бы обширное полномочіе дѣлать добро! Духовные стали бы покровителями Латышей, отцами ихъ, на самомъ дѣлѣ почтенными вѣстниками спасенія. Счастливо сословіе, которому дозволено, даже вмѣнено въ обязанность, вступаться за угнетенныхъ братій, и которое можетъ поступать такъ, не дѣлая опаснаго скачка изъ домашняго круга обыкновенной жизни въ дикую область чрезвычайнаго, а это такъ легко, такъ охотно считается за одно съ сумасбродствомъ и духомъ возмущенія!

Жаль, что и это назначеніе съуживается подъ гнетомъ обычая и еще болѣе жалкаго своекорыстія. Многіе Пасторы сами виноваты въ проступкахъ, которые должны бы предупреждать. Другіе опасаются за исповѣдные гроши, за кошельковыя приношенія; иные, поблагороднѣе, боятся лишиться общественныхъ удовольствій и покоя, если станутъ доносить на другія, а не крестьянскія, преступленія. Латыши жалуются имъ напрасно.

---

[8] Хотять ли вѣрнаго изображенія дѣятельности всякихъ блюстителей порядка въ Ливоніи? Его найдутъ въ одной старинной народной пѣснѣ: «Однажды баринъ послалъ дурака жать овесъ. Дуракъ и овса не жнетъ, и домой не идетъ. Баринъ послалъ дубинку поколотить дурака. Дубинка не колотитъ дурака, а дуракъ ни овса не жнетъ, ни домой не йдетъ. Баринъ послалъ огонь и т. д. Огонь не жжетъ дубинки, дубинка и т. д. да безконечности (in infinitum).»

Духовные тщательно стараются не знать всякихъ постыдныхъ вещей, которыя все еще позорятъ міръ, не смотря на самыя прекрасныя намѣренія Правительства: ихъ собратъ человѣкъ, ввѣренный имъ сынъ, терзаемый резвившимися гарпіями, простираетъ имъ руки съ мольбою объ избавленіи. Они спугнули бы этѣхъ гарпій, если бы подоспѣли къ нему, а они спокойно пробираются мимо, чтобы поберечь свои парики. Правду сказать, нѣтъ постыднѣе того порока, который не признается порокомъ, этого старчески осторожнаго себялюбія съ ледянымъ сердцемъ, заботливо разсчитывающаго при всякомъ поступкѣ: «чего это будетъ мнѣ стоить? что будетъ мнѣ за это?» Довольно одного примѣра, чтобы представить въ полномъ блескѣ самолюбивое безчувствіе такого множества Пасторовъ.

Одинъ Рижскій купецъ, Бургомистръ.... досталъ себѣ Дворянство и купилъ помѣстье. Тутъ встрѣтилась ему между крестьянами чрезвычайно красивая дѣвушка, 13-лѣтній ребенокъ. Чтобы воспользоваться своею помѣщичьей властью, онъ изнасиловалъ дѣвушку, съ помощію служителя, и завершилъ мерзкое дѣло тѣмъ еще, что каждый день грозился дать розогъ ребенку и ея отцу, смѣй только они пожаловаться. Приходскій Пасторъ знаетъ объ этомъ происшествіи: оно ему извѣстно, по тому что я пишу это съ его же словъ, и онъ молчитъ! Несчастные, говорилъ онъ, побоялись бы сказать ему что ни будь, если бы онъ и сталъ ихъ распрашивать.

Проповѣдники человѣколюбія! Я не предполагаю у васъ ни какихъ побужденій еще грязнѣе, но слабодушіе и достойная наказанія лѣнь мѣшали вамъ допытываться какого ни будь средства къ отыскапію достаточныхъ доказательствъ, по тому что тогда ужь вамъ бы надо было защитить невинность и человѣчество. Вы знаете, на вѣрное знаете, что такія постыдныя дѣла вовсе не рѣдкость, и что многіе помѣщики причисляютъ ихъ къ своимъ правамъ надъ рабами. Примѣра два оказаннаго правосудія скоро исправили бы такія понятія; но гдѣ ужь вамъ подавать этѣ примѣры, когда у всѣхъ духовныхъ такой же равнодушный образъ мыслей, какъ у васъ, а крестьянинъ не смѣетъ жаловаться. Не говорите, что вы сдѣлаете долю бѣдняковъ еще тяжеле. Васъ

возьмутъ подъ свою защиту Суды, которые вообще станутъ принимать поживѣе мѣры для безопасности Латышей, только бы оглашалось всякое преступленіе.

Пусть убѣдятся духовныя лица, что самое вѣрное средство для заявленія правъ Латышей и для убѣжденія Дворянства въ дѣйствительности этѣхъ правъ есть сколько можно частое напоминаніе о нихъ. Права подчиненнаго очень легко старѣются, ежели онъ не смѣетъ оборонять ихъ, а заступникъ его дремлетъ. Выговоры, разумѣется, будутъ иногда наградою друга людей, но предпріятія на пользу человѣчества нельзя никогда бросать. Всякая неудача должна быть только приглашеніемъ начинать дѣло сызнова поосторожнѣе и поусерднѣе.

Пройдетъ и еще столѣтіе, пока поднимуть Латышей; однако жь Пасторы все же обязаны своею бдительностью и строгимъ порицаніемъ, по крайней мѣрѣ, отпугивать Дворянство отъ его добычи. Наконецъ оно и броситъ ее, покраснѣвъ отъ стыда, либо жалобы дойдутъ до Правительства. Вѣдь духовные не устаютъ же безпрестанно говорить и повторять все за ново о такихъ вещахъ, которыхъ по тому только ни кто и не замѣчаетъ, что онѣ приходятся по мѣркѣ всѣмъ и всѣ ихъ знаютъ. А за чѣмъ же они такъ скоро устаютъ воевать за самое святое дѣло, если имъ не киваютъ головой въ знакъ одобренія? За чѣмъ не дѣлаютъ содержаніемъ своихъ проповѣдей права человѣка, [9] а оборону его правъ главнымъ занятіемъ своей жизни?

Вездѣ, гдѣ ни господствовала феодальная система, духовное сословіе было противовѣсомъ Дворянства, и эта система уступила мѣсто болѣе человѣчнымъ гражданскимъ устройствамъ. А сдѣсь духовный плотно примкнулъ къ своему противнику, и оба, въ братскомъ союзѣ, цѣлыя пять столѣтій пригнетали крестьянина. Государи хотѣли было опять навести духовныхъ на свойственную имъ точку зрѣнія, а они покупаютъ дипломы!

---

[9] Самымъ торжественнымъ образомъ я предостерегаю отъ всякихъ ложныхъ толкованій этого слова во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только привожу его. Разумѣю подъ правами человѣка право обходиться человѣколюбиво съ своими согражданами.

Мужи Евангелія! Проповѣдники правды! Выслушайте, и постыдитесь! Ваше высокое призваніе словомъ и дѣломъ защищать человѣчество и добродѣтель. [10] Въ вашей средѣ тотъ уже не достойный, заслуживающій наказанія, измѣнникъ своему долгу, кто молчитъ изъ мелочныхъ разсчетовъ, изъ низкаго своекорыстія, или изъ болѣе еще жалкой и мелочной спеси, когда бы ему слѣдовало сказать огневое слово; спитъ, когда кипучая дѣятельность должна бы заставить его позабыть самого себя и все посторонее. По тому что Государство не за тѣмъ же даетъ вамъ должность и хлѣбъ, чтобы вы были тунеядцами и прихвостнями своихъ прихожанъ, а не наставниками и отцами Латышей. Phocis cecini.

Доходы Пасторовъ очень не одинаковы. Есть приходы, дающіе отъ 800 до 1000 червонцевъ, а другіе едва 150 червонцевъ. Эти суммы доставляются доходами съ Пасторатскихъ земель, Пасторскими оброками и доходами Пасторовъ.

Я уже говорилъ о пасторскихъ Помѣстьяхъ и вредѣ отъ нихъ. Пасторскіе оброки состоятъ въ деньгахъ, зерновомъ хлѣбѣ, курахъ, маслѣ, льнѣ, и проч. Взносъ деньгами не вездѣ одинаковъ, и во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не водится. Зерновымъ хлѣбомъ каждый гакъ долженъ платить три мѣры. Но есть приходы о 120 гакахъ: стало быть, очевидно, что эти оброки очень значительны. Доходы состоятъ въ, такъ называемыхъ, требныхъ деньгахъ и добровольныхъ подаркахъ. Первыя такъ разнообразны, что я не въ состояніи исчислить всѣхъ. Упомяну только о самыхъ обыкновеніыхъ.

За крестины, причащеніе, оглашеніе, свадьбу и похороны крестьянинъ платитъ нѣсколько грошей, куръ и шерстяныхъ перчатокъ, да, кромѣ того, ежегодно два съ половиною гроша за исповѣдь. Съ перваго взгляда это покажется очень немного; но если сложить все вмѣстѣ, то подивишься суммѣ. Есть кирки, въ которыхъ отъ 3 до 4 тысячъ Латышей должны пріобщаться два

[10] Т. е. свободно предлагать обязанности и строго обличать нарушеніе ихъ.

раза въ годъ, а одинъ исповѣдныя крестьянскія деньги простираются тамъ отъ 40 до 50 червонцевъ.

Уже сама по себѣ соблазнительна мысль, что служитель Вѣры исправляетъ только за плату всякое мелочное дѣло по его должности, какъ почтовыя и таможенныя послуги, а благодаря свободному полю дѣйствій для падкаго на прибыль Пастора при сборѣ денегъ за требы, этѣ деньги становятся истинно позорящею Вѣру гнусностью. Я самъ былъ свѣдѣтелемъ, какъ Пасторъ отказалъ въ погребеніи покойнику за то, что не въ состояніи были заплатить ему 4, или 5, грошей за эту требу.[11] Другой, тотчасъ же послѣ вѣнчанія, велѣлъ сорвать полотняное покрывало съ головы новобрачной, по тому что ему было извѣстно, что она не невинность и, слѣдовательно, должна подарить ему это покрывало. При такомъ обхожденіи крестьяне научаются считать обряды Вѣры какимъ-то видомъ налога, а Пастора—акцизнымъ сборщикомъ. Очень обыкновенно, что кумовья кладутъ грошъ Пастору на алтарь и просятъ полгроша сдачи. По тому что полгроша (фердингъ)—самая меньшая дача, какую еще можно сдѣлать.

Всего позорнѣе промышляютъ продажею, такъ называемыхъ, предстательныхъ молитвъ. Латыши находятся въ томъ мнѣніи, что благословеніе Неба несомнѣнно вѣрно для нихъ, когда Пасторъ помянетъ ихъ поименно въ церковной молитвѣ. При всякомъ случаѣ, близкомъ ихъ сердцу, въ болѣзни, передъ посѣвомъ и жнитвомъ, даже задумавъ бѣжать,[12] они несутъ милостивому церковному господину два фердинга и просятъ себѣ препорученія къ милосердому Богу, въ которомъ никогда почти и не получаютъ отказа. Вмѣсто того, чтобы опровергать это прибыточное вѣрованіе, духовные еще укрѣпляютъ въ немъ Латыша своею услужливостью и торжественною важностью, съ какою,

---

[11] Но я видѣлъ также, что одинъ Пасторъ подарилъ крестьянину деньги за похороны, да еще и за гробъ для покойника заплатила кирка.

[12] Это передавали мнѣ многіе Пасторы. Разумѣется, что проситель не открываетъ Пастору своего намѣренія.

послѣ проповѣди, они возлагаютъ свое упованіе на Отца міра, что Онъ «видимо пошлетъ свое благословеніе на дѣтей, овецъ, свиней, пчелъ, котлы и горшки такого-то честнаго хозяина изъ такой-то волости, да еще другого изъ такой-то, да третьяго изъ первой.»

Мало того! Нѣкоторыя кирки пользуются извѣстностью, что предстательныя молитвы въ нихъ самыя дѣйствительныя. Крестьяне издалека приходятъ на Пасторскій дворъ такой кирки съ телятами, масломъ, медомъ и талерами, и, по затруднительности ходьбы на богомолье, при всякомъ случаѣ нанимаютъ духовнаго пріемщика прошеній на весь годъ. Впрочемъ, не одни благословенія, и проклятія тоже раздаются въ священномъ мѣстѣ. Еще недавно случилось, а, можетъ быть, случается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь, что Пасторъ, за слѣдующія деньги, съ страшными проклятіями отправляетъ къ чорту виноватаго въ какой-то пустячной кражѣ, вѣроятно, чтобы самымъ убѣдительнымъ образомъ изъяснить изреченіе: «Любите враги ваши!» Разумѣется, этотъ новый Валаамъ тотчасъ послѣ проклятія не замедлитъ тоже призвать и благословеніе.

Признаюсь съ искреннею радостью, что есть еще такіе Пасторы, которые не считаютъ скоморошество и заклинаніе обязанностями своего сана. Я знаю лично такого. Я слышалъ самъ, какъ однажды онъ не послушалъ настойчивой просьбы подобнаго рода, напомнивъ просителю, что молитва безъ благоразумнаго трудолюбія и хозяйства ни чего не поможетъ, и въ устахъ нищаго подъ заборомъ она имѣетъ ту же силу, какъ и въ устахъ проповѣдника съ каѳедры. Хоть этотъ честный человѣкъ и долженъ былъ уступить безотвязному требованію, однако жъ твердо настоялъ, чтобы исполнить его безплатно. Назвать его я не смѣю. Если же вамъ хочется знать его, мои земляки, знайте, что онъ тотъ самый, который только тяжбой долженъ былъ заставить своихъ прихожанъ достроить ему новый домъ, когда до половины обвалился старый; онъ тотъ, котораго разславилъ нововводителемъ духовный его сосѣдъ, тщательно подбирающій въ свою мошну всѣ приношенія, пренебреженныя первымъ; отъ того то мой духовный живетъ въ печальномъ одиночествѣ, находя удовольствіе только въ тщательномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Добровольные подарки такъ же тягостны для бѣдныхъ Латышей, какъ и деньги за требы, и тоже очень служатъ поводомъ къ притѣсненіямъ, по тому что во многихъ мѣстахъ они стали неизмѣнною обязанностью. Есть, правда, приходы, на пр., Пернигельскій, въ которомъ подарокъ никогда почти не превышаетъ цѣны рюмки водки, получаемой за то крестьяниномъ; но другіе Пасторы умѣютъ лучше очищать Латышскіе карманы. Одинъ изъ нихъ проситъ садиться Латыша, принесшаго хорошую поживу, зоветъ его любезнымъ другомъ, освѣдомляется о дорогомъ его семействѣ и обо всемъ, до него относящемся. А приди-ка къ нему черезъ день съ какой ни будь бездѣлицей, этотъ же самый крестьянинъ, онъ ужь не посмѣетъ и войти въ комнату и будетъ принятъ очень сухо. Другой духовный бросилъ къ ногамъ бѣднѣйшаго крестьянина его рукавицу съ яицами, и сказалъ, что если онъ не въ состояніи принести ни чего получше, такъ оставилъ бы у себя и это. Третій... однако жь довольно! Пріемы жадной скупости вездѣ одни и тѣ же, и мои читатели охотно избавятъ меня отъ принужденія, которое я долженъ былъ бы сдѣлать себѣ, чтобы писать такія вещи. Да и кто же станетъ еще удивляться такой далекости между крестьяниномъ, его Пасторомъ и Попечителемъ, если вспомнитъ, что крестьянинъ не смѣетъ никогда къ нему явиться съ пустыми руками.

И въ самой Ливоніи видятъ, какъ много не достигаетъ своего назначенія это важное сословіе, и многіе Дворяне, привязанные къ Отечеству, уже часто занимались предположеніями, какъ бы сдѣлать его полезнѣе. Одно изъ предположеній было то, чтобы уравнять въ величинѣ всѣ приходы и сдѣлать всѣ ихъ о 60 гакахъ, по тому что одинъ человѣкъ, хотя, очевидно, еще можетъ пріобщить жителей сотни гаковъ, но просвѣтить ихъ уже не въ состояніи. Посредствомъ этого предположенія можно было бы достичь разныхъ выгодъ, но многія мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ его не исполнимымъ. Да отъ него совсѣмъ и не измѣнится отношеніе Пастора къ крестьянину, а въ этомъ-то вся и суть.

Слѣдующее предположеніе лучше: Надобно взять у Пасторовъ земли и деньги за требы. Вмѣсто того и другого пусть получаютъ они приличное содержаніе деньгами. Хотя они и потеряютъ черезъ это немного значенія у Дворянъ, но будутъ за то полез-

нѣе и достойнѣе крестьянской привязанности. При всякомъ исправленіи должности они перестанутъ казаться низкими наемщиками и продавцами отпустовъ въ прегрѣшеніяхъ, а по тому-то именно ужь и не будутъ плохими утѣшителями при смертномъ одрѣ, или холодными проповѣдниками добродѣтели. Тогда ни что не помѣшаетъ имъ быть повѣренными и друзьями своихъ духовныхъ дѣтей и съ смѣлымъ мужествомъ возвышать голосъ противъ всякаго ихъ притѣсненія. Крестьянинъ ужь не станетъ ихъ смѣшивать съ своими господами. Онъ привяжется къ нимъ, какъ дѣтя, а любовь къ его наставникамъ внушитъ ему покорность предписаніямъ Вѣры. Сами Пасторы, относительно доходовъ, не будутъ уже отчасти зависѣть отъ послѣдствій жатвы и благосклонности своихъ милостивыхъ покровителей. Имъ не доведется уже отупѣть въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, хотя бы отъ скуки они станутъ продолжать свое ученіе и могутъ очень дѣятельно заботиться о крестьянскомъ просвѣщеніи.

Но и это только благочестивое желаніе, которому врядъ ли исполниться. Надменность Пасторовъ упирается противъ того, чтобы учить народъ какъ ни будь иначе, а не съ каѳедры; да и Дворянство, которое всегда могло бы отстоять перемѣну, беретъ въ соображеніе старинную Славянскую поговорку: «Откармливай пѣтуха, чтобы онъ не вывелъ тебѣ василиска!» Хотя это предположеніе принадлежитъ Дворянину, но тысячи уваженій будутъ вѣчною остановкою его сословной собратіи, которая выдумаетъ безплодныя затрудненія. Стало быть, Ливонскій сельскій Пасторъ долго еще будетъ обработывать свое поле и оставлять подъ паромъ головы своихъ прихожанъ, будетъ бражничать съ Дворянами, молиться и проповѣдывать для крестьянъ, обирать куриц, деньги за требы, подарки, каждый годъ заставлять прочитывать по стиху крестьянскаго ребенка, и при томъ мечтать о своей важности и значеніи въ Государствѣ.

Si natura negat, facit indignatio versus. *

О люди, выдающаяся черта въ великомъ кольцѣ, загадочное звено въ цѣпи этого міра, существа переходныя отъ животныхъ къ Ангеламъ, облагороженныя и обезображенныя разумомъ!

Отецъ, Ты, Который заронилъ въ нашу природу божественную искру Небеснаго духа, и напоенную этѣмъ огнемъ земную душу возвысилъ даже до мысли о Твоемъ величіи!

Не уже ли Ты, виновникъ нашего бытія, даровалъ свѣтъ и жизнь только на пагубу твоимъ новымъ созданіямъ, къ которымъ и въ гнѣвѣ Ты милостивъ?

О, имѣй терпѣніе къ Твоему слабому созданію, которое во мракѣ зоветъ Твои лучи, и грустное, боязливое, однако жъ невинное, блуждаетъ изъ одного лабиринта въ другой.

Твои дѣла вышли изъ Творческой руки великими и благородными, прекрасными и мудрыми, пока ложная мудрость змѣинаго ума не взяла на себя дерзости улучшать ихъ.

---

* Въ подлинникѣ это стихи, но переводчикъ, передастъ ихъ прозой.

Что такое истина? Скажите съ вашихъ престоловъ, вы, начиная съ Конфуція до Мендельсона, сидящіе тамъ въ метафизической тьмѣ и сочиняющіе лумапныя гипотезы!

Вы, упоенные мудростью, съ потайнымъ своимъ фонаремъ бродите въ глубокомъ мракѣ, и въ блудящихъ огонькахъ думаете видѣть небесныя свѣтила, пока не очнетесь, когда уже будетъ поздно, для смертнаго сна.

Человѣчество, бѣдное человѣчество, твои наставники, всѣ твои мудрецы, не знаютъ ни чего: поклонники своихъ бредней, они, точно бабочки, порхаютъ кругомъ свѣтлаго луча.

А злоба, крадущаяся въ темнотѣ, быстро охватываетъ пагкій духъ слабости до тѣхъ поръ, пока не подастъ ей сладкую отравленную чашу и не сведетъ ее рабою въ изгпаніе.

Когда живописецъ опуститъ свою кисть въ черныя краски скорби, и вдохнетъ въ свои группы угнетеніе, заботу и горе, гордость и рабство:

Выроните слезу о нашемъ божественномъ поколѣніи при этой печальной картинѣ: посмотрите, права человѣка погребены въ могилѣ, и кому вокресить ихъ?

Тамъ, похожіе на муфтіевъ, вельможи съѣдаютъ въ роскоши лучшее богатство края, а пахарь, всегда сердце Государства, бѣдствуетъ за оставленной ему мякиной.

И Дворянскіе маклеры людей въ кровавой приходной книгѣ считаютъ свои сокровища только по числу людскихъ душъ, и благоденствіе ихъ—проклятіе рабовъ.

Отъ грустной колыбели до могилы, подъ желѣзною палкою деспотовъ, съ разгорѣвшимися и потными лбами, работаютъ на барщинѣ цѣлые народы, великіе и прекрасные.

Свобода—ужасное слово для ихъ ушей, ужаснѣе «Государственной измѣны,» по тому что ихъ духъ, ихъ, рожденныхъ для рабскаго ярма, скованъ безсмысліемъ.

Кругомъ, на своихъ заоблачныхъ престолахъ, возсѣдаетъ старое монашество, озирается злобными взглядами, опершись на предразсудокъ, а скипетръ у него тяжелъ, какъ свинецъ.

Подъ его черными вороновыми крыльями изрыгаютъ свой ядъ языки клеветниковъ, соглядатаи съ наглостью взламываютъ печать искренней дружбы, и кого выслѣдятъ этѣ гончія, тотъ гибнетъ жертвою вѣроломства.

Во всякихъ климатахъ, гдѣ только слышится сдавленный голосъ правды, этѣ хищныя птицы грозятъ бастиліей, инквизиціей, острогомъ, подкопами, кандалами, уголовнымъ судомъ.

Когда разбойники убиваютъ только кинжалами, черепа этѣхъ злодѣевъ бѣлѣются на колесѣ; а когда дикія народныя орды губятъ страны—это богатырство.

Когда кто ни будь крадетъ у своего вѣрнаго друга кошелекъ, это—мошенничество; а когда политика грабитъ Государства, по ученію Макіавеля, это называется благоразуміемъ.

Сквозь невѣрные очки политиковъ нравственность—площадная шутка, а справедливость—причуда, запавшая въ философскую голову.

Бѣдные братья, не уже ли васъ создалъ Богъ для цѣпей, для желѣзнаго ярма безсмыслія? Не уже ли ни одинъ мститель не въ состояніи освободить васъ изъ длинной ночи предразсудковъ?

Нѣтъ, лучъ истины еще слишкомъ ярокъ для васъ, самая свобода будетъ могилою вашего покоя, и изъ того источника, который Творецъ далъ намъ для подкрѣпленія, вы вкусите одно опьяненіе.

Ласкаясь и пресмыкаясь, сгибайтесь, какъ рабы, подъ барскимъ приказомъ, и погибайте со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, если разсудокъ когда ни будь и напишетъ вамъ вольную.

Несчастные въ состояніи рабства, вы обольетесь кровью, когда свобода взмахнетъ своими крыльями: какой же великій и

смѣлый боецъ за права человѣка осмѣлится на дѣло освобожденія?

О люди, выдающаяся черта въ великомъ кольцѣ, загадочное звено въ цѣпи этого міра, существа, переходныя отъ животныхъ къ Ангеламъ, облагороженныя и обезображенныя разумомъ!

Сдѣсь сидитъ привидѣніе, съ ненавистью къ людямъ смотрящее во всѣ глаза и высматривающее въ прахѣ какой ни будь ученой лжи на пользу самой ужасной злобы и для обмана потомства.

Тамъ духъ Бонзъ бросаетъ украдкою ядъ съ ораторской каѳедры и еретическимъ ученымъ тономъ проповѣдуетъ раздоръ изъ миротворныхъ завѣтовъ Евангелія.

Тутъ скупость съ дьявольскою радостью роется въ золотомъ содержаніи своей шкатулки, не обращая и вниманія на проклятія сиротъ, и повѣряетъ свою толстую приходную книгу.

Тамъ, чтобы поймать въ свои сѣти судей, крючкодѣи, со взглядами гіены, такъ и высматриваютъ, не спряталась ли въ какой уголокъ правда, все по тому, что плутъ проситель предлагаетъ имъ свой тяжелый кошелекъ.

И судья даетъ продажные приговоры, радость и горе, смотря по золотымъ доказательствамъ; да и поцѣлуй, которымъ награждаетъ его съ ласкою дѣва радостей, тоже наноситъ вредъ закону.

Привязанный на шелковой нити любви, идетъ гордый стоикъ, и на колѣняхъ передъ очаровательной дѣвой добивается у ней чего-то, что завтра станетъ проклинать.

О Боже! Ты создалъ въ такой величавой красотѣ міръ не мѣстомъ жестокой власти и обмана, когда Твое отеческое и могучее: «Да будетъ!» вызвало изъ ничтожества небесныя свѣтила.

А злоба, властолюбіе, алчность и сластолюбіе, нарушили Твою прекрасную гармонію, пролили ядъ въ Твои небесные дары, такъ что и умъ и сердце возмущаются горестью.

Меня одинокаго скроетъ пещера и развѣсистый дубъ: тамъ не смѣется ядовито міръ и не произноситъ съ насмѣшкою приговоровъ людской доблести.

А если молва скажетъ мнѣ издалека, что мои братья все также глупцы, она раздастся тамъ тише, и звуки ея замрутъ скорѣе при вечернемъ вѣяніи весенняго вѣтерка.

На утренней зарѣ, возлѣ ручья, я буду пѣть свою священную пѣснь, а вечеромъ серебристая свирѣль разольетъ спокойствіе по утесистому скату горы.

Возлѣ своей маленькой тростниковой хижины я вырою подъ дубомъ могилу себѣ, пока смерть, подкравшись тихо, ласково не позоветъ меня, старика, на большой вечеръ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

«Такъ какъ сочиненіе это буквально лежало въ бумагахъ составившаго его нѣсколько лѣтъ, то, конечно, не станутъ искать въ немъ ни какихъ новыхъ намековъ ни на кого и ни на что. Сочинитель не посмѣлъ бы пустить его въ свѣтъ, если бы намѣреніе его не было чисто, а совѣсть рѣшительно спокойна.»

Юмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

Посвященіе. 1

Введеніе 8

Отдѣленіе I. Краткая Исторія Латышей и общее описаніе ихъ 15

II. Характеристика Латышей. 35

III. Барщинная работа и оброки Ливонскихъ Латышей 55

IV. Попытки къ улучшенію состоянія крестьянъ въ Ливоніи ... 68

V. Права Латышскихъ поселянъ въ Ливоніи. 99

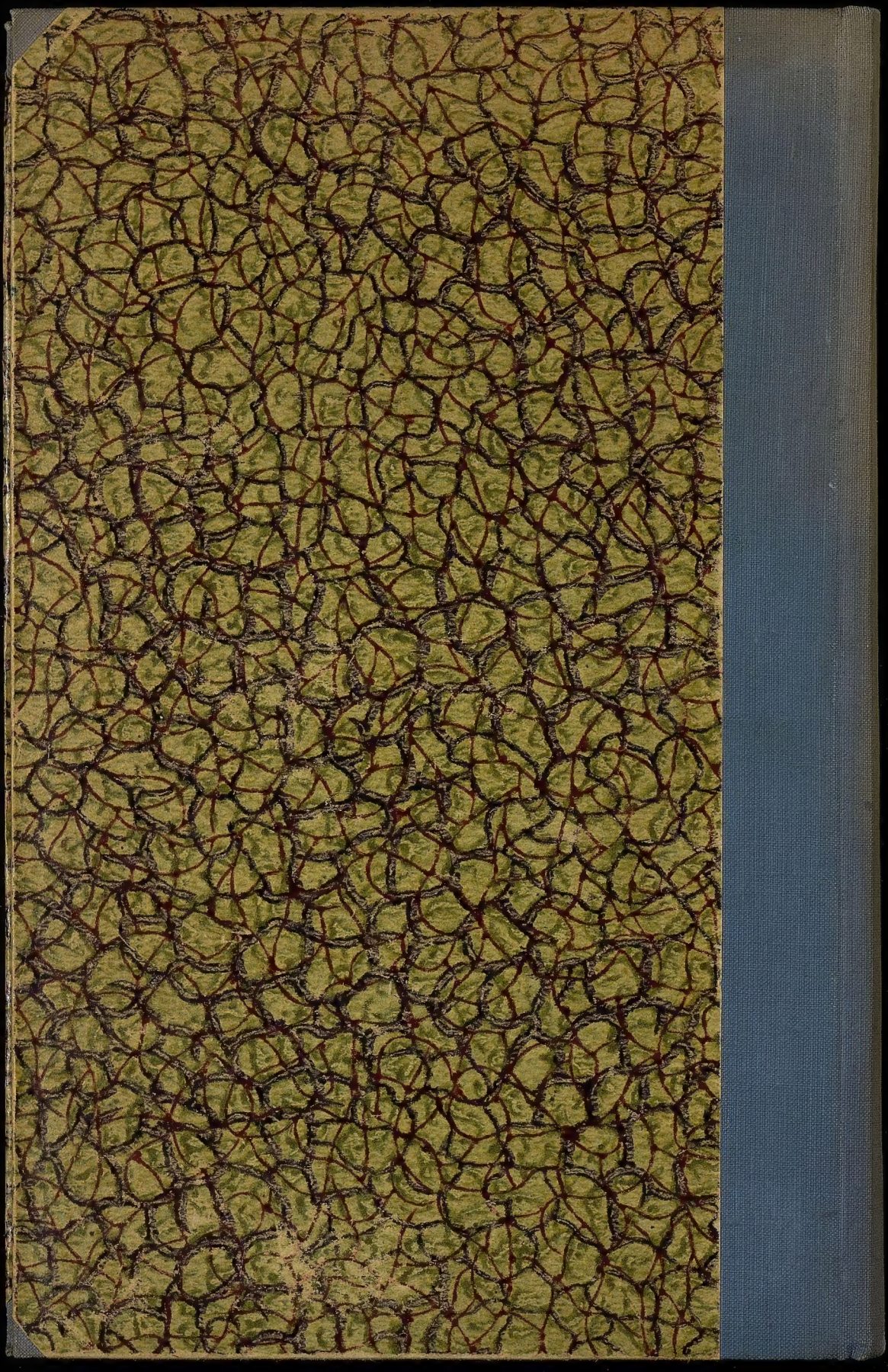
VI. Взглядъ на будущее 120

VII. Можетъ ли быть вредно уничтоженіе рабства? 144

VIII. Средство доставить Латышу свободу и образованность. 153

Прибавленіе. Краткое описаніе сельскаго духовенства въ Ливоніи. .....

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				Читайте:
Стран.	Строка.			
3	сверху	21	не имѣю	не смѣю
5	—	10	внесли	могъ внести.
16	—	14	пользуются	пользуется.
31	—	20	воровать,	вороватъ.
44	—	16	раки	раковъ,
52	—	12	рыбы	рабы,
55	—	19	духъ	двухъ,
62	—	7	уносилось	уносится.
64	—	8	наслѣдственное право	потомственнаго права
69	—	27	представлено	предоставлено.
82	—	22	долженъ	должна быть.
100	—	7	святомъ	святыхъ.
129	—	11	повлекшихъ	поблекшихъ
129	—	29	кушанье	кушаній
152	—	7	что бы	чего бы
151	—	4	непримѣненными	непримѣнимыми.
156	—	31	разсказываетъ	расхаживаетъ.

Кромѣ того коегдѣ Асгераденъ вм. Ашераденъ.